

СО СВЕРКАЮЩИХ ВЕРШИН МИРА НА САМОЕ ДНО.
КАКОВА ЦЕНА ВОЗВРАЩЕНИЯ В БАШНЮ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ?

ПРЕЗИДЕНТ ПЛАНЕТЫ

ФСБ

18+

Фантастика от звезды YouTube

ЧБУ

Президент планеты

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЧБУ

Президент планеты / ЧБУ — «Эксмо», 2022 — (Фантастика от звезды YouTube)

ISBN 978-5-04-173288-2

2096 год. После величайшего кризиса мир разделился на две части, где богатые – тхари – наслаждаются благами цивилизации, пользуясь услугами роботов и дронов, а бедняки живут, погрязнув в нищете и преступности. Но даже те, у кого есть всё, хотят получить еще больше: несколько могущественных семей объединяются, чтобы свергнуть Келвинов с позиции властителей мира, захватив их компанию. Для детей Келвинов выход один – бежать. Им придется спуститься с безоблачных высот в новый грязный мир. Чтобы вернуть свой дом и отомстить за свою семью, им предстоит пройти через ад трущоб, познать голод и страх, боль и унижение. Смогут ли они не потерять себя? И что обретут в поисках дороги домой? Книга от известного блогера ЧБУ, автора философской космической истории «Каменные небеса». «Президент планеты» – это история о будущем, это альтернативный взгляд на то, каким может стать мир всего через несколько десятилетий, каким станем мы в этом мире. Роман о гранях человеческой сущности: до чего можно опуститься в погоне за наживой или просто пытаюсь спасти свою жизнь. Как жестоки могут быть те, в руках кого окажется даже минимальная власть. Как беззаботны люди, когда их слепит блеск окружающего золота, и как беспощадны они, чувствуя свою силу. История о жизни на вершине мира и о падении на самое дно. Погони, динамичный сюжет и шокирующая откровенность некоторых сцен.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173288-2

© ЧБУ, 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Столица. Сумасшедший собеседник	7
Посёлок. Самая дорогая еда в мире	15
Канализация. Хлопушка	32
Гибралтар. Толстый футболист	38
Казино. Любитель боевиков	46
Красный квартал. Аттракцион в мусорном баке	53
Тюрьма. Вид с горы	62
Больница. Сладкоежка	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

ЧБУ

Президент планеты

© ЧБУ, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Столица. Сумасшедший собеседник

Самый богатый в мире человек ехал по африканской дороге на бронированном лимузине. Спереди и сзади его сопровождали два внедорожника с охраной. Он был не просто богат, он был богаче всех богачей.

К ста четырём годам Эдуард Келвин купил половину мира, его капитал превышал состояние второго по обеспеченности человека более чем в пятьдесят раз. Ему принадлежала вся транспортная система на планете, а также строительные и добывающие компании. Он имел неограниченное влияние на экономическую и политическую сферы любой страны, за что и получил прозвище Президент планеты.

И он был стар. Его портретом можно было пугать детей: седые, почти прозрачные волосы, кожа землистого оттенка, худое, безжизненное лицо. Когда он закрывал глаза, то становился неотличим от мумии. Только спина, всегда прямая, сохраняла вековую несгибаемость. У него был рак половины органов, но Эдуард продолжал жить благодаря миллиардам наноботов, плавающих в его крови и уничтожающих любую заразу.

Эдуард приехал в Абуджу, столицу Нигерии, четыре дня назад. На улицах ночного города было шумно – мужчины и женщины, старики и дети, собаки, пешеходные дроны, автоматические уборщики. На тротуарах было не протолкнуться, и люди выходили на проезжую часть. Практически у всех в руках были биты, молотки, камни или куски железной трубы. Стоило проехать машине премиум-класса, на неё со всех сторон сыпались удары. Здесь, как и во всём мире, ненавидели богачей. Каждый третий потерял работу после величайшего всемирного кризиса в две тысячи восемьдесят девятом году, что повлекло за собой ненависть низшего класса к высшему. К две тысячи девяносто шестому кризис не только не закончился – он набирал обороты, и с каждым годом положение простых людей становилось всё хуже.

Преступность достигла небывалых высот. Чтобы не умереть от голода, людям приходилось грабить и убивать. Никто больше не был в безопасности в таком мире.

На каждом углу стояли продавцы синтетических наркотиков: натуральные были слишком дороги. У каждой стены – проститутки. У каждого перехода – попрошайка. И на фоне всей городской разрухи двигались многочисленные рекламные голограммы, призывающие купить экзоскелет для инвалидов или шампунь от перхоти с генно-модифицированными полезными микроорганизмами.

Эдуард видел всё это из окна и чувствовал лишь глубокую печаль: он помнил те времена, когда люди на улицах спешили на работу, а не были вынуждены зарабатывать прямо на ней.

– Михал, какая у тебя самая большая мечта? – спросил Эдуард у помощника, сидящего напротив.

Тот некоторое время молчал, будто раздумывал, как ответить на такой личный вопрос. Старик никогда не интересовался его жизнью, не спрашивал про семью или здоровье. Его не интересовало ничего, кроме работы. Надо было умереть, чтобы он спросил о чём-нибудь личном. И это всё равно было бы что-то колкое, наподобие: «Ты что, умер? Если ты умер, ты не сможешь работать в моей компании». Потому что старик мог увольнять работников легче, чем сбивал снег с ботинок.

– Никогда не думал об этом, – ответил Михал и понадеялся, что это последний подобный вопрос. Ничего хорошего такие разговоры не предвещали. – Наверное, это слишком необычно, но я с самого детства мечтаю уметь путешествовать во времени. Знаете, как в комиксах. Это единственное, что я не могу купить: всякие яхты и самолеты мне уже не интересны.

– Опять эти комиксы, – проворчал Эдуард. – Куда ни глянь, комиксы. Я спрашивал о нормальной, человеческой мечте. Есть ли такая вещь, которую ты хотел сделать всю жизнь?

Хотел бы пожить год в Тибете? Слетать на Марс? Погрузиться на глубину в подводной лодке? Уехать с бродячим цирком?

– Нет, это точно нет. Сто процентов. Будь я настолько романтичен, сейчас курил бы травку и пел песни под гитару с невымытыми сопляками из трущоб.

– Значит, твоя мечта – стать очень богатым? Богаче меня?

В ответ Михал лишь пожал плечами. Да, он действительно хотел стать самым богатым человеком в мире, но у него бы это не получилось. В корпорации «Транстек», которой владел Эдуард, был целый отдел, который давил конкурентов. Демпинговал цены, выкупал поставки, разорял всех, кто захотел влезть в уже занятую сферу. В этом отделе люди, как пауки, сидели перед мониторами и наблюдали, не шелохнётся ли где-нибудь нить. Им было видно всё: кто взял, что взял, куда везёт, почём купил. Если происходил оптовый заказ, неважно где, значит, мелкая компания нащупала выгодную жилу. Отдел бросался на неё и делал так, что компания уходила туда, откуда появилась. В каждой крупной компании теперь был отдел конкуренции.

– Я хочу сделать что-то важное, – произнёс Эдуард.

– В каком смысле? – спросил Михал.

– Всю жизнь я копил деньги, дрался за каждый цент, состояние было моей целью, и я продолжаю зарабатывать. Когда я уйду из этого мира, окажется, что всё моё состояние, мой песчаный замок, который я возводил всю жизнь, мгновенно снесёт приливом.

– Вы, наверное, шутите, – усмехнулся Михал и затем добавил, уже серьёзно: – Шутите, верно?

Михал был молод – ему едва перевалило за сорок, и не хватало минимум пятидесяти лет для того, чтобы понять проблемы старика. Всё, о чём он думал, – это деньги и власть, прямо как Эдуард в молодости. Михал был родом из маленького российского городка Лингуин на границе с Китаем, вырос в бедности, и это оставило на нём свой отпечаток. Теперь его мучало патологическое накопительство. Он был жаден и пытался дотянуться до всего, что оказывалось в его поле зрения. Даже воровал ручки из приёмных различных компаний. Он одевался так, словно все вещи перешли к нему по наследству, ел самую простую пищу, а в свободное время ездил на «Фольксвагене Дейл» две тысячи семьдесят четвёртого года, древней развалюхе, купленной с рук. Из электроники в его автомобиле был лишь транзистор на последнем издыхании, управляющий сигнализацией. А включался он скруткой проводов.

Однажды Эдуард оказался в имении Михала в Германии. Такого бардака он не видел даже на свалке. Михал нёс в дом абсолютно всё, что могло пригодиться и не могло никак. Выглядело это невероятно дико: дом, стоимостью в миллионы долларов, элитный район, дорогая охрана, а внутри целый склад барахла, который не взяли бы и бездомные. Эдуард заставил Михала купить для работы дорогой костюм, чтобы выглядеть представительно, – тот два дня ходил с кислым лицом. Но он был хитёр, этого не отнять, про таких говорили «без мыла влезет».

– Вы самый известный человек в мире, вы достигли вообще всего что можно, – сказал Михал. – Чего вам ещё желать?

– Знаешь, для чего обычные люди копят деньги? – спросил Эдуард, обращаясь будто в пустоту.

– Разумеется, знаю. Мой отец пытался купить дом, но всё проигрывал в карты.

– Они копят, чтобы их потратить, – вот в чём наше отличие. Я же зарабатывал их, чтобы они были.

– Быть самым богатым человеком – здорово, разве нет?

– Было, – ответил Эдуард. – Больше нет. Уже лет двадцать деньги не приносят мне никакого удовлетворения, поэтому я решил их потратить.

– В каком смысле? – Лицо Михала вытянулось. – На что?

– Посмотри в окно. Что ты видишь?

– Бродяг, наркоманов, воров.

– Ты видишь безработных, – поправил Эдуард. – Несколько лет назад мы сделали их такими. Экономика лопнула, и это повлекло за собой смуту. Никто не знает, сколько продлится этот кризис. Я намерен это исправить.

– Скажите, что вы шутите, пожалуйста. Вы ведь не собираетесь покупать еду этим голодранцам?

– Конечно, нет, – ответил Эдуард. – Я не куплю то, что можно проесть или износить, этим пусть занимаются производители кроссовок. Я дам всем работу, построю тысячи заводов по всему миру и создам новую банковскую сеть. Но это ещё не всё: я волью огромные деньги в освоение новых планет. Хочу, чтобы люди жили не только на Луне и Марсе, и тогда меня запомнят не просто как самого богатого человека.

– Вы сегодня ели? – спросил Михал. – У вас нездоровый вид.

– Мне сто четыре! И я ещё никогда не был в столь здоровом уме.

Много лет назад Эдуард принимал участие в финансировании строительства колонии на Марсе, а также в создании жилых и рабочих пространств на Луне. Это не принесло ему финансовых успехов, но он всё равно был доволен проделанной работой. На Марсе сейчас живёт больше пятнадцати тысяч человек, а Луна и вовсе изменила вид – сейчас, если посмотреть на небо, можно увидеть белый диск, крест-накрест пересечённый чёрными линиями человеческих построек.

Больше часа они ехали молча. Радио не играло, а телохранитель Хи на переднем сиденье, отделённый от них перегородкой, вообще никогда не разговаривал. Изредка в борт прилетал камень, брошенный из толпы, или были слышны ругательства в их адрес. Транспортom управлял автопилот, он мягко вёз их в центр города, где за бетонным забором находился район элитных особняков.

Эдуарда не покидало чувство тревоги, но не из-за разгневанной толпы на улице, а по другой причине. Он всегда прислушивался к своей интуиции, и если другие люди видели в ней что-то сверхъестественное, то он объяснял её гораздо проще: глаза заметили то, что сознание видеть не хочет.

Некоторое время он ёрзал на месте, пытался понять, откуда исходят тревожащие мысли. Наконец он нашёл то, что так его насторожило.

– Почему горит эта лампочка? – спросил он сухим, как у вороны, голосом.

– Какая? – спросил Михал.

– Вот эта.

Эдуард указал на красную точку в углу монитора, встроенного в водительское сиденье. Он знал, что она обозначает, но хотел убедиться в этом.

– Включённый микрофон, очевидно. Сейчас все микрофоны имеют индикатор, чтобы знать, когда можно говорить, а когда нет, чтобы не попасть в неловкую ситуацию.

– Так почему эта лампочка горит?

– Думаете, нас прослушивают? – спросил Михал. – Это маловероятно: чтобы взломать шифрование, уйдут десятки лет.

– Но она всё-таки горит, – заметил Эдуард. – Значит, микрофон включён, и где-то какое-то ухо внимает нашим словам.

– Не думайте об этом, скорее всего, это ошибка. Нас не могут подслушать.

– Ты шутишь? Звони диспетчеру и узнавай, почему горит эта лампочка. И если нас прослушивают, выясни, кто это сделал.

Иногда неглупые люди проявляли немыслимую глупость. Эдуард не считал себя современным человеком. Он всегда с подозрением относился к новым технологиям, тогда как остальные доверяли им свои жизни. Когда в машины поголовно ставили автопилоты, Эдуард сопротивлялся сколько мог. Он предпочитал человека за рулём, а не компьютер. Когда с заводов увольняли людей, заменяя их роботизированными руками, он мог лишь грустить. А когда

армия США решила обзавестись военными роботами, он восстал. Сказал, что профинансирует все остальные армии мира, если Штаты закупят роботов. Безопасность людей должна находиться в их руках, а не умной техники. Казалось, он единственный, кто это понимал.

Из нагрудного кармана Михал достал новенький корпоративный смартфон – «Сони Стар четыре» – и позвонил в местную службу проката, являющуюся дочерней компанией их корпорации «Транстек». Эдуард тем временем обратился к голосовому ассистенту автомобиля:

– Зена, ответь на вопрос.

– Слушаю вас, Эдуард, – ответил мелодичный женский голос с нотками жизнерадостности. Следом раздался сигнал, означающий, что помощник слушает команду: «Дилинь».

– Почему горит красная лампочка в углу экрана?

– Горит индикатор работающего микрофона, он означает, что в данный момент одно из установленных приложений записывает звук с целью получения голосовых команд.

«Дилинь».

– Индикатор горел минуту назад, когда мы с тобой ещё не разговаривали. Отследить, кто его использовал.

На экране появилась круговая стрелка загрузки, и через минуту Зена ответила, как всегда, оптимистично:

– Ни одно приложение не использовало микрофон минуту назад.

«Дилинь».

– Тогда кто его использовал?

На этот раз стрелка загрузки на экране провисела чуть дольше. Михал всё ещё говорил по телефону с администратором, пытаясь убедить того разбудить команду разработчиков программного обеспечения.

– Микрофоном воспользовалась программа «Плут», источник неизвестен, – ответила Зена, и Эдуарду показалось, что из её голоса пропала жизнерадостность.

«Дилинь».

«Плут?!» – удивился Эдуард. Этот компьютерный вирус создала хакерская группировка, и, по слухам, он мог взломать защиту любого компьютера. Для Эдуарда это всегда звучало как шутка, ведь название вируса совпадало с именем мультяшной собаки.

– Что это за программа? – спросил он. – Как она смогла обойти шифрование?

Вопрос остался без ответа, лишь бесконечная загрузка напоминала о присутствии голосового помощника.

– Всё верно, нас прослушивают, а это, как вы понимаете, совершенно неприемлемо в машине премиум-класса, – говорил в телефон Михал, поправляя съехавший набор галстук. В машине стало жарко.

– Смени код шифрования, – приказал Эдуард.

– «Плут» – это мой хозяин, – ответила Зена, проигнорировав последнее предложение.

«Дилинь».

– Что значит «твой хозяин»? Это я твой хозяин. Я взял машину в аренду, значит, ты должна слушать меня.

Кондиционеры всё больше раскаляли воздух. Михал, поглощённый телефонным разговором, автоматически снял пиджак и положил на сиденье рядом с собой. Эдуард попытался открыть окно, но кнопка стеклоподъёмника не сработала.

– Хи, выключи кондиционер и открой окна, – сказал Эдуард в перегородку, ведущую к водительскому сиденью.

– Не получается, – после паузы ответил телохранитель. – Окнами управляет борткомпьютер.

– Вы мой клиент, – ответила Зена. – А «Плут» – мой хозяин. Только он может приказывать мне.

«Дилинь».

– Разорви все соединения и смени код шифрования, – приказал Эдуард, не ожидая реакции, но она ответила:

– Слушаюсь. Код шифрования успешно изменён.

«Дилинь».

Значок работающего микрофона погас лишь на секунду, а затем загорелся вновь. Автомобиль начал разгоняться, на переднем сиденье послышалось шуршание – Хи пытался отобрать руль у автопилота.

– Индикатор ещё горит, – заметил Эдуард. – Почему?

– Потому что ваш компьютер взломан, – ответил мужской голос.

От удивления и Михал, и Эдуард дёрнулись в стороны. Они не ожидали услышать рядом с собой кого-то постороннего. На экране водительского сиденья появился взлохмаченный человек, будто несколько месяцев не прикасавшийся к расчёске. Его длинные светлые волосы свисали до самых плеч, а неухоженная борода спуталась. Под бледно-голубыми глазами виднелись синяки от бессонных ночей. Парню перед ними было около тридцати, но выглядел он намного старше Эдуарда.

– Знаете, кто я? – спросила голова.

Все знали этого человека – самого известного в мире киберпреступника. Он возглавлял хакерскую группировку «Гелеарте», и каждую неделю его небритое лицо появлялось в выпусках новостей в связи со взломом очередной базы данных. На его совести было множество человеческих жизней: хакер пускал сверхскоростные поезда под откос, сбивал электронику самолётов, перехватывал управление автомобилей и отключал холодильники, где хранятся дорогие медицинские препараты. Судя по всему, он поставил себе цель уничтожить как можно больше людей. Не существовало в мире более ненавистного террориста. Его желали поймать спецслужбы каждой страны, за информацию о нём предлагались огромные деньги, но тем не менее найти его не удавалось. Он был одним из немногих людей, которым был запрещён въезд на Марс. В колонию на соседней планете принимали всех, кто желал участвовать в освоении новых территорий. Любой преступник мог попросить убежища, и ему предоставили бы бесплатный билет на межпланетный перелёт в обмен на пожизненную работу в марсианской корпорации: строительство домов, прокладка дорог и обслуживание многочисленных приборов.

Но не Клаусу Беккеру – этого человека ненавидели все.

– Клаус Беккер, – ответил Михал. В его голосе появились панические нотки. Связь с этим человеком не могла означать ничего хорошего.

– Никогда не любил это имя, – ответил человек в мониторе. – Но вы правы, это я. Знаете, почему я здесь?

– Избавь нас от своего присутствия, – ответил Эдуард. Он был слишком стар, чтобы бояться пусть и самого опасного преступника. – У нас есть дела поважнее, чем разговаривать с такими, как ты.

– Я здесь для того, чтобы ускорить человеческий прогресс.

– Михал, отключи его, – приказал Эдуард. – Не хочу слушать очередной пропагандистский бред всяких фанатиков.

Повинуясь команде, Михал отключил экран, но тот загорелся вновь. Машина тем временем неслась на огромной скорости. Эдуард никогда не пристёгивался, когда ездил в машине: автопилоты никогда не попадали в аварии. Однако в этот раз он всё же пристегнул пятиточечный ремень.

Словно в ответ на это, машина ударилась в ограждение и чудом не улетела в кювет, что было бы гарантированной смертью для всех трёх пассажиров: по ту сторону ограждения нахо-

дился обрыв высотой в сорок пять метров. От удара Михал залетал по салону, как пластиковый мячик в игровом автомате.

Обе машины сопровождения остались далеко позади. Эдуард видел, как те резко затормозили.

– Хи, что там происходит? – закричал Михал, упираясь руками в потолок, а ногами в пол.

– Машина хочет нас убить, – послышался приглушённый из-за перегородки ответ. Хи на водительском сиденье давил на тормоз и крутил руль, сражаясь со взбесившимся автопилотом.

– Чего тебе надо? – спросил Эдуард, когда они выехали на ровную дорогу. – Исчезни!

Движение стало плавным: машина больше не пыталась перевернуться. Она приближалась к блокпосту, отделяющему город Абуджа от района элитных особняков. Такие территории, обнесённые забором, есть в каждом городе. Их построили после голодных бунтов, когда богатых людей вытаскивали из домов, номеров отелей, избивали и привязывали голыми к фонарным столбам.

Периметр охраняли дроны-разведчики и автоматические турели. Любой, кто пожелал бы перелезть через забор, оказался бы на той стороне с полными карманами свинца, а микроволновые пушки могли превратить любого в запечённую котлету. Раньше территорию охраняли живые люди с шокерами, но вскоре их заменили, когда в нескольких городах стражи открыли ворота бунтующим, поддавшись психологическому давлению толпы.

Бронированный лимузин остановился перед стальными воротами с надписью «Въезд только по пропускам». Эдуард посмотрел на роботов-стражей с пулемётами в руках, их было трое: два стояли у дороги, третий на вышке. По обыкновению, один из них уже должен был подойти для визуальной идентификации: убедиться, что машину не угнали те, кому въезд запрещён. Однако сейчас оба стояли по стойке смирно, повернув головы в их сторону.

Внешность для роботов выбрали устрашающую. Любой негодяй при взгляде на такого решит красть и убивать где-нибудь в другом месте. Белый корпус можно было заметить издали даже ночью, широкие плечи и оружие весом в пятьдесят килограммов отпугивали даже самых отчаянных грабителей. Голова, выполненная в стиле скалящейся волчьей морды, даже появилась на обложке журнала Tech, чем вызвала у многих читателей обоснованную тревогу.

Эдуард смотрел на такого робота и не понимал, почему тот не двигается. Страж лишь стоял у дороги и глядел на машину издали, словно ожидая чьего-то приказа. Небольшой индикатор на груди горел циановым – обновление, в него что-то загружали.

– Мне это не нравится, – подал голос Михал и дёрнул ручку открытия двери. – Мы заперты.

– Хи, сдай назад, – приказал Эдуард.

– Не могу, автопилот не отдаёт управление.

– Эдуард Келвин, – заговорил Клаус, когда понял, что с ним не собираются вести диалог. – Вы использовали своё влияние, чтобы затормозить переход всей транспортной и строительной сферы на автоматическое управление. Вы хотели, чтобы каждым устройством управлял человек. Даже автопилот из-за вашего вмешательства в эту машину поставили на пять лет позже запланированного. Вы говорили, что не хотели, чтобы люди теряли работу из-за автоматизации, но на самом деле вы боялись потерять контроль. Боялись, что однажды человек станет не нужен и роботы смогут обходиться без него. Но прогресс не остановить. Дабы ускорить переход всех устройств в мире на самоуправление, мы приняли решение отстранить вас от участия в дальнейшем развитии техники.

Стальной охранник с волчьей мордой двинулся в их сторону. Каждый шаг его трёхсоткилограммового тела отдавался скребущим по асфальту звуком. Хотя внешне он походил на человека: имел две руки, две ноги, голову, – его походка совершенно отличалась от человеческой, и это вселяло противоестественный страх. Он двигался слишком плавно, не раскачива-

ясь в стороны и совершенно не шевеля руками для противовеса – человек бы даже с пулемётом шагал более грациозно.

– Пошёл на хер! – ответил Эдуард. – Будешь рассказывать всю эту херню на встрече анонимных психопатов. А я поеду домой. Не желаю тебя больше слушать ни секунды.

– Погодите! – вставил Михал. – Мистер Беккер, давайте договоримся.

– Никаких переговоров не будет, – сказал Клаус грустным голосом. – Мы с ребятами приняли окончательное решение. Оно не подлежит обсуждению. Корпорация «Транстек» должна сменить своего хозяина.

– Никто с тобой договариваться и не собирался, – ответил Эдуард с презрением. – Слишком много в тебе самомнения для такого ничтожества.

Страж остановился у окна лимузина и наклонился, чтобы заглянуть внутрь, стекло опустилось вниз само по себе, и в салон ворвались звуки улицы: далёкая сигнализация, шоссе, музыка из ближайшего магазина. Металлическая голова повернулась в сторону старика, и некоторое время они смотрели друг на друга.

– Эдуард, бегите! – закричал Хи, запертый на переднем сиденье. Он пытался выбить окно перегородки или распороть обшивку сиденья и выползти назад, но это занимало слишком много времени.

Михал настолько испугался, что замер с телефоном в руке, притворяясь статуей.

– Пропусти нас, – приказал Эдуард волчьей морде. Он никогда не дружил с умной техникой и не понимал, что сейчас «Плут» повелевает телом дрона.

– Эдуард Келвин, – произнёс страж безжизненным металлическим голосом, доносящимся не изо рта, а словно отовсюду. – Вам отказано в существовании.

После этих слов страж поднял пулемёт и направил ствол в окно. От звука выстрелов Михал моментально оглох. Он кричал, но не слышал собственного голоса. Пороховая вонь заполнила его лёгкие, он кашлял, но не обращал на это внимания. Какая-то жидкость брызгала на него. Ему хотелось обрести способность проходить сквозь стены, чтобы упасть сквозь днище машины на асфальт и укатиться прочь.

В полной беспомощности Хи видел в зеркало заднего вида, как страж, созданный для охраны таких людей, как Эдуард, расстреливает его клиента. Хи переполняли гнев и обида. Вряд ли в мире найдётся телохранитель, который потерял подопечного более глупым образом.

Через двадцать секунд, когда от Эдуарда ничего не осталось, страж снова наклонился к окну и произнёс, словно ничего не произошло:

– Всё в порядке. Можете проезжать.

Окно заднего пассажирского сиденья закрылось, и машина поехала дальше, в сторону арендованного особняка, в котором жил Эдуард во время визитов в Нигерию. Их встретили испуганные люди, даже обслуга ближайших домов вышла на улицу посмотреть, что произошло. Михал по-прежнему сжимал в руке телефон, всё его тело покрывала кровь. Он ещё не думал о том, как будет звонить жене Эдуарда. Хи плакал: он успел полюбить старика за шесть лет работы.

Автомобиль остановился у дальнего коттеджа и заглушил двигатель. Дверь сама по себе открылась, и дворецкий, вышедший встретить Эдуарда, увидел лишь Михала, сверкающего безумными глазами. Увидел, во что превратился салон лимузина.

Из динамиков раздался вежливый мужской голос:

– Мы рады, что вы обратились к службе такси «Мех'Аанд». Пожалуйста, оцените качество предоставленной услуги.

На экране в переднем сиденье, где недавно находилась голова известного киберпреступника, появилась строка из десяти звезд, где пользователю предлагали поставить оценку от одного до десяти. Михал вытер лицо платком, ткнул пальцем в первую звезду и в появившемся меню выбрал графу «Неприемлемый сервис».

Скоро ему придётся позвонить детям Эдуарда и сообщить, что теперь они самые богатые люди на планете.

Посёлок. Самая дорогая еда в мире

Новость мгновенно захватила все информационные ресурсы. Говорили, планета лишилась своего президента. Однако империя «Транстек» и не думала разваливаться – совет директоров продолжил управлять компанией, придерживаясь всех намеченных направлений.

На похороны Эдуарда в Гибралтар, что в Марокко, прилетели все, кто пожелал проститься. Изначально Гибралтар возник у подножия горы Бо Насер как посёлок – закрытая территория для богачей, или «тхари», так на арабском называют богатых людей. Этот посёлок, обнесённый забором по кругу, построили после голодных бунтов, прошедших по всему миру в две тысячи восемьдесят девятом. Богачи опасались за свою безопасность, поэтому построили себе отдельное поселение со всеми необходимыми защитными мерами.

А позже из посёлка вырос и город, как гриб, качающий соки из могучего дуба с золотыми желудями.

В итоге город Гибралтар стал четвёртым по численности населения после Шанхая, Мумбаи и Стамбула. Он насчитывал сорок пять миллионов жителей и занимал восемьдесят километров в поперечнике.

На время похорон количество охраны увеличилось втрое, однако похоронами это назвать было трудно: по завещанию Эдуарда его тело кремировали, а прах унесли, и даже семья не знала, куда именно. Поговаривали, что он приказал выбросить его прах в ближайшее мусорное ведро.

Эдуард всегда говорил, что его личность – это разум, а не тело. Поэтому с телом стоит поступить как с любым неодушевлённым предметом. Он не хотел, чтобы где-то на холодной полке стоял сосуд с его именем.

Посёлок по периметру охраняла целая армия людей с винтовками и микроволновыми пушками: робостражей временно убрали для диагностики. Хи вёз Михала на арендованном «Ниссане Котаро», несмотря на имеющийся автопилот, Хи управлял машиной сам.

За прошедшие две недели Михал внешне сильно изменился, Хи это видел, ведь общался с ним каждый день. Если раньше Михал выглядел как парень из поп-группы с взлохмаченной модной причёской, то сейчас походил на безумца: бегающие глаза, нездоровый цвет кожи, странная улыбка, то появляющаяся, то исчезающая без видимых причин. Ещё и новая привычка постоянно оглядываться.

Совет директоров хотел назначить Михала временным директором вместо Эдуарда до того, как увидит его. Он выглядел слишком подавленным, чтобы возглавить самую большую компанию в мире. После похорон Михал собирался в Германию, чтобы пройти курс психологической реабилитации. Он утверждал, что без помощи не сможет вернуться к работе.

– Почти приехали, – сообщил Хи, глядя через зеркало на Михала. Тот сидел, опустив глаза, ему совсем не хотелось никуда идти.

У дома Эдуарда стояло немыслимое количество охраны. Сотни две, если не больше, и у каждого на ремне висел пистолет-пулемёт. Наверное, ещё ни разу в одном месте не собиралось столько богачей. На дороге повсюду были бронированные автомобили, машины сопровождения с микроволновыми турелями, виделось даже несколько БМП с солдатами внутри. Но больше всего Хи удивила глушилка: ничем не примечательный фургон «Опель Дивайн», не отличимый от фургонов доставки еды.

В две тысячи восемьдесят восьмом Хи был телохранителем генерала Сераджа в Индии, который возглавил первый голодный бунт и на долгие девять месяцев погрузил страну в пучину войны. Он сверг правительство и провозгласил независимость, свободу от всех долгов и обязательств. Сераджа поддерживала вся страна, но долго это продолжаться не могло. В Индии находился огромный рынок с миллиардами покупателей, и богачи не могли лишиться его –

собрали армию в поддержку свергнутого правительства, чтобы подавить мятеж. Вернуть к власти тех людей, кого назначили они.

За следующие два года голодные бунты произошли в каждом крупном городе планеты, но успешным был лишь самый первый. Только генерал Серадж смог на длительный срок извлечь страну от влияния ненавидимых всеми богатыми людьми.

В те годы Хи часто видел фургоны «Опель Дивайн». Почему-то глушилки устанавливали только в автомобили этой модели.

Особняк семьи Келвин находился на территории, со всех сторон огороженной деревьями и высоким забором, увитым декоративным плющом. На лужайке хватило бы места, чтобы посадить грузовой самолёт, а на заднем дворе уместились бы ангары военного флота. Дом состоял из двух этажей и с высоты напоминал звезду: у Эдуарда было пять детей, и каждому из них было отведено отдельное крыло с собственной спальней, ванной, гостиной и различными комнатами по личным желаниям: от мини-кинотеатра и тренажёрного зала до помещения со стеклянными стенами для медитации.

Перед входом в дом Хи в очередной раз увидел перевоплощение, которое позволило Михалу стать помощником Эдуарда. В один короткий миг его лицо изменилось: из грустного и задумчивого превратилось в открытое и жизнерадостное. Человек, вызывающий жалость, стал человеком, вызывающим симпатию и желание поговорить.

Холл особняка соединялся с залом и представлял собой широкое двухэтажное пространство с балконом. Внешний строгий стиль преобладал и внутри помещения: здесь не было многочисленных статуй и изысканных картин, какие размещали в своих домах другие. Здесь всё было очень дорогим, но неброским. Любой элемент декора или мебели стоил столько, что Хи даже с его зарплатой в пятнадцать миллионов в год не смог бы себе позволить ничего из этого. Однако на первый взгляд казалось, будто это обыкновенный дом человека с не самым большим достатком.

Внутри былолюдно – приехали все, кто как-то был связан с главой семьи: старые приятели, бизнес-партнёры, дальние родственники, руководители структурных подразделений, кто-то из совета директоров. Все, кто хотел проститься, а также те, кто хотел позлорадствовать. Последних было намного больше, поэтому общее настроение в доме было весёлым, а не скорбным. Все прийти ещё не успели, а уже слышался смех и весёлые шутки, стучали бокалами шампанского, которое разносили дроны-официанты с подносами.

В этом доме Хи чувствовал себя неудобно, он боялся встретиться взглядом с кем-нибудь из хозяев, будто, посмотрев в глаза, гости узнают его и скажут: так это ты позволил Эдуарду умереть, не позаботился о нём в нужный момент. Теперь, когда Хи остался без работы, жизненно необходимо было найти нового человека, которого бы он охранял. Желательно кого-нибудь из детей Эдуарда.

У Эдуарда не было биологических детей, ведь он захотел их слишком поздно, будучи глубоким стариком. Поэтому он с женой, старше которой на восемнадцать лет, усыновил пятерых сирот.

В углу зала стоял рояль «Шиммель», за которым сидел младший сын – Дарвин. Он играл что-то классическое, играл прекрасно, но это, по-видимому, никому не нравилось, потому что возле него образовалось свободное пространство: никто не подошёл поближе послушать музыку. Только старый семейный мастиф Лео сидел рядом и обожающими глазами смотрел на мальчика, а Дарвин иногда отвлекался, чтобы почесать его за ухом.

Михал ушёл поздороваться с гостями, а Хи увидел Артура, среднего сына Эдуарда. Он двинулся к нему, однако путь перегородил паренёк лет двадцати пяти. Стас – это его полное имя, а не сокращение, – личный охранник Артура, чемпион Европы по стрельбе из пистолета.

– Чего тебе надо? – спросил Стас очень мягко.

– Поговорить с твоим клиентом.

– О чём?

– О том, какой у него недалёкий телохранитель. И что ему стоило бы взять нормального, квалифицированного.

– Интересно, про кого это ты говоришь?

– Уйди, – попросил Хи.

– Ухожу, – ответил Стас и скрылся. Они между собой часто обменивались колкостями, и ни один не обижался.

За барной стойкой Артур пытался ножом открыть моллюска. Артуру было семнадцать, но усыновили его всего два месяца назад, и он чувствовал себя новичком среди тхари – богатые люди тоже называли себя этим словом, но в отличие от бедных не вкладывали в него негативного подтекста. Эдуард знал родителей Артура и, когда парень остался совсем один, усыновил, хотя тому оставалось меньше года до совершеннолетия. Краем глаза Хи заметил презрение, исходившее от ближайших гостей. Их косыми взглядами можно было резать металл.

Каждый раз, когда семья Келвин усыновляла кого-то, репортёры начинали рассуждать, почему это было сделано, и составлять списки более подходящих кандидатов на эту роль. На самом деле всё было проще: Эдуард усыновлял тех, кого встречал лично, он никогда не заезжал в детские дома и не интересовался, кто прямо сейчас нуждается в родителях. Дети с улицы моментально становились для окружающих причиной зависти.

В Артуре чувствовалась некая уличная сила. Он не был размазней, как отпрыски богатых родителей. Он был очень скрытен, мало разговаривал, много слушал, не позволял кому-то говорить о себе плохо. Артур был из тех людей, кому легко достаётся и женское, и мужское внимание. Что бы он ни делал, он всегда выглядел эффектно, словно прирождённая фотомоделль, всегда знал, какую позу принять, чтобы выразить нужную эмоцию. Его причёска всегда была на гребне современной моды. Его лицо подошло бы для любого мужского или женского журнала: оно было волевым, с сильным подбородком и одновременно выразительным. Он предпочитал носить лёгкую спортивную одежду, но на нём всё смотрелось отлично. Он легко мог бы стать манекенщиком мирового уровня и рекламировать самые модные бренды.

– Помочь? – спросил Хи.

Сразу после вопроса нож Артура съехал по раковине и рассёк ему ладонь.

– Вот чёрт, – выругался Артур, глядя на то, как на узком порезе появляются капельки крови. – Как легко нож мою кожу разрезал, а ведь он лишь слегка коснулся.

– А чего ты ожидал?

– Думал, он будет гораздо более тупым. Здесь, наверное, есть человек, который точит ножи каждый день.

– Есть, – ответил Хи. – Не волнуйся, я прикажу его уволить. Нечего в доме острым ножами делать.

Капля крови всё увеличивалась в размере. Казалось, Артур пытается угадать, до какого размера она сможет вырасти. Он смотрел на свою пораненную руку, как на экспонат в музее.

– Эта штука стоит две тысячи долларов, – сказал Артур, по-прежнему сжимая в руке моллюска. – И водится только в северных водах Красного моря. В год их собирают около сорока тысяч. Прикинь?

Рядом с ним лежал телефон с включённым экраном. Кажется, весь последний час Артур искал информацию о еде, которую ест, и о том, сколько она стоит. Он ещё не привык к дорогим вещам и удивлялся каждой покупке, которую совершает его семья.

– Это ещё не самая дорогая вещь в доме, – ответил Хи. – Попробуй вон тот суп с белыми трюфелями.

– Не люблю супы.

– Это раньше ты их не любил, а сейчас полюбишь, ведь стоимость одной порции этого супа – двадцать тысяч долларов, в нём китайский перец тай-халун и элитная говядина марки «Сеньор Акимбо».

– Самые редкие ингредиенты не гарантируют, что вкус будет отменный, – возразил Артур.

– Если ешь суп за двадцать тысяч долларов, нужно заставить себя полюбить его, иначе какой толк в такой дорогой еде?

С некоторой долей удивления Артур поднял глаза и узнал в собеседнике телохранителя отца. До этого момента ему не было никакого дела до личности говорящего. Удивительное дело, но Артур, всего три месяца назад живший в полной нищете, совершенно не воспринимал тхари ровней себе. Он говорил так, словно выше всех присутствующих здесь: будто никто из окружающих не познал сущности жизни.

– Знаешь, мне до сих пор кажется, что мне нельзя есть такую еду и, прикасаясь к ней, я нарушаю какой-нибудь закон, – сказал Артур.

– Я тебя понимаю. Эдуард нанял меня шесть лет назад, и с тех пор мне часто приходилось есть что-нибудь дорогое. Сначала я не понимал, как можно тратить такие деньжищи, а потом подсчитал, что доход Эдуарда составляет около двухсот тысяч долларов в секунду, даже когда он спит. Одной секундой он окупает все траты его семьи за день. Иногда двумя секундами. Это позволило мне есть всю еду, которой меня угощают, без зазрения совести. Ты ведь раньше не задумывался, что такое девяносто триллионов?

– Я знаю, что это за число, – ответил Артур так, словно Хи сомневался в его умственных способностях.

– Триллион – не просто число между миллиардом и квадриллионом. Я слышал его либо в школе на уроках математики, либо в журналах вроде «Форбс», где это слово стояло сразу после знака доллара. Все эти тхари вокруг – они даже не думают о таком, тут у половины больше триллиона. Вон тот, – Хи указал на пухлого человечка, пиджак которого сражался с его пузом, – Чарльз Тауэр, у него два с половиной триллиона, он второй после Эдуарда богатый человек. Точнее, уже шестой, а на первом месте ты. Ты и четверо твоих братьев и сестёр.

– Я самый богатый человек в мире? – спросил Артур. Кажется, он только сейчас осознал эту мысль.

– Верно.

– Три месяца назад я питался только тем, что мог украсть, из имущества у меня была только штанга, сваренная мной самим. До сих пор не могу поверить.

– Повезло, что новость о тебе дошла до Эдуарда, – заметил Хи.

– Мой родной отец, Владимир, напился и, заснув в кровати с сигаретой в зубах, сгорел, а вместе с ним – четыре соседних дома. Если бы не это событие, я так и остался бы нищим.

За барной стойкой Артур нашёл аптечку, достал оттуда вату и клей для быстрого заживления. Но не знал, как ими пользоваться, поэтому тщательно вчитывался в инструкцию.

– Позови няню, она тебе поможет, – предложил Хи.

– Представляешь, у меня есть няня, – заметил Артур, будто только вспомнил об этом позорном факте своей биографии. – Мне семнадцать, и у меня есть няня.

– Ты говоришь, словно признаёшься в чём-то постыдном. Нет ничего плохого в том, чтобы иметь няню.

– Мне семнадцать, – повторил Артур, – и я видел много такого, о чём эта няня себе даже не представляет.

– Ты несовершеннолетний.

– Чему она может меня научить? – спросил Артур. – Я уже знаю всё, что можно знать. Это я могу её чему-то научить.

– Не принимать наркотики, например. С твоими средствами ты можешь снаркоманиться легче лёгкого.

Вместо ответа Артур поднял голову с открытым ртом, проговаривая беззвучное «а», словно такое ему пришло в голову только сейчас.

– Раньше я не мог купить их, – ответил он.

– И не собирайся даже. Видишь вон того кучерявого испанца в сером двубортном пиджаке? Это Эмилио Монтес, сын Хермана, номера четыре в «Форбс». Всю жизнь не слезает с синтетики. Отрезал палец одному из своих сыновей-близнецов, чтобы различать их.

– Ужас какой, – удивился Артур.

– Верно, можно же было сделать татуировку с именем на лбу.

С широко открытыми глазами Артур посмотрел на Хи, а тот лишь усмехнулся.

– Вон там номер два, – продолжил он, – Чарльз Тауэр, он раньше работал с твоим приёмным отцом, пока Эдуард его не выпер, – настоящий изверг и тиран. Ты никогда не увидишь его трезвым. А рядом его сын Джуан, ему тридцать один, но он уже плотный наркоман. Парень – маньяк и живодёр. У окна стоит Клара Силиан, номер восемь. Вдохнула спидбол и протаранила на своём «Сузуки Спортс» магазин обуви, выполненный в форме огромной туфли. Там она украла целый багажник продукции, а продавец сломал обе ноги.

– А почему отец выпер номер два? Того толстяка?

– Раньше они работали вместе, компания называлась «Келвин-Тауэр» и была намного меньше, чем сейчас. Эдуард Келвин и Генри Тауэр строили огромную, влиятельную империю, а потом Генри умер, а на смену пришёл его сын, Чарльз. С ним невозможно было вести дело. Чарльз ссорился со всеми руководителями подразделений, давил на них, сокращал зарплаты, унижал и требовал ежедневных отчётов. Из-за него уволилось большое количество талантливых управленцев, которых Эдуард долгое время поднимал из низов. Сначала Эдуард пытался его отстранить, но ничего не вышло. Тот продолжал всё портить, не мог усидеть на месте. А затем Эдуард сумел его выгнать с куском корпорации. Чарльз стал номером два, а Эдуард номером один. Дальше их дороги пошли отдельно, и вроде бы всё стало хорошо, но готов поставить большой палец правой руки: Чарльз ненавидел Эдуарда настолько сильно, что рано или поздно устроил бы на него покушение, если бы не сумасшедшие роботы в Абудже.

– Ненавидел за то, что его выгнали?

– Посмотри на него, – сказал Хи. – Он ходит здесь как павлин, красуется, пытается занимать как можно больше места. У него слишком большое эго для такого маленького здания. Ему мало быть номером два, только номер один, и никак иначе.

Было видно, что Артур никогда не пользовался аптечкой. Он измазал клеем всю руку, но так и не обработал порез.

– Может, тебе зашить рану? – спросил Хи.

– Может, ещё и в больницу съездить? – съязвил Артур. – Будь на моём месте кто-нибудь из здешних сопляков, наверняка так и поступил бы. А потом выложил бы свой порез в «Пангею» с подписью: «Напал аллигатор, еле отбил».

С тех пор как Артура усыновили, его количество подписчиков в социальной сети «Пангея» выросло до нескольких миллионов. Чувствуя, что разговор начинает утекать в ненужную сторону, Хи спросил:

– Тебе телохранитель не нужен? Моего прошлого клиента не стало, но контракт я заключал не лично с ним, а с корпорацией «Транстек», значит, всё ещё работаю.

– Прошу прощения, – появился у него за плечом Стас, – но у Артура уже есть телохранитель, причём весьма неплохой.

– Я могу быть вторым телохранителем, – предложил Хи. – Буду прикрывать спину Стаса, пока он прикрывает твою.

– Не надо, – возразил Артур. – Мне вообще не нужен телохранитель, так что уходите оба. Дайте насладиться моллюском. Мне кажется, я его заслужил.

– Хорошего вечера, – ответил Хи и ушёл.

Хотя и не показал ни лицом, ни действием – Хи был безупречно сдержан, – он был очень огорчён. Артур – славный парень, и ему нужен хороший учитель, чтобы показать, как жить среди тхари. Другие богачи могут научить лишь тому, как быть бесхребетными попрошайками отцовских денег. Впрочем, он не унывал: у Эдуарда есть ещё четыре ребёнка и кто-нибудь из них точно захочет нанять его.

Чуть подальше в зале он заметил Лилию и Анетту, сводных сестёр Артура. Он осторожно подошёл к ним, чтобы не напугать.

– Добрый день, – поприветствовал Хи, но они не расслышали из-за шума, даже не обратили внимания.

По внешнему виду сразу можно было сказать, что они неродные: Лилия, двадцать один год, выделялась слегка тёмной кожей и мягкими линиями лица, она была дочерью погибшего индийского солдата; у Анетты же были резкие черты и раскосые глаза уроженки Улан-Удэ. Обе были одеты в вечерние платья, но на Лилии оно смотрелось как надо, а на Ане, слишком низкой даже для одиннадцати лет, как кусок дешёвой тряпки. Видно было, как ей неудобно и как хочется вернуться в джинсы, шорты или даже спортивные штаны.

– Добрый день, – повторил Хи громче, и на этот раз его услышали.

– Привет, – открыла было рот Аня, но ответила за неё Лилия.

Некоторое время они смотрели на Хи, прежде чем Аня его узнала.

– А, это ты... – произнесла она.

Казалось, толпа в зале стала тише. Девочки никогда не сказали бы ему того, что он боялся услышать, – слишком воспитанными были, но этого и не требовалось. Хи всё прочитал в их глазах. Они думали, он виноват в смерти их отца. Сначала Хи был телохранителем генерала Сераджа, и того убили, закончив тем самым первый голодный бунт. Затем Эдуард взял Хи к себе и теперь тоже был мёртв, а телохранитель здоров и полон сил.

– Чем занимаетесь? – спросил Хи.

– Пью вино, – ответила Аня. – А ведь мне одиннадцать. И никто мне не запрещает.

– Вы пришли сегодня, чтобы найти себе того, кого будете охранять? – спросила Лилия.

За несколько лет Лилия создала себе репутацию тусовщицы и шопоголика, она регулярно появлялась в интернете на снимках в нелепых позах и каждый раз с новым ухажёром. Хи всегда считал её немного глуповатой, но иногда она соображала быстрее всех.

На этот вопрос Хи не смог ответить – ком подступил к горлу.

– Спросите, может, кто-нибудь захочет. У меня уже есть охранник. – Лилия указала большим пальцем себе за плечо, где сидел огромный, очень коротко стриженный человек в чёрном пиджаке, слишком узком для его плеч. Челюсти телохранителя позавидовала бы даже акула, а глаза, абсолютно ничего не выражающие, неотрывно следили за ним. Такие люди вызывали у Хи неприязнь, толк в работе от них был только один – напугать.

– Смотрите, там ещё один Ромео! – воскликнула Аня и указала в сторону барной стойки.

Все трое повернули головы и увидели парня лет двадцати пяти, переминающегося с ноги на ногу и держащего в руках бутылку джина «Кембридж Дистиллеры». Кажется, он набирался храбрости, чтобы подойти к Лилии – она была идеальной парой для любого парня в мире. Даже будь она беднее уличного зазывалы, всё равно привлекала бы внимание естественным природным обаянием. Заметив их взгляды, парень покраснел и испарился.

– Ну вот, ещё одного испугали, – заметила Аня с грустью. – У него был такой влюблённый взгляд... Где бы мы ни находились, к Лиле всегда подходят знакомиться, никаких личных границ не знают. Поэтому я у неё выступаю в роли телохранителя. Спроваживаю всех, кто пытается влезть.

– Похоже, тот парень долго набирался храбрости, – заметил Хи. – Выглядел очарованным.

– Они все такие, – ответила Аня, качая головой. Ей было одиннадцать, и она совершенно не понимала, зачем вообще парни подходят к её сестре. – Этот даже был похож на извращенца. Мысленно он наверняка уже завёл от тебя четверню и умер с тобой в один день. Это уже третий, кто собирался сегодня подойти, но так и не подошёл. А так хотелось его растоптать.

– Это действительно утомляет, – подтвердила Лилия. – В клубах телохранитель их разворачивает, но на таких встречах они чувствуют себя увереннее.

– К тебе даже на похоронах познакомиться подходят? – удивился Хи. – Никогда бы не подумал.

– Мы придумали такое развлечение. Когда ко мне подходят молодые люди с целью познакомиться, я их просто уничтожаю. И чем более смущённым он уйдёт, тем лучше.

– А я корчу рожи и издаю дурацкие звуки, – подхватила Аня. – Лилия просто слишком красивая, поэтому она привлекает столько кавалеров. Они не могут оставить мою сестру в одиночестве нигде, даже сегодня.

– А если это вполне приличный молодой человек? – спросил Хи.

– Это легко определить, – ответила Лилия. – Я сразу задаю ему несколько вопросов, такой своего рода тест, и если он отвечает неправильно, я разношу его в лепёшку. Делаю так, чтобы он устыдился одной только своей попытки заговорить.

– Каких вопросов?

– Во-первых, я спрашиваю, чем он может похвастаться, – начала перечислять Лилия и загибать пальцы. – Обычно здешние дети знаменитостей не могут похвастаться вообще ничем, кроме безупречного брюшного пресса. Все они ходят в спортзал и считают, что этого достаточно, чтобы быть нормальным, полноценным человеком. А запросы у них на уровне языческого божества.

– Расскажи про одежду, – вставила Аня.

– Затем я спрашиваю про его одежду. – Лилия загнула второй палец. – Если он начинает рассказывать о каждом предмете, будто лично его сделал: «Ботинки из кожи тюленят от Рене Мильтон, хлопковые носки от Буржуа де Кройон, пиджак с платиновыми пуговицами от Кутюр...» – я его сразу сбрасываю.

– Да, – подтвердила Аня. – Что это вообще такое – хвастаться одеждой? Мне кажется, Лилия притягивает одних придурков.

– Гардеробом хвастаются лишь дети тхари, их родители после покупки одежды тут же забывают про её бренд.

– А остальные вопросы? – спросил Хи.

– Я спрашиваю про интересы молодого человека, – ответила Лилия и загнула третий палец. – Если его единственный интерес – тусовки в дорогих клубах с друзьями, где они спорят о спортивных автомобилях и меряются качеством своих кошельков, я его разворачиваю тут же. С ним ведь даже поговорить не о чем будет. А кошельком я вообще не пользуюсь.

– У нас вот есть интересы, – подтвердила Аня. – Я люблю лошадей. Мама сказала, что я смогу купить лошадиную ферму, где смогу кататься целыми днями. На них можно зарабатывать большие деньги! Видите ту лошадь?

На одной из стен, примыкающих к входной двери, была нарисована трёхметровая лошадь в полный рост. Хи вновь удивился изяществу рисунка. Он много раз его видел, но никогда не задумывался над автором.

– Это я её нарисовала. Она называется «Лизетта».

– Это очень круто, – подтвердил Хи. Сам он совсем не умел рисовать и называл свой стиль «грубый примитивизм».

– А Лилия однажды станет актрисой. Точнее, она уже актриса, правда? – спросила Аня и, не дождавшись ответа, продолжила: – Она играет в любительских спектаклях, и все её хвалят. Вы бы видели её на сцене. В прошлом месяце она играла Сесилию из «Госпожи Ливингстон», это драма. Когда она сказала своей подруге финальную фразу «Мы будем жить в доме на поле из красных роз», все заплакали. Даже этот, – Аня указала на квадратного телохранителя Лилии, – сначала держался, кривил лицо, а потом не выдержал и выпустил целый фонтан.

– Но это ещё не всё, – продолжила Лилия. – Интересы не самое главное. Когда ко мне подходит молодой человек с целью познакомиться, я говорю, что он слишком страшный, чтобы подходить ко мне. Даже если он вовсе не страшный.

– Не слишком ли грубо? – спросил Хи.

– Да, немного. Но здесь важна реакция. Если парень начинает злиться или хамить в ответ, это верный признак того, что он придурок. Если отвечает с юмором, это отлично.

– А если обидится и уйдёт?

– Тогда я остановлю его и скажу, что это была проверка. Но не сегодня. Если у кого-то хватит воды в голове, чтобы начать флиртовать в день, когда мы прощаемся с нашим погибшим отцом, я вылью всю бутылку вина на его голову.

Несколько минут Хи перекидывался с ними ничего не значащими фразами, а потом попрощался и пошёл дальше через зал, усеянный богачами разных сортов. Вокруг шутили и хохотали, мимо прошёл дрон с бутылкой в клешне. Большая часть людей, пришедших сегодня, – владельцы более мелких корпораций. Эдуард был для них китом, медленно проглатывающим весь этот планктон, и если бы прожил ещё сотню лет, не осталось бы больше никого, кроме его мегакорпорации «Транстек». Эдуард поглощал всех один за одним, его боялись и гадали, когда же придёт их собственное время. Момент, когда на рынке появится мамонт с низкими ценами и неограниченными возможностями.

Кажется, они не понимали, что даже со смертью Эдуарда «Транстек» никуда не делся и теперь новый директор с помощью Михала начнёт давить всех присутствующих. У них есть лишь короткая передышка, за которой неминуемо последует кровавая баня конкуренции.

Трое из пяти детей Эдуарда отказались от его услуг, отчего Хи не мог не загрустить. Он не хотел идти работать охранником к кому-либо из совета директоров. Он не любил лизоблюдов, думающих только о деньгах и совершенно игнорирующих человеческие жизни. Именно такие, как они, были причиной войны, которую он проиграл.

Хи стоял посреди зала гостей и думал о том, где ему найти старшего сына Эдуарда, который с высокой вероятностью дал бы ему работу. Андрес любил боевые искусства, а Хи в этом отношении был очень высококвалифицированным мастером. Его раздумья прервал Дарвин, вставший из-за рояля. Он взял микрофон в руки и несколько раз хмыкнул.

– Какого чёрта? – спросил он. – Я тут играю грустную музыку, мой отец погиб, а вы смеётесь и выпиваете? У вас вообще совести нет? Либо быстро заткнитесь и говорите вполголоса, либо валите из моего дома.

Прямо позади Дарвина материализовалась няня и увела девятилетнего парня в соседнюю комнату. Вид у него был до предела злой, что странно, Хи всегда считал Дарвина слабаком.

– Этот головастик много себе позволяет, – услышал он голос одного из гостей в стороне.

– Надо бы проучить его за такое поведение, – поддержал другой.

Обычно на такие разговоры Хи не обращал внимания. Люди из этого общества слишком много говорят и слишком мало делают. На их угрозы можно вообще никак не реагировать, однако в этот раз говоривший был уверен, что Дарвин поплатится за свои слова, и это вызывало в Хи тревогу.

На балконе верхнего этажа Хи заметил Андреса, тот стоял с приёмной матерью и смотрел вниз. Разница в возрасте между ними была в шестьдесят лет: Андресу – двадцать четыре, Елизавете – восемьдесят шесть. Они о чём-то говорили и смеялись. Андрес выглядел как насто-

ящий бугай: рост метр девяносто, крупный, светловолосый, с мышцами втрое больше, чем у Хи. Старший сын Эдуарда проводил по несколько часов в спортзале в своём крыле и выглядел как аватар Аполлона на Земле. Лиза на его фоне выглядела тонкой и незаметной, хотя и сама была выше среднего.

По боковой лестнице Хи поднялся наверх и подошёл к ним со спины. Он успел услышать часть разговора:

– ...она рассчитывала, – смеялся Андрес, а глаза у него были красные от слёз.

– Ну, планы у неё были весьма масштабными, – отвечала Лиза.

– Шестнадцатилетней... склеить девяностотрёхлетнего, до сих пор смешно.

– У неё могло получиться, родись она лет на сорок раньше. Опоздала, что поделать.

– О чём говорите? – вмешался Хи.

– О том, как девушка по соседству пыталась увести нашего отца, – ответил Андрес. – Она пришла к нам в дом, когда он вернулся из командировки, и случайно пролила сок на своё платье, а потом сняла его и ходила в нижнем белье.

– Чем всё завершилось?

– Отец отдал её платье горничной, чтобы она постирала, предложил ей гостевую комнату, а сам пошёл спать наверх. Но это не конец, она приходила ещё несколько раз, но ничего не добилась. Странно это – пытаться добиться мужчины в таком возрасте банальным обнажённым телом.

Видно было, что за этот вечер Андрес выплакал больше слёз, чем за всю жизнь. Он был самым старшим из сыновей, его усыновили самым первым, поэтому он знал Эдуарда лучше других. Он утирал глаза и пытался выглядеть неунывающим, ведь он пример для братьев и сестёр, но стоило ему вытереть слёзы, как наворачивались другие.

– Зачем пожаловал? – спросила Лиза хриплым старческим голосом. Ей невозможно было дать восемьдесят шесть – шестьдесят максимум. Она была худой, с прямой осанкой профессионального хореографа. У неё был на удивление жёсткий взгляд, способный поставить любого на место. Хи не удивился бы, если бы узнал, что она специально часами стояла перед зеркалом и репетировала этот взгляд. Одевалась она всегда строго, как школьный учитель, при ней всегда хотелось вести себя правильно, иначе получишь указкой по рукам.

– Сказать, что мне очень жаль.

– Ну так скажи.

– Мама! – вмешался Андрес. – Ты же знаешь: если Хи не смог защитить отца, никто не смог бы.

– Мы этого никогда не узнаем, – ответила Лиза.

У Хи с Лизой была давняя холодная вражда. Когда Эдуард привёл его и сказал, что Хи теперь будет защищать его жизнь, Лиза в интернете быстро раскопала всю правду о нём. Хи был телохранителем генерала Сераджа, поднявшего бунт в Индии, который ещё называли «Войной из-за чайника». В течение одного дня ближе к концу войны Хи получил сначала высшую медаль почёта за обезвреживание террориста, покушавшегося на жизнь индийского командования. А затем был отстранён от работы за изнасилование молодой китайки. Через сорок минут после того, как Хи вывели из здания с наручниками на спине, к голове генерала Сераджа приставили пистолет и выстрелили. Единственный успешный голодный бунт закончился потому, что в тот вечер Хи принял столько наркотиков, что совершенно перестал соображать, где находится.

Позже Хи много раз вспоминал события того дня и знал: будь у него возможность вернуться назад и всё исправить, он бы так и поступил. Не потому, что не хотел позорного увольнения, а потому, что стыдился своего мерзкого поступка. И даже то, что он был в наркотическом дурмане, никак его не оправдывает в собственных глазах. В глазах Лизы к нему прикрепились

клеймо «насильник», и это, кажется, волновало только её одну. Никто из окружающих его сейчас людей даже не посмотрел на него осуждающим взглядом.

– Мне очень жаль, – сказал Хи, хотя ни ему, ни Лизе это не принесло никакого удовлетворения.

– Не извиняйся, – ответил Андрес. – Не представляю, какой это был стресс. Я больше в жизни не подойду к тем стражам с волчьими головами. Вдруг и на меня решат напасть эти хакеры.

Некоторое время они стояли молча, думая каждый о своём, а затем Хи спросил:

– Андрес, у тебя телохранитель есть?

– Нет, я ношу с собой травматический пистолет. Это мой телохранитель.

– Этого недостаточно, ты не можешь смотреть вокруг себя на триста шестьдесят градусов постоянно. Особенно когда чем-то занят. Для этой работы тебе нужен я.

– Хочешь стать моим телохранителем? – спросил Андрес с неподдельной радостью.

Вскоре после войны, шесть лет назад, когда Эдуард нанял Хи, они с Андресом моментально нашли общий язык. Хи владел несколькими видами боевых искусств, а Андрес, на тот момент восемнадцатилетний парень, фанател от фильмов с Брюсом Ли. В спортзале Хи показал ему несколько простых борцовских приёмов, чем заработал пожизненную любовь.

– Теперь это моя святая обязанность.

С нескрываемым ликованием Андрес подошёл и крепко пожал ему руку. Хи удивился такой крепкой хватке, а потом вспомнил, что сам он в таком возрасте стал чемпионом Олимпийских игр по тхэквондо и хватка у него была ничуть не слабее.

– В таком случае, если ты не возражаешь, я начну охранять тебя прямо сейчас, – сказал Хи. Он старался не показывать, какой груз свалился с плеч. Краем глаза он заметил, как Елизавета скривилась. Наверное, улыбнулась бы она лишь в том случае, если бы Хи сейчас остушился и полетел вниз с балкона, разбив по пути стол и несколько кувшинов.

На первом этаже Дарвин вернулся за рояль и продолжил играть грустные композиции под хохот в толпе.

– Мы с мамой как раз говорили о том, какие у нас некультурные гости, – сказал Андрес. – Пришли на похороны, а веселятся так, будто это корпоратив. Только комика на сцене не хватает.

– Простачки, – ответила Лиза. – Они думают, что теперь могут дышать свободно, без Эдуарда.

– Мы сюда приехали с Михалом, – сказал Хи. – Он говорил, нового исполнительного директора назначат уже завтра.

– Хотелось бы увидеть их лица в этот момент. Надеюсь, исполнительным всё же Михала назначат. Он разорвёт всех конкурентов.

– Михал может уволиться, судя по его состоянию. Я всего несколько раз видел таких подавленных людей, абсолютно потерявших волю к жизни. Внешне он спокоен, но смотрите вглубь.

К ним на балкон поднялся Артур. Он принёс на подносе несколько тостов, нож и банку икры янтарного цвета, которую мечет белуга-альбинос, выращенная с помощью генной инженерии.

– Эта икра стоит тридцать восемь тысяч долларов за банку, – сказал он. – Мне точно можно её есть?

– В каком смысле? – удивилась Лиза.

– Я ни разу в жизни не держал в руках ничего более дорогого, чем эта икра, – сказал Артур, и Хи заметил, как тот сжимает поднос, а ноги расставил на уровне плеч для большей устойчивости. Если бы прямо сейчас произошло землетрясение, Артур бы использовал соб-

ственное тело как подушку для этой маленькой баночки. – У меня такое ощущение, что мне нельзя её есть.

– Конечно можно, – ответил Андрес. Он смеялся и, кажется, больше не плакал. – Эту икру для того и купили, чтобы её съесть.

– Но, может, она для гостей?

– Здесь всё для всех, что приглянулось, то и едят. Хочешь эту икру – пожалуйста.

– Лучше не намазывай на хлеб, – вставила Лиза. – Попроси у официанта яйца пашот, пусть приготовят.

Под пристальными взглядами Артур открыл банку икры и погрузил внутрь нож. Глядя на них, он медленно вытащил оттуда несколько икринок и остановил нож возле своего рта, как бы ожидая, что в последний момент ему запретят есть икру за тридцать восемь тысяч долларов. А затем отправил их прямо себе в рот.

– Понравилось? – спросил Андрес.

– Нет, – ответил Артур и закинул следом ещё несколько. – На вкус чуть лучше полиэтиленового пакета, – хмыкнул и ушёл.

Следом за Артуром пришла Лилия. Она подошла к Андресу, ущипнула его за бок и произнесла:

– Там Шарлотта пришла. Требуется твоего внимания.

– Как она мне надоела, – ответил Андрес. – Опять будет устраивать мне нервотрёпку и делать селфи во всех возможных позах.

– Так расстанься с ней, – предложила Лилия. – Хочешь, я ей скажу? Я выпровожу её быстрее, чем ты щёлкнешь пальцами. Давно хочу указать ей на дверь.

Уже несколько месяцев Андрес встречался с девушкой по имени Шарлотта. Это была стервозная особа, которая не нравилась никому, кроме него. Она успевала надоест каждому, с кем проговорила несколько минут. Никто не знал, почему он вообще начал с ней встречаться: она не могла похвастаться вообще ничем, помимо дурного нрава.

– Только не сегодня. Я скажу ей об этом позже.

– Если я понадоблюсь, только скажи.

– Спасибо, – ответил Андрес.

Весь оставшийся вечер Хи молчал. Во-первых, он уже вступил в работу, значит, его задача была стать невидимым, наблюдающим за всем со стороны. Во-вторых, он всё думал, почему на улице стоит глушилка. Несколько раз за вечер он доставал телефон и проверял сигнал – телефон работал. Так почему же она стоит там? Если гости боялись диверсии или взрыва, то она должна была работать весь вечер. На первый взгляд это нелогично, значит, надо искать логику по-другому.

На улице уже окончательно стемнело. Гости ели и выпивали без перерыва, дроны кружили на кухню и обратно. Дарвин внизу пытался не уснуть, Аня дралась с телохранителем: тот не давал ей больше пить. Артур разговаривал с девушкой в зале. Кажется, это была Изабелла, невестка Чарльза Тауэра, владельца второй самой богатой корпорации – «Тилайф». Между ними чувствовалось притяжение.

Время близилось к полуночи, половина гостей ушла, оставшаяся медленно приходила в себя и одевалась. Охраны на улице меньше не стало, там по-прежнему было две сотни человек.

Взмахом руки Андрес подозвал дрона и попросил принести ему горячей еды. Тот скрылся на кухне и через минуту вышел с подносом, на котором стояла миска супа с мясом омара, пирог с сыром «Гибсон» и бараниной «Визуин». Елизавета сидела в кресле с недовольным лицом. Хи не мог определить истинную причину, потому что в его компании она всегда была хмурой.

Вскоре на балкон поднялась Аня. Она села в кресло рядом с Андресом, обняла его, попыталась завести разговор, спросив, как дела, но мгновенно уснула. Андрес обнял её и стал акку-

ратно поглаживать по голове. Следом появился Дарвин. Он весь вечер играл на фортепиано и очень устал.

– Съешь чего-нибудь, – предложила Лиза.

В ответ Дарвин лишь отмахнулся. Он лёг на пол посреди всех и раскинул руки в стороны в позе морской звезды. Он тоже заснул, стоило ему закрыть глаза. Елизавета переводила взгляд с одного ребёнка на другого, и в её взгляде Хи читал неподдельную любовь. Ей было уже больше шестидесяти, когда она решила завести детей. Даже в этом возрасте она могла бы родить здоровых сыновей и дочерей с помощью современной медицины, но предпочла усыновление. Она любила каждого приёмного ребенка так сильно, как порой не любят биологические матери.

При взгляде на эту семью Хи мог лишь завидовать. Из всех родственников он поддерживал связь лишь с сестрой. Его родители, казалось, делали всё, чтобы он перестал с ними общаться.

Внизу послышалась лёгкая перебранка, а затем на лестнице появилась Лилия.

– Меня не выпускают на улицу, – пожаловалась она.

– Наверное, это для твоей же безопасности, – ответила Лиза.

– Нет, ты не понимаешь, это люди Чарльза Тауэра нас не выпускают.

Дурное предчувствие навалилось с полной силой. Хи взглянул на экран телефона: сигнал пропал, значит, глушилка наконец заработала.

– Попробуй выйти ещё раз, а мы понаблюдаем, – сказал Хи.

– Но я же только что пробовала, – ответила Лилия.

– Мы хотим посмотреть, как они откажут.

С недовольством, направленным непонятно на кого, Лилия вновь спустилась на первый этаж и пошла к главному выходу. Два неприметных человека в сером камуфляже перегородили ей дорогу, хотя минуту назад там выходили гости. Они оба отрицательно помотали головой, а когда Лилия постаралась прорваться, схватили её, развернули и мягко толкнули обратно в дом.

– Андрес, приведи сюда Артура, – приказал Хи. – Я проверю задний выход.

– С чего это ты раскомандовался? – удивилась Аня. Она почувствовала напряжение вокруг и проснулась. Вид у неё был рассеянный.

– Потому что ваши телохранители едят в зале. Вот почему.

– Ты хочешь увести нас из дома? – спросил Андрес. – Думаешь, они задумали что-то нехорошее?

На это Хи не ответил, он сам пока не знал, что делает и зачем. Знал только, что так надо. У двери на кухне стоял человек в форме и с оружием на ремне. У него был скушающий вид, словно не существовало в мире задачи легче, чем держать взаперти семью самых влиятельных тхари.

– Ждите здесь, – приказал он и двинулся к нему.

Человек перегородил ему дорогу поднятой ладонью.

– Нельзя, – сказал он.

– Что значит «нельзя»? – спросил Хи. – Ты кто такой?

– Нельзя, приказ, – повторил человек. Он был на полголовы выше Хи и чувствовал своё превосходство.

– Уступи дорогу.

– Не могу.

– Ты в доме моих хозяев, я имею полное право пристрелить тебя, и все суды будут на моей стороне.

– Но у тебя нет пистолета, – ответил человек с комично грустным лицом.

Дальше спорить было бессмысленно. Оглянувшись, чтобы никого не было рядом, Хи сжал кулак и приготовился ударить мужчину в горло. Этим бы он добился сразу двух вещей: обезвредил головореза и пресёк возможность кричать. Однако в последний момент Хи пере-

думал и, чуть приподнявшись на цыпочках, заглянул в окно. Снаружи стоял целый отряд из двадцати военных, поэтому Хи развернулся и двинулся обратно к Келвинам.

– Там вооружённая охрана, – сказал Хи, вернувшись к своим.

– Зачем они здесь? – спросила Аня.

– Сейчас не время, – перебил её Хи. – Здесь есть тайный выход? Через подвал на случай осады или нечто подобное?

– Нет, конечно, – ответила Лиза. – Это элитный район, здесь подобное невозможно. Никакие преступники не смогут сюда проникнуть.

– Только если они изначально здесь не находятся, – задумчиво произнёс Хи.

– Наш подвал соединён только с гаражом, – произнёс Андрес, вид у него был бледный.

– Тогда так: разойдитесь, ешьте, разговаривайте, делайте вид, что ни о чём не подозреваете, а я постараюсь что-нибудь придумать.

Дети разошлись, а Лиза осталась рядом с Хи.

– Они хотят разрушить нашу компанию, – сказала Лиза. – Физически, понимаешь? Вот на что способны толстосумы, когда над ними нависает банкротство.

В раздумьях все вернулись на свои места в зале. Совершенно очевидно, из дома не было никаких путей. Хи ничего не мог придумать, ему оставалось лишь сидеть в кресле на первом этаже и смотреть, как уходят гости. Проводного интернета здесь не было, только спутниковый и мобильный. Подавать знак SOS в окно бессмысленно: все, кто имел хоть какие-то деньги, не любили семью Келвин. На всякий случай он запустил экстренную кнопку на телефоне. Если хоть на секунду появится связь, сигнал попадёт в полицию.

На втором этаже Хи увидел Финес, няню, про которую говорил Артур. Она воспитывала всех детей Эдуарда, даже двадцатичетырёхлетнего Андреса могла поругать, когда тот выдумывал что-то неподобающее. На этот раз она отчитывала Джуана Тауэра, сына второго самого богатого человека. Тот разбил стеклянную тарелку, а осколки подбросил в собачий корм. Это выглядело донельзя нелепо: несмотря на маленький рост и тощее телосложение, Джуану был тридцать один год, и отчитывать его было уже бесполезно.

– Не надо, только не сейчас, – взмолился Хи.

– Собака могла сильно пораниться этим стеклом, – доносился голос Финес.

С искрой в глазах Джуан кивал, делал вид, что соглашается со всем, а когда Финес повернулась, чтобы спуститься по лестнице, он толкнул её, и старушка покатила вниз.

– Будешь знать, как указывать мне, старая сука! – закричал он вниз, а затем вскинул руки в победном жесте.

Гости, стоявшие поблизости, выказали удивление, но никто не подошёл помочь старой женщине. Стас, телохранитель Артура, схватил Джуана за плечо и спустил по лестнице.

– Только не это, – прошептал Хи, но делать ничего не стал. Нельзя было обращать на себя внимание: он нужен был детям Эдуарда.

– Поднимай её, быстро, – приказал Стас, но Джуан лишь с презрением посмотрел на него.

Рядом появился Чарльз Тауэр. Выглядел он как детёныш бегемота: непропорциональный, с большой головой и висящим пузом. На лице отпечаталось выражение отвращения – самая частая его эмоция. В свои пятьдесят он уже тридцать лет находился под непрерывным действием наркотиков всех форм. Поговаривали в шутку, что у него дома живёт пара десятков доноров печени. Он сменил пиджак на лёгкий чёрный свитер с эмблемой своей же компании – древнегреческий женский профиль в круге.

– Ваш сын толкнул женщину с лестницы, – выпалил Стас.

– Убери руки от моего сына, – ответил Чарльз.

– Ваш сын скинул её с лестницы, – повторил Стас уже не так уверенно.

– Убери руки, – получил он всё тот же ответ. Под внешним спокойствием в словах Чарльза чувствовалась угроза.

Словно загипнотизированный, Стас сделал несколько шагов назад и остался стоять у стены.

– Что случилось? – обратился Чарльз уже к сыну.

– Эта старая сука решила, что может мне указывать, – ответил Джуан. – И я столкнул её вниз.

– Всё правильно сделал, – усмехнулся Чарльз и дал Джуану пять. Некоторое время он смотрел на Финес, ворочающуюся на земле, словно раздумывал, плюнуть на неё или пнуть под рёбра. В конце концов он просто отошёл в сторону с той самой характерной гримасой отвращения, видимо, решил, что его ботинки слишком дорогие для этого.

Оставшиеся гости после инцидента вышли через главный вход, и в доме не осталось никого, кроме семьи Келвин, няни, уборщика, повара, нескольких телохранителей, Чарльза с сыном, Оскара Уэбстера, третьего в списке богатей, и Матео Монтеса, из четвёртой самой богатой семьи. У каждого входа стояли вооружённые люди.

Куда-то пропала охрана. В доме семьи Келвин всегда находилось не менее сорока человек для охраны. Но сейчас никого из них не было видно. Похоже, Чарльз Тауэр приказал двумстам солдатам из частной армии «Бешеные псы» обезвредить их. Связать или даже убить. Для такого человека, как Тауэр, жизнь солдата была не ценнее одноразовой салфетки.

В доме продолжала играть музыка, собранная из хитов и лёгкого аккомпанемента. Чарльз подошёл к планшету, лежащему на фортепиано, и убавил звук до нуля.

– Вы уже заметили, что здесь слишком много солдат? – спросил он, язык у него еле ворочался, приходилось напрягать слух, чтобы понять, о чём он говорит, – побочный эффект метадона. – Если нет, то вам стоит меньше пить.

Чарльз держался за стул, чтобы его не качало, видимо, сегодня тоже перебрал с алкоголем. Он так медленно моргал, что, когда закрывал глаза, могло показаться, что больше их не откроет. Было видно, как ему нравится находиться здесь: он то самодовольно ухмылялся, то поднимал голову и делал глубокий вдох хозяина жизни. Медленно, как перископом, он обвёл взглядом всех присутствующих и не нашёл в зале ту, с кем хотел поговорить: Лиза находилась в дальнем кресле второго этажа.

– Где Елизавета? Приведите её, живо.

Бешеные псы не тронулись с места, никто из них не знал по имени, кто такая Лиза, поэтому через десять секунд в глубь дома направился личный телохранитель Джуана Бартона. Когда он проходил мимо Хи, тот заметил, что его правого уха попросту нет, только дырка. Пока Бартона не было, Тауэр подошёл к старому мастифу Келвинов по кличке Лео. Пёс сидел у рояля, быстро дышал и взирался на всех вокруг безучастно. Тауэр протянул к нему руку и тут же получил сильный укус, больше предупредительный, чем нападающий. Мастиф его сразу отпустил, не стал отгрызать ему пальцы, однако Тауэр взвизгнул так, словно по его руке проехался каток.

– Выстрелите в него! – закричал он, обращаясь сразу ко всем. Никто не шелохнулся, и тогда он подошёл к своему телохранителю, Пикандеру: – Всади пулю в это мерзкое животное!

– Сэр, это же просто собака, – ответил тот, но его спокойствие только разозлило Чарльза. Он выхватил у того из-за пояса пистолет. Провозившись сначала с застёжкой, а потом с предохранителем, направил на пса и выстрелил.

В последний момент Хи закрыл глаза – не мог смотреть на такое. Он много раз видел смерти людей: приучил себя смотреть на это и не бояться, но смерть собаки была выше его сил. Выстрел в замкнутом помещении раздался оглушающим взрывом. Пёс упал на бок и задёргался, как от электрического разряда, под ним начало образовываться красное пятно. Глазами он обводил всех присутствующих, словно просил помощи.

– Вот так, – прокомментировал Тауэр. – В следующий раз сразу делай, что говорю, иначе отправишься перекрёстки регулировать.

Через минуту Бартон привёл Лизу. В холле собралась вся семья Келвин, кроме Дарвина: он к тому моменту уже спал в собственном крыле и не услышал выстрела в холле.

– Что здесь произошло? – спросила Лиза, а затем ахнула, увидев Лео, лежащего на полу.

– Ваш пёс укусил меня, – произнёс Тауэр так, словно это была её вина.

Во взгляде Лизы было столько ненависти и презрения, им она высказала своё отношение к произошедшему без слов.

– Таким образом вы хотели попроситься? – спросила она, и мурашки побежали по спине Хи, хотя взгляд был направлен мимо него.

– Да, хотел, – сказал Чарльз и повернулся к своему помощнику, девушке Вивиен с папкой в руках. – Вы подпишете эти бумаги и можете валить куда угодно. А до тех пор вы под домашним арестом. Эти люди с оружием не выпустят вас.

– И ты думаешь, что я сделаю всё, что ты хочешь? После того, как ты убил моего пса? Неудачная шутка, Чарльз, – ответила Лиза.

– А по-моему, очень даже удачная. Просто вам её не понять.

– Ты не можешь приказывать нам в нашем доме – даже у тебя смелости не хватит.

– Представляешь, оказывается, приказывать может не только имеющий власть юридически, но и физически, а здесь, уж прости, явно моё превосходство. К тому же иногда не смелость двигает людьми. Я сюда пришёл не потому, что я бесстрашный, а как раз наоборот – потому что боюсь. И ненавижу.

– Что в этих документах? – поинтересовался Андрес.

– Развал вашей империи. Вы, пятеро наследников Эдуарда, поставите на них свои подписи, и корпорация «Транстек» перестанет существовать. Твоя подпись, Лиза, не нужна. Эдуард передал тебе слишком мало акций «Транстека», чтобы ты могла на что-то влиять в компании.

– А что, если не подпишем?

– Тогда вы останетесь здесь надолго, – просто ответил Чарльз.

– Так просто? – спросил Андрес.

В ответ на этот вопрос Чарльз повернулся к капитану и кивнул ему:

– Покажите ему, что вы можете сделать, если не мы не получим подписи.

Трое «псов» вытащили дубинки и направились к Андресу. Хи встал, и тут же оставшиеся пятнадцать человек в доме направили на него пистолеты и микроволновые пушки. Капитан со всего размаху ударил Андреса, целясь в голову, тот закрылся и удар пришёлся по руке. Что-то хрустнуло. Целую минуту они били Андреса дубинками и пинали носками тяжёлых ботинок.

– Прекратите! – кричала Аня. Она плакала и пыталась вырваться из рук матери.

Уже второй раз Хи чувствовал полную беспомощность. Наверное, из него и правда ужасный телохранитель, раз он позволил этому произойти. Ему бы сейчас броситься вперёд, закрыть своим телом Андреса и умереть, защищая его, но это бы парня не спасло, а Хи хотел спасти всю семью без показательного и бессмысленного геройства.

Когда псы закончили, Андрес был весь покрыт кровью, нос свёрнут набок, пальцы переломаны, он даже обмочился. Аня бросилась к нему и стала его вытирать, гладить по голове и целовать в щёки, Лилия плакала, закрыв лицо руками. Артур сидел бледный и, казалось, только разозлился, а не испугался.

– Вот что будет, если вы не подпишете бумаги, – прокомментировал Чарльз. – Я могу приказать, и вас всех покалечат. Но я даю вам один день на раздумья. Вы цените мою доброту?

– Ты будешь держать нас взаперти? – спросила Лиза. – Как тюремщик?

– Это не только моё решение. Все, кто был сегодня здесь, объединились против вас, можете называть это коалицией. Вы и ваша корпорация слишком многое себе позволяете. Устройте вы собрание пять лет назад, к вам в дом пришло бы в два раза больше гостей. За пять лет половина посёлка обанкротилась из-за вас. Вы используете неограниченный запас средств,

чтобы давить по всем фронтам. Знаете, как это называется? Неспортивным поведением. Раз уж вы используете свои преимущества против нас, мы решили использовать свои против вас. К тому же вы сами знаете, у меня к вашей семье личный интерес. Старик решил, что может выкинуть меня из моей же корпорации, она моя так же, как и ваша. «Келвин-Тауэр». Я должен был быть номером один наравне с Эдуардом. Он поступил подло, считайте это праведной мстостью.

– Именно поэтому Эдуард тебя и выгнал, – ответила Лиза. – Ты сумасшедший, неуправляемый, ты лишь мешал бизнесу, а не продвигал его.

– Он не имел никакого права. Он основал её с моим отцом. Представь, каково это, вылететь из собственной компании, которой отец отдал сорок лет жизни, а затем я ещё пять. Вы рассчитывали, что это так просто забудется? Я скажу больше: всё, что сейчас происходит, – это следствие ваших действий. Мне не пришлось долго уговаривать остальных, чтобы сбросить вас. Я сделаю то, что давно должен был. Я всех объединил, нанял армию, схватил вас. Без моего участия ничего этого не было бы. А остальные скажут лишь спасибо. Вы раковая опухоль тхари.

– Лиза, подпиши бумаги и не упорствуй, – заговорил Оскар Уэбстер, он был родным племянником Лизы. – Никто не хочет сегодня бессмысленно проливать кровь.

– Да, – подтвердил Матео. – Мы же не кровожадные звери. Всего лишь защищаем свои шкуры от несправедливой конкуренции. Так нельзя. Подпишите их, и мы исчезнем так же легко, как и появились.

– Нет, – ответил Андрес и сплюнул кровью. – Мы не примем условия людей, которые приходят с оружием в чужой дом.

Скривившись, Чарльз Тауэр снова кивнул военным, и они достали дубинки.

– Не надо, – прервала их Лиза. – Спасибо за предоставленный день. Мы хорошо всё обдумаем.

– Всё равно наши подписи не будут ничего значить, – ответил Андрес. – Как только вы выйдете из дома, мы растопчем вас.

– Вы не понимаете, – ответил Чарльз. – Все против вас, абсолютно все. Шагая по головам, вы настроили против себя каждого в этом мире, в каждой сфере жизни. Не будет суда, который поддержит ваши требования, полиция не придет на ваш вызов. Оглянитесь, вас все ненавидят.

– Нас ненавидят только тхари, – возразила Лиза.

– Это и есть все. Ты же не назовёшь доходяг за стеной людьми?

– Назову. Мы единственные, кто способен дать им работу и достойную оплату. Они будут за нас.

– Вот и попросите у них помощи. В вашем распоряжении один день, а потом вы отправитесь на содержание в менее комфортабельные апартаменты.

Остановившись в дверях, он обернулся и сказал капитану:

– Ровно через сутки превратите каждого из них в отбивную. Не жалеть дубинок. А до тех пор пусть спят спокойно.

Несколько минут все сидели молча и смотрели, как Чарльз хроμαет по направлению к дороге. Лужайка перед домом была достаточно большой, чтобы он успел запыхаться и покраснеть. У него ушло три минуты, чтобы пересечь её и скрыться в ночи.

– Я вовсе не хочу этого делать, Лиза, – произнёс Оскар, вставая со своего кресла. – Но если я сейчас отступлю, то уже через пять лет «Транстек» придёт на мой рынок с низкими ценами, и никакие суды с исками о недобросовестной конкуренции не дадут результата. Вашу империю необходимо уничтожить.

– Сделайте это, – подтвердил Матео. Он всегда говорил очень нежно, и даже угрозы из его уст звучали как приглашение на вечеринку. – Ради вашего же блага.

После этих слов они вышли из дома, и в особняке, помимо охраны, осталась лишь помощница Тауэра.

– Пожалуйста, подпишите, – сказала Вивиен. – Я была на собрании неделю назад, они настроены очень решительно. Это серьёзный сговор.

– Если они объединили всех против нас, почему не могут подделать подписи? – спросил Андрес. – Нотариусы сделают вид, что всё законно и никаких проблем.

– Елизавета права, у вас есть поддержка народа, – ответила Вивиен. – Чарльз опасается очередного голодного бунта. На улицах и так слишком много протестующих, а если они узнают, что последнюю семью, дающую им работу, свергли, то придут сюда, и никакие стены их не сдержат.

В течение получаса они обсуждали бюрократические мелочи. Семья Келвин после подписания бумаг полностью развалит корпорацию «Транстек» на несколько независимых компаний с собственными директорами. Вся власть на мировую экономику в этом случае потеряется. Они опустятся на уровень остальных тхари Гибралтара.

Андресу отказали в медицинской помощи. Хи вправил ему нос, но левая рука нуждалась в лечении и болталась как плеть. Кровавые синяки начали появляться по всему его телу.

– Нам всем нужно отдохнуть, – сказала Лиза. – Я слишком устала и не могу думать в таких условиях. Предлагаю всем пойти спать.

По комнатам расходились в молчании, за каждым из них следовал человек в военной форме. Хи отправился в спальню для гостей и подпер дверь стулом, чтобы никто больше не вошёл. Не снимая одежды, он залез под одеяло и прикрыл глаза. В этот вечер он много о чём думал. Если бы Хи захотел уйти через центральный выход, его беспрепятственно бы отпустили, но он слишком сильно любил Эдуарда, чтобы так просто оставить его детей без поддержки. Эдуард выкупил его, когда он сидел в тюрьме, и показал, что жизнь не окончилась. Хи был многим ему обязан и теперь считал, что должен отдать долг.

Дальше по коридору спал Дарвин: телохранитель по имени Ян отнёс его в кровать прежде, чем началась потасовка в доме. Особняк был таким большим, что выстрел из пистолета, прозвучавший в холле, не добрался до крыла Дарвина. Он всё ещё спит сладким сном и не подозревает, что в доме находятся вооружённые люди. Каково будет его удивление, когда утром он проснётся и обнаружит, что находится взаперти.

Канализация. Хлопушка

Посреди ночи в соседней комнате слышался тихий шёпот. Сначала Хи подумал, что ему показалось – его невозможно было отличить от шума кондиционера, позже шёпот повторился громче, и он понял, что прямо за стеной Андрес говорит с кем-то. Хи осторожно вышел на балкон и посмотрел вниз: там сидели солдаты. Они разговаривали, курили, пили чай из термоса. И все с завистью посматривали на соседний особняк, выполненный в минималистичном, но очень дорогом стиле. Одним движением Хи перемахнул через ограду и оказался на соседнем балконе. Он вошёл внутрь и обнаружил, что на кровати лежит Андрес, а под ней прячется Артур. Они что-то обсуждали, но тут же прекратили при его появлении.

– Что вы тут делаете?

– Артур говорит, что сможет сделать бомбу, – ответил Андрес.

– Бомбу? – удивился Хи. – Из чего? И, главное, для чего?

– Из сахара, жидкого кислорода и пятновыводителя с аммиаком, – ответил Артур. – Мы взорвём стену в подвале и сбежим через канализацию.

– А где ты возьмёшь кислород?

– Я видел аппарат ИВЛ в кладовке наверху, наверное, для Эдуарда приготовили. Ему же было сто четыре.

– Откуда ты знаешь, как она делается? – усомнился Хи.

Снаружи слышались шаги, кто-то прошёл мимо двери, немного задержавшись. Все трое на минуту замолчали.

– В смысле, откуда? Из интернета. Мы с друзьями взрывали мебель в старых заброшенных домах в основном. Иногда отправляли канализационные люки высоко в воздух.

– А ты уверен, что наш дом не развалится?

– Уверен, – сказал Артур.

– Часто уверенность порождается невежеством, нежели знанием.

– Не развалится, если сила уйдёт куда надо. Там кирпичная стена в половину толщины, причём не сплошная, а просто заложённый проём. Она разлетится, как одуванчик. Думаю, здесь под всеми домами одинаковая коммуникация. Пойдём вдоль канализационных труб по улице и выберемся в коллектор. Если повезёт, то выйдем за стеной.

– Мне это совсем не нравится, – сказал Хи. – Самодельную бомбу трудно сделать нужной взрывной силы. Она получится либо слишком слабой, и нас снова запрут в комнатах, либо слишком сильной, и потолок в подвале обрушится.

– Мне тоже не нравится, – ответил Андрес. – Но ничего другого придумать не могу.

– Эту самую стену я разберу кирпич за кирпичом с помощью зубила. Сначала сотру в порошок раствор, а потом достану их все и сложу рядом, – предложил Хи.

– И сколько у тебя уйдёт времени на это?

– День-два.

– Не годится, – ответил Артур. – Даже если это займёт несколько часов, они услышат шум и увидят, что ты делаешь, вход в подвал будет закрыт. Мы вообще не должны ходить туда до тех пор, пока не будем готовы сбежать, чтобы не вызывать лишнего подозрения.

– Как ты не понимаешь? Это же бомба, не петарда и не салют. Если получится слишком сильной и стена при этом не рухнет, взрывная волна выбьет дверь в подвал, и мы в лучшем случае оглохнем. Всем же придётся быть рядом, чтобы успеть пройти через проход. Лилии, Анетте, Елизавете.

– Иногда наступает момент в жизни, когда нужно довериться другому человеку, – ответил Артур. – Доверься мне и не задавай вопросов. Лучше собери к этому моменту одежду и припасов на всех.

В ответ Хи кивнул. Нерешительно, со вздохом. Быстрый способ ему нравился гораздо меньше, чем тихий. Они собирались взорвать стену в подвале, а давящее ощущение слабости в груди было таким сильным, словно они хотели взорвать бензоколонку, находясь внутри неё.

– Взрыв будет в двенадцать часов дня, плюс-минус две минуты, – сказал Артур. – Я не смогу сделать точный запал. Придётся по старинке, сигаретой. К этому моменту все должны быть неподалёку от подвала, желательно с закрытыми ушами и открытым ртом.

– Постарайся не взорвать дом, – сказал Хи и отправился обратно на балкон. – Если потолок обрушится, никто никуда не убежит.

Всю оставшуюся ночь он ворочался с боку на бок, так и не уснув. Перед глазами стоял Чарльз Тауэр, ехидный, самодовольный, и пёс Лео с навсегда закрытыми глазами. Пёс жил в этом доме намного дольше, чем Хи. Ему было уже двенадцать, что делало его глубоким стариком по собачьим меркам, но он по-прежнему делал свою работу, защищал членов семьи, даже когда они сами хотели себе навредить. Когда Андрес принёс в кармане несколько таблеток экстази, Лео облаял его и не пустил в дом. В тот раз Хи зауважал пса за его крепкую преданность.

Под утро Хи заснул, и два часа ему снились беспокойные образы. Он открыл глаза с восходом солнца, самым первым в доме. Спустившись вниз, где сидела утренняя смена охраны, сел в кресло у окна. Пса в доме больше не было, только кровавое пятно у рояля говорило о том, что произошло. Дом постепенно оживал: сначала появился уборщик Кармакс с тряпкой в руках и повар Жюсьен, затем вышли Лиза, Андрес и недоумевающий Стас, потерявший Артура.

Вскоре наверху появился Дарвин, он потягивался и зевал, его белая майка с принтом какого-то рэпера приподнялась, оголяя живот. Для своих девяти лет Дарвин был слишком крупным: он весил пятьдесят девять килограммов, хотя, когда его усыновили, он был очень худым. Обилие еды и комфортная жизнь превратили его в толстяка. Его щёки занимали основную часть лица, шеи не было, а грудь была больше, чем у любой девочки в его возрасте. Когда он ходил, то качал бёдрами, а руки разводил в стороны.

В нерешительности Дарвин остановился на верхней ступеньке лестницы и посмотрел вниз. Что-то на первом этаже было не так, как обычно, но он не мог понять что. Водил взглядом влево-вправо и обрабатывал данные медленно, как старый компьютер. Сначала он заметил слишком большое количество охраны в сером камуфляже и удивлённо спросил:

– Папа приехал?

А потом сам себе ответил:

– Он же погиб.

Затем взгляд Дарвина упал на красное пятно у фортепиано.

– Здесь что-то разлили? – спросил он.

– Сынок, иди сюда, – позвала его Лиза, и Дарвин направился вниз. Его огромные ноги передвигались очень медленно, а рукой он держался за перила. Хи был уверен, что без помощи рук Дарвин не сможет спуститься и просто скатится вниз, как шар. И ничего при этом не ушибёт.

Девочки наверху продолжали спать, и Хи надеялся, что они успеют проснуться к двенадцати часам, иначе придётся кому-то их будить. Артур появился со стороны кухни, Хи отчётливо видел, как открылась и закрылась дверь в подвал. Он был спокоен и расслаблен. Встретившись взглядом с Хи, он коротко подмигнул.

Чтобы отвлечься, Хи повернулся в сторону бара и включил телевизор. Одна из стен, до этого выглядевшая как расписанное Аней полотно, ожила и предложила к просмотру несколько передач в прямом эфире, спорт, каталог телешоу и целый архив фильмов на любой вкус. Почти всё из этого было платным, за исключением того, что вышло до две тысячи шестнадцатого, так как с тех пор прошло восемьдесят лет и закон о защите авторских прав перестал на них действовать. Хи выбрал свой любимый фильм – мелодраму «Ирландский посол» с Луи-

зой Миллер и Генри Хиллом в главных ролях. Эта история заставляла его плакать каждый раз, когда герои в жёлтых шарфах встречаются на ледовом катке.

Телевизор долгое время сопротивлялся пульту, последнее время вообще все телевизоры ведут себя очень странно. Не только в этом доме. Главную актрису с помощью меню Хи заменил на другую – Ниу Гэн, а Генри – на Чонгана Лэй, так как больше любил фильмы с китайскими актёрами. Он считал европейцев менее выразительными. К тому же Луиза была весьма посредственной актрисой, и даже нейросети не могли натянуть ей эмоции до нужного уровня. А актриса Ниу Гэн приходилась Хи двоюродной племянницей, и он при просмотре любого лёгкого фильма всегда ставил её на главную роль.

Следуя указаниям, нейросеть мгновенно заменила внешность актёров, их имена и даже название фильма. Теперь в кадре была Ниу с Чонганом, и смотрелись они естественно, словно фильм изначально снимали с этими актёрами. В заголовке теперь стояло название «Китайский посол», а главный герой прибыл не из Дублина, а из Пекина.

Сегодня Хи лишь делал вид, что смотрит фильм, а сам краем глаза следил за всем, что происходит в доме. Дарвин плакал, он любил своего мастифа и больше всех о нём заботился. Андрес сидел на диване с Лилией, они о чём-то говорили. Аня помешивала ложкой суп и, похоже, совсем не собиралась его пробовать.

В одиннадцать часов они собрались в зале вокруг стола, к тому времени фильм завершился, но Хи не плакал – он пропустил большинство сцен. Они обсуждали возможность подписания документа и остановились на том, чтобы Чарльз Тауэр шёл в задницу. Определённо. Именно туда ему и дорога.

Конечно, они говорили не всерьёз. Видимо, кто-то из охраны поделился их разговором, так как через четверть часа появился сам Тауэр. Он был взбешён и хромал на своей трости больше обычного. Входную дверь он открыл резким рывком.

– Пусть идёт в задницу, да? – прошипел он. Чарльз был очень зол, казалось, он начнёт извергать лаву из задницы. – Вы думали, я буду с вами шутить? Скоро вы пожалеете, что не родились дохлыми.

Таким злым они его ещё не видели, хотя настроение у него всегда менялось за долю секунды. Казалось, вены на его лбу лопнут от перенапряжения, а глаза выскочат наружу и покажутся по полу. Лицо покраснело, будто его выварили в кипятке, руки дрожали.

– Капитан, – приказал он мужчине в форме с мёртвыми глазами, – достать дубинки и избить младшую. Превратите её в кусок кровавого фарша. Но оставьте правую руку, мне ещё нужна её подпись. Нет, не её, – передумал он. – Старшую. Эту куклу Барби. Сделайте так, чтобы её лицо превратилось в картошку.

Краем глаза Хи заметил, как Стас расстёгивает кобуру под мышкой. «Пожалуйста, не надо, – мысленно прошептал он. – Ты же ничего не добьёшься». По глазам Стаса Хи видел: тот, кто захочет ударить Лилию, больше не жилец.

Капитан мгновенно подчинился, он достал из-за пояса резиновую дубинку, это же сделали ещё трое солдат рядом с ним. Хи поднялся из-за стола, он сжимал в руке фарфоровую статуэтку добермана.

– Пожалуйста, не надо, – взмолилась Лиза. – Она же ничего не сделала. Мы всё подпишем.

– Слишком поздно, – возразил Тауэр. – Я хочу посмотреть, на кого она станет похожа после обработки.

Один из солдат занёс дубинку для удара, сидящая на стуле Лилия была прямо под ним. Похоже, Хи единственный видел, как Стас поднимает лёгкий пистолет марки «Рузвельт»... Прогремел выстрел, оказавшийся неожиданностью для всех, и в голове солдата появилась крохотная дырочка прямо над левым ухом. Прогремел второй – и следом за первым солдатом упал второй. Остальные бросились в укрытие, но выстрелы уже было не остановить. Третий солдат

получил пулю в сердце прямо в полёте. Капитан упал замертво, так и не успев оглянуться. Чарльз Тауэр получил пулю в грудь, но ещё живой спрятался за колонну.

– Чёрт, меня подстрелили! – выдавил он, глядя, как кровь вытекает из груди, в области правого лёгкого.

Оставшиеся солдаты подняли оружие почти одновременно. Стас прыгнул за барную стойку и откатился подальше. Пока пятнадцать стволов превращали бар в решето, Артур побежал в подвал и вернулся оттуда с металлическим контейнером для смешивания напитков, от которого отходил провод, прикреплённый к выключателю и аккумулятору от электровелосипеда. Всё было перемотано изолентой.

Солдаты заметили Артура и прекратили огонь. Парень выглядывал из-за колонны, держа перед собой прибор как защиту.

– А-а, помогите же мне кто-нибудь, – продолжал стонать Тауэр.

– Всем стоять, – приказал Артур. – Одно лишнее движение, и эта штука уложит нас всех.

Возникла тишина. Лиза, солдаты, Стас – все смотрели на прибор и не понимали, что это такое и каким образом оно должно всех остановить.

– Мы с Артуром сделали эту бомбу ночью, – подтвердил Андрес, говоря невнятно, потому что язык опух – он прикусил его вчера во время избиения дубинками. – Там два килограмма в тротиловом эквиваленте. Только шевельнитесь, ублюдки, я вам обещаю, только шевельнитесь.

Военные направили на него оружие, но ничего не делали – их капитан успел уйти на тот свет, убитый пулей в спину. Лиза смотрела на штуку в руках у сына и гадала, правда ли у него в руках взрывчатка или это лишь хитрый ход, чтобы выиграть время.

– Пошли все вон, – скомандовал Артур. – А этого оставьте. – Он указал на Тауэра, лежащего на полу и пытающегося вернуть воздух обратно в лёгкие, пузырями выходящий из дырки у него в груди.

– Как мы узнаем, что она настоящая? – спросил один из «бешеных псов». Его голову закрывала маска, но по голосу было слышно, что он молод.

– Ты этого не узнаешь, пока я не нажму на кнопку, – продолжал блефовать Артур: у него в руках была взрывчатка мощностью всего в двести граммов тротила, а не два килограмма, как соврал Андрес. К тому же в ней совсем не было картечи. В таком просторном помещении с большими окнами она могла бы только оглушить ненадолго. Но остальным это знать было не нужно.

В нерешительности военные начали пятиться к дверям.

– Постойте, заберите меня, – попросил Тауэр.

– Ты останешься здесь, дедуля, – ответил Андрес и вытащил из-за пояса мёртвого капитана дубинку. – Я хотел тебе кое-что показать.

Военные вышли из дома все до последнего. Больше ни одного человека в сером камуфляже не осталось в здании. Лишь их злобные лица продолжали мелькать за окнами.

– Вставайте, – Артур начал поднимать остальных с пола. – Все в подвал.

– Зачем нам в подвал? – спросила Лиза, но ответа не дождалась.

Пока семья спускалась в подвал, Андрес поднял дубинку и несколько раз хорошо ударил Чарльза по разным частям тела, но тем не менее не нанёс таких серьёзных повреждений, какие нанесли ему. Напоследок Андрес плюнул на Чарльза и побежал за остальными.

Внизу Артур уже таскал мешки с песком и цементом к кирпичной перегородке. Он хотел изолировать взрыв, чтобы волна была направлена в нужную сторону. Рядом стояли две кувалды на случай, если взрыва окажется недостаточно.

– Мальчики, что вы задумали? – спросила Лиза.

– Мы сбежим через канализацию, – ответил Артур.

– Канализация, фу, – застонал Дарвин, его воротило от одной мысли о том, что надо будет передвигаться под землёй.

– Пожалуйста, все выйдите из подвала, закройте уши и произносите без перерыва звук «а».

Всё происходящее казалось сном. Хи знал семью Келвин уже несколько лет и даже не думал, что однажды они станут заложниками в собственном доме. Они производили впечатление хозяев мира.

Вместе они положили взрывчатку к стене на уровне одного метра и придавили её мешками, выключатель примотали длинными проводами и вывели наверх из подвала. В коридоре между кухней и подвалом стояло четырнадцать человек: шесть из семьи Келвин и восемь человек обслуги, включая самого Хи.

– Всем приготовиться, – приказал Артур и нажал на кнопку.

Люди зажмурились и напряглись, будто ожидали ядерного взрыва. Внизу раздался хлопок – любой из выстрелов звучал громче, чем этот взрыв внизу. Когда Хи спустился, не заметил никакой разницы: мешки как лежали у стены, так и остались. Если бы не звук, он бы подумал, что бомба не взорвалась.

– Не сработало? – спросила Аня.

– Мешки направили взрыв куда надо, – ответил Артур. – Сейчас посмотрим, насколько он был эффективен.

Стены позади мешков не оказалось, она разлетелась на несколько крупных кусков кирпичей, склеенных между собой цементным раствором. В доме наверху снова раздались шаги: сквозь окна военные увидели, что в холле никого нет, и пришли забрать Тауэра, а заодно посмотреть, куда все делись.

– Сюда, – скомандовал Артур.

Все, кто был в подвале, начали пролезать сквозь новообразовавшийся проём. Дарвин поцарапал щёку об острую кромку кирпича: он всегда был довольно неуклюжим. Последними остались Хи, Андрес и Артур. Чуть в отдалении стоял Стас. Он хотел убежать, но не мог бросить Артура без прикрытия.

– Я разолью бензин на пол и подожгу, – сказал Артур и указал на две канистры, стоящие на самом верху лестницы, возле выхода из подвала.

– Я ему помогу, – сказал Хи и повернулся к Андресу: – А ты беги.

Шаги наверху стали ближе, военные искали их по всему дому, но пока не догадались спуститься в подвал.

– Они в подвале, кретины, – послышался стонущий голос Чарльза Тауэра. – Проверьте подвал.

Не теряя ни секунды, Хи бросился держать дверь, а Артур за канистрами. Внутри не было ни щеколды на двери, ни любого продолговатого предмета, чтобы запереться, вставив его между ручкой и полотном. Пришлось держать дверь руками. Сначала «псы» с той стороны попробовали аккуратно нажать на неё, а когда поняли, что её держат, начали давить всем весом. Когда и это не получилось, кто-то из них достал пистолет и выстрелил несколько раз. К счастью, Хи понял, что они собираются воспользоваться оружием, поэтому спустился вниз секундой раньше. Там Артур уже залил весь пол бензином. Хи прошлёпал по луже, и теперь все его ноги по щиколотку были в горючей смеси.

Дверь наверху распахнулась, в полумраке подвала появилось светлое солнечное пятно, кривое от теней спускающихся «псов». Андрес достал отцовскую зажигалку «Голдблум» за двенадцать тысяч долларов и приготовился поджечь. «Псы» застали Артура с канистрой в руках, первый из них выстрелил, и пуля вошла Артуру в ногу.

Дальше случилось то, чего Хи даже не мог представить. Он видел всё со стороны и успел рассмотреть как следует. Артур, уже стоящий в коридоре за разбитой стеной, корчится от боли

в ногу, падает на колено, остатки бензина из канистры выливаются на него самого. Он находит в себе силы и кидает эту канистру внутрь подвала. Андрес без задней мысли зажигает огонь и бросает его следом. Зажигалка летит по кривой траектории и проделывает три вещи: поджигает Артура, взрывает пустую канистру прямо в полёте, падает на пол и поджигает весь подвал. Ноги трёх «псов» оказываются в огне, и они в спешке бегут обратно в дом. Одного из них настигает пуля Стаса, попав прямо между лопатками.

Непонимающий Андрес смотрит, как Артур катается по полу и пытается снять с себя горящую одежду. Хи снял с себя майку и бросился бить ею Артура, а затем закрывать его сверху, но она была слишком маленькой, чтобы перекрыть доступ кислорода. На Хи была лишь эта майка и узкие хлопковые штаны. К нему присоединился и Андрес, но его майка была ещё уже – он любил покрасоваться своими мышцами. Они старались закрыть Артура со всех сторон, но огонь всё горел и не собирался гаснуть.

Вокруг начинал подниматься дым и запах горелой плоти. Однажды Хи уже надышался дымом до слуховых галлюцинаций и не хотел, чтобы это повторилось вновь.

Артур стонал и пытался ворочаться с бока на бок. К тому моменту, когда они победили огонь, на голове Артура не осталось волос, лишь расплавленные завитки, слившиеся в одну чёрную массу. Его лицо и руки стали полностью красными и облезли, вся кожа покрылась волдырями, глаза бегали из стороны в сторону. Стас, телохранитель Артура, смотрел на это широко раскрытыми глазами. Он сам оказался лишь мальчиком, когда дошло до реального столкновения.

– Держись, мы отвезём тебя к врачу, – сказал Андрес. Вместе с Хи он осторожно подхватил Артура и понёс вдоль канализации. Стас бежал впереди, проверяя дорогу.

Чем дальше они продвигались, тем сильнее вонь билась в нос. Тут и там бегали крысы, прячущиеся при их приближении. Никого впереди не было видно. Все, кто прошёл перед ними, затерялись в сети туннелей. Слышались выстрелы – это «псы» наверху догадались, что они ушли через канализацию, поэтому побежали вдоль дороги, стали открывать люки и заглядывать вниз.

Они передвигались совсем медленно. Артур, повисший на руках Хи и Андреса, шагал очень неуверенно, то и дело пытался потерять сознание.

– Мне так больно, – повторял он. – Отпустите меня, пожалуйста.

– Держись, – подбадривал Андрес. – Скоро мы окунём тебя в холодный душ, будешь наслаждаться.

Позади них поочерёдно открывались люки, кто-то заглядывал вниз и затем кричал: «Чисто!» Преследователи приближались, и в очередной раз люк открылся прямо у них над головой. Вниз опустилась голова в серой фуражке, взглянула на них и прокричала: «Они здесь!» Хи и Андрес, левая рука которого распухла, потащили Артура в боковой проход, но не успели пройти и десяти шагов. Пули застучали по голому бетону, и одна из них с чавканьем угодила Артуру в затылок. Тело его обмякло.

– Артур, ну чего ж ты... – прошептал Андрес.

– Надо бежать! – крикнул Хи, и они рванули, оставив обгоревшее тело Артура позади.

Гибралтар. Толстый футболист

Впервые в жизни Дарвин пожалел, что не умеет бегать. Обе его сестры умчались далеко вперёд, и он видел лишь их спины. Даже мама на девятом десятке и пожилой уборщик с признаками умственного расстройства передвигались быстрее него. Он слышал тяжелые шаги по асфальту над головой: вооружённые люди носились по поверхности и искали его. Для него такое было в новинку, он боялся, и это ощущалось физически: непонятный холод наполнял его изнутри, делая его ещё более тяжёлым, чем он есть.

Вокруг было темно, освещение поступало лишь через дыры для дождевого слива на поверхности. Когда становилось особенно темно, Дарвин доставал свой «Самсунг Юниверс шестнадцать», отделанный рубинами и редким жёлтым кварцем, и освещал им дорогу. Он бежал по узкой тропе рядом со смердящей рекой из отходов. Воняло так, что он мог бы потерять сознание, позволь себе дышать чуть глубже. Телохранитель Ян, шестидесятилетний бывший военный, подгонял его сзади и всячески подбадривал.

– Дыши ровно, а не то через сто метров выплунешь лёгкие, – говорил он и плевал на пол. Голос у него был скрипучий, прокуренный, будто кто-то водит медиатором вдоль струн.

Где-то вдалеке слышались выстрелы. Дарвин старался их не замечать. Его усыновили в четыре года, он ещё помнил свою старую семью наркоманов. Мама-наркоман и папа-наркоман любили друг друга больше всего на свете, а о нём постоянно забывали. Когда их лишили родительских прав и его взял к себе Эдуард, Дарвину казалось, что дни одиночества и голодания навсегда позади. Теперь он будет купаться в любви, как оладушек в сиропе. И вот он, в шортах выше колена и футболке, скрывающей талию, в лёгких тапках и с взъерошенными волосами, идёт по канализации прочь от людей, которые хотят его схватить.

Ряд бегущих растянулся на сотню метров, и, когда над головой начали открываться люки, они разделились на несколько групп. Все побежали в разные стороны, это же сделали и Дарвин с Яном. Они бежали вниз по склону, ручеёк испражнений в этом месте превращался в бурную реку с порогами. Все замки на решётках были сорваны: кто-то из впереди идущих телохранителей срезал их болторезом. Несколько раз они миновали датчики движения, светящиеся красным, увидели несколько разбитых камер видеонаблюдения.

Судя по времени в пути, они наверняка покинули границу посёлка. Канализация соединялась с коллектором Гибралтара лишь одним узким коридором. Это сделали для того, чтобы протестующие не смогли пролезть под стенами во время штурма. Здесь же была установлена взрывчатка на случай, если понадобится обрушить проход и окончательно отделить посёлок от внешнего мира.

– Я больше не могу, – сказал Дарвин и остановился. Его сердце стучало, отдавалось в голове, в глазах стало темно. Пот со спины стекал таким обильным ручьём, что носки промокли. – Я больше не могу. Я не солдат, не могу столько бегать. Пусть приходят и забирают меня, я сделаю всё, что они скажут.

Вместе с Яном он остановился на середине пути, и они посмотрели друг на друга. Дарвин всегда знал, что телохранитель его не любит: это понималось по тому, как тот на него смотрел. Это был взгляд мужчины, видящего перед собой размазню. Но Дарвину было уже всё равно, он слишком сильно устал и не мог отдышаться.

– Твоя семья бы этого не хотела, – ответил Ян.

– И что ты мне прикажешь делать? – разозлился Дарвин. – Ты же видишь, я не могу больше бежать.

– Сдаться хочешь? Остановиться прямо сейчас?

– Да, именно этого и хочу.

– Отдать негодяям наверху всё своё состояние? – спросил Ян.

– Да, – ответил Дарвин, но на этот раз не так уверенно.

– Развалить империю, которую твой отец строил всю свою сознательную жизнь?

– Да, – проговорил Дарвин совсем не уверенно.

– Подарить им всё это только потому, что ты устал и больше не можешь бежать?

– Нет.

– Тогда ты должен бороться, дай им отпор. Покажи, что ты мужчина, что ты чего-то стоишь. Пусть увидят, что они зря связались с тобой, пусть пожалеют, что однажды пришли в дом семьи Келвин с оружием.

– Да, так и сделаю, – ответил Дарвин, чувствуя прилив воодушевления, к сожалению, физических сил это не добавляло.

– И как ты этого добьёшься? – спросил Ян.

– Я найму армию в три раза больше, чем эта, нет, в десять раз больше. И моя армия придёт в дом каждого, кто сегодня был у меня, и заставит их всех бегать по канализации до тех пор, пока не упадут от усталости или от вони.

– Вот это отличный план, – подтвердил Ян. – А теперь достань телефон и вытащи из него аккумулятор.

– Зачем? – спросил Дарвин и сразу догадался: – А, я понял. Только аккумулятор в нём несъёмный.

– Это плохо.

– Хочешь, я его выкину?

– Нет, – возразил Ян. – Мы продадим его. Нам нужны деньги.

Они снова побежали по канализации, и на этот раз Дарвина подгоняла злость. Он и не знал, что она может придавать столько сил. Чем больше он уставал, тем больше злился, тем сильнее хотел выбраться отсюда всем назло.

Кажется, они окончательно потерялись. Вокруг никого не было слышно: ни преследуемых, ни преследователей. Лишь они одни вдвоём на весь коллектор. Ян шёл сзади, и его выгоревшее лицо с веснушками мелькало в лучах солнца. Он был худ, невысок, но производил впечатление гораздо более сильного человека, чем телохранитель Лилии, у которого в плечах могло поместиться два Яна.

Так прошёл час. Они всё шли, и шли, и шли. Старались держаться тех ответвлений, где был ветер и солнечный свет. Дарвину это даже нравилось, в своих фантазиях он героически преодолевает все препятствия, посланные ему недругами, чтобы однажды вернуться и победить всех с помощью каратэ. Он настолько воодушевился и погрузился в мечты, что за каждым поворотом ожидал увидеть комнату, где живут черепашки-ниндзя с их бессменным учителем.

Дом потерял Дарвин, но почему-то Ян выглядел гораздо печальнее. Телохранитель и раньше был неразговорчивым, а сейчас полностью погрузился в себя. Так он шёл, уставившись себе под ноги, и не заметил железной трубы точно на уровне его лба.

Наверху слышались машины, значит, Дарвин с Яном достигли города. Сквозь решётки дождевых сливов – дождь в Марокко бывает раз в два года – они видели людей в платьях и лёгких рубашках.

Со временем вонь стала настолько невыносима, что они решили выбраться наружу. По приставной лестнице они поднялись и отодвинули люк в сторону. День мгновенно ослепил их. Солнце стояло в зените, и его лучи ощущались на коже горячими прикосновениями, хотелось как можно быстрее уйти в тень. Их окружал Гибралтар, построенный посреди пшеничных полей и одной стороной примыкающий к подножию горы Бо Насер. Они выбрались наверх между домами жилого квартала, Ян поднялся и помог выйти Дарвину. На выходе их встретил старый выпивоха с бутылкой, завернутой в бумажный пакет. Он был настолько пьян, что его попытка поздороваться прозвучала как «Добр дэнь».

Неожиданно Дарвин осознал, что денег у него сейчас ничуть не больше, чем у бездомного. У него, как и у всех людей, был вживлён в ладонь чип с привязкой к банковскому счёту, к айди, к телефону, к замкам, ко всему, что контактировало с человеком и предоставляло какие-либо услуги. Он мог бы снять наличные в любом банке, но его отследили бы быстрее, чем кассир открыл бы кассу с наличными.

Сразу же как появилась связь, на телефон пришло сообщение о восьми пропущенных, и вслед за этим раздался звонок. Звонила мама:

– Дарвин, ты в порядке, тебя не ранили? – спросила она запыхавшимся голосом. Кажется, люди по ту сторону трубки до сих пор куда-то бежали.

– Нет, мы целы. Нас с Яном отделили, пришлось убежать одним, сейчас мы идём...

– Ничего не говори, – прервала его Лиза. – Уверена, нас подслушивают. Просто знай, что скоро мы выгоним негодяев из дома и всё снова станет хорошо. Побудь пару дней с Яном, пока мы не найдём выход, хорошо?

– Да, мам.

– Я тебя люблю, сынок.

– И я тебя, мам.

– Избавься от телефона как можно скорее, – в трубке послышался голос Лизы, сдерживающей слёзы, и у Дарвина самого глаза стали мокрыми.

Связь прервалась, но перед этим он успел услышать голос Лилии, она что-то говорила про Андреса. Дарвин ещё некоторое время не мог прийти в себя, он вытирал глаза рукавом футболки, колени тряслись. Ян стоял рядом. Он не слышал разговор, но догадывался, о чём шла речь.

– Что она сказала? – спросил Ян.

– Они скоро выгонят всех из дома, и мы вернёмся.

– Так и будет, – подтвердил Ян. – У твоей мамы очень много друзей, они помогут. Сейчас надо побыть одним, подождать, пока всё наладится. Два или три дня, неделя максимум.

– Хорошо.

– Ты будешь молодцом? Продержишься пару дней?

– Да, – ответил Дарвин, по-прежнему вытирая слёзы.

– Молодец, а теперь пойдём, и будь осторожен – в Гибралтаре нельзя расслабляться.

Удивительно, что Дарвин ни разу не посещал этот город, хотя прожил здесь больше пяти лет. Аэродром находился в другой стороне, и его семья всегда путешествовала в дальние страны, а не в ближайшие места.

Когда он впервые приехал в посёлок после голодных бунтов, ему было три года, и он мало что запомнил об этом времени, но у него в памяти отчётливо отпечатался силуэт города, ещё совсем маленького на тот момент. С тех пор Гибралтар расширился до невероятных размеров и тянулся до самого горизонта. Это был самый быстрорастущий город на данный момент.

Он даже внешне отличался от остальных городов – в нём дронам разрешалось летать по улицам, поэтому всё пространство между домами было заполнено тысячами жужжащих механизмов. Они доставляли еду и почту для каждого из сорока пяти миллионов жителей. Непрерывный шум миллионов пропеллеров без перерыва раздавался по городу, и для многих жителей не отличался от звуков природы. Порой дронов становилось так много, что они закрывали небо, ни разу при этом не столкнувшись.

Несмотря на то что Гибралтар находился в низине, своими пиками он превосходил высоту посёлка. Весь центр города был усеян небоскрёбами, ближе к окраинам находились обычные дома высотой в десять – пятнадцать этажей. Зелёных зон было совсем немного.

Вокруг говорили на самых разных языках. Помимо родного русского, на котором говорили оба его родителя, няня Финес научила его английскому и некоторым выражениям на испанском. Но таких языков, как в этом городе, он не слышал даже в фильмах. Казалось, гово-

рившие не используют язык вовсе, а произносят звуки остальными частями гортани. У парней в чёрных рясах получались харкающие звуки, будто они хотят сплюнуть. Продавец за стойкой с хот-догами говорил так эмоционально, будто ему только что упала гантель на ногу. У девушек с рюкзаками, на которых стояла эмблема Гибралтарского университета бизнеса, язык состоял из одних гласных, а волосатый и небритый певец с гитарой пел на перекрёстке песню так пугающе, словно его язык изобрели для одного из фильмов ужасов.

Повсюду виднелись рекламные голограммы. Одна из таких появилась прямо напротив Дарвина. От неожиданности он остановился. В других городах реклама не была такой навязчивой.

– Я вижу, тебе нужна новая одежда? – спросил прозрачный парень в пончо. – Тогда скорее в «Сенсент»! Там ты найдёшь всё, что пожелаешь.

– Спасибо, мне не нужна одежда, – ответил Дарвин, не сразу сообразив, что разговаривает с записью.

– Высокое качество по отличным ценам! – закончил парень и исчез.

Следом за ним появилась прозрачная женщина, она держала в руках цветочный горшок, но слушать её Дарвин не стал. Он побежал вслед за телохранителем. Вокруг светились реклама всех возможных форм и размеров. Она появлялась на экранах, на домах, проецировалась на дороги. Двадцатиметровый футболист с двухметровым мячом приглашал на секцию футбола всех детей от шести лет. После чего дал пас Дарвину, и прозрачный мяч пролетел сквозь него. На короткий миг Дарвина ослепили вспышки проекторов, установленных в соседнем доме.

– Я знаю, где ближайший ломбард, – сказал Ян. – Пойдём. Только постарайся быть неузнаваемым, у тебя же восемьдесят миллионов воздыхателей на «Ювебе».

Страницей в социальной сети «Ювеб» Дарвин не управлял – это делал семейный агент по рекламе. Сам он заходил на неё очень редко. Дарвина интересовала лишь социальная сеть «Грайндхаус», где он анонимно выкладывал свои рэп-композиции, хотя там у него подписчиков было только двадцать семь. Неделю назад было двадцать восемь, но парень из Ирака внезапно отписался от него.

Удивительно, но у многих людей на улицах были бионические протезы: руки, ноги, иногда части черепа. Он слышал, что на Индийской войне, начавшейся после первого голодного бунта, многие получили увечья, но не подозревал, что там было столько участников. Наверное, четверть людей в возрасте от двадцати пяти до сорока имела что-то механическое в теле: железная кисть, железная ступня, иногда плечо. Кто-то ходил на обеих механических ногах и делал это невероятно легко, словно родился с такими ногами.

Получается, что где-то на поле боя валяются все оторванные части их тел. Помимо этого, протезы рук и ног были выставлены на витринах, и Дарвин гадал, есть ли вокруг люди, которым руку отрезал хирург, чтобы дать железную. Потерять руку в бою и поставить механическую – это он понимал, но были ли такие, которым рука из плоти надоела и они решили, что хотят получше. С ножом, вставленным в предплечье, или с метателем дротиков.

Большая часть магазинов, кафе или игровых заведений была закрыта. На них висели бумажные листки с текстами вроде «Закрылись» или «Магазин закрылся», реже был приписан полный текст, по какой причине они вынуждены были это сделать. К одной из них Дарвин подошёл и прочитал: «Закрылись, не выдержали конкуренции. Спасибо за многолетнее сотрудничество». Это был магазин инвентаря для спорта и туризма, через дорогу Дарвин увидел другой такой же под названием «Сенсент». Его витрины были разбиты, всё внутреннее убранство разграблено, а на входной двери грабители написали красным баллончиком: «Ублюдок». Наверное, имели в виду Оскара Уэбстера, владельца сети «Сенсент». Оскар был у них вчера на похоронах, только за что его тут ненавидят, Дарвин не знал.

– Сколько здесь мародёров, – удивился Дарвин.

– Это не мародёры, – возразил Ян, но разъяснять свою мысль не стал.

Чем ближе к центру они подбирались, тем чаще им попадались разбитые магазины вместо закрытых. Казалось, в этом была какая-то логика, но Дарвин не мог её уловить. Он слишком мало времени провёл на улице, чтобы понять: здесь ненавидят жителей посёлка, местные вкладывают в слово «тхари» столько же ненависти, сколько богачи вкладывают гордости. Люди винят тхари в финансовом кризисе, поэтому грабят лишь те магазины, которые принадлежат жителям за стеной. Мелкий бизнес местного предпринимателя здесь, наоборот, стараются поддерживать.

Путь для движения они выбирали не самый людный, но и не глухие переулки между домами. В таких местах обитали только наркоманы и бездомные, поэтому человек в приличной одежде рисковал быть ограбленным. Они избегали сетевых ломбардов и направлялись в частный.

День перешёл в вечер, и Дарвин начал замерзать. Он сложил руки на груди и весь съёжился, из одежды на нём была лишь любимая оверсайз майка с принтом Томми Балькуды, лучшего современного рэпера. Наверное, именно благодаря ему Дарвин начал заниматься музыкой, но мама и няня запретили поступать в школу диджеев, чтобы научиться создавать биты. Они отправили его в музыкальную школу на фортепиано и сказали: «Когда всему обучишься, можешь заниматься чем хочешь». Но иногда, тайком, Дарвин записывал треки и заливал их на «Грайндхаус», самую большую социальную сеть для исполнителей. Чтобы его не узнали, он перед камерой всегда носил маску Гая Фокса и читал только под псевдонимом Эм-Си Разрушитель – это было самое крутое имя, которое он смог придумать. В своих треках он говорил о том, что никого круче нет и он отметелит любого, кто косо на него посмотрит.

Никому не нравилось то, что он делает, пользователи соцсети писали, этот рэп даже лажей нельзя назвать. Даже более опытные рэперы говорили, что это не рэп, а моча. Все комментарии к его записям сводились к тому, что у него нет таланта и ему стоит тратить время на что-то другое. После этого Дарвин садился за фортепиано и играл на нём с утроенной силой, а затем возвращался и зачитывал рэп. Ничто не могло его остановить, даже мнение людей.

У него в голове готовы были десятки текстов, он сочинял их под одеялом, а потом отправлял самому себе на имейл под нейтральными заголовками «Домашнее задание, испанский» или «Расписание экзаменов». Однажды его репетитор испанского чуть не открыл письмо с домашним заданием. Если бы он увидел его текст, Дарвину пришлось бы в этот же день уйти из дома в добровольное изгнание. Он был слишком стеснителен, чтобы показать кому-то, что он сочинял. Тем более неприличных слов в этих текстах было больше половины. А уж если бы кто-то из родных нашёл его канал... он бы гораздо легче признался в употреблении экстази и запивании его водкой.

– Мне нужна куртка, – обратился он к Яну, идущему немного позади него. – И штаны.

– Ломбард уже близко, – ответил тот без какого-либо намёка на сочувствие.

За углом действительно оказался ломбард. Он располагался под табличкой «Ломбард».

– Жди здесь, постарайся не бросаться в глаза, – сказал Ян и ушёл. Было девять часов вечера.

Последний батончик «сникерс», захваченный в доме, ушёл за минуту. Дарвин съел его только сейчас, потому что не хотел делиться с Яном: тот был строен и силен, ему было не понять мучения толстяка вроде Дарвина. Еды больше не осталось.

Сидеть становилось скучно, телефон Ян забрал, а на улице совсем ничего не происходило. Даже уличные музыканты, встречаемые ранее по дороге, здесь отсутствовали. Ради развлечения Дарвин начал пинать пластиковый стаканчик, найденный возле переполненного мусорного бака, и представлять будто он Николо Аллегро, двадцатилетний бомбардир «Вероны» по прозвищу Эль Флако. Стаканчик летал в проходе между жилым домом и служебным выходом небоскрёба, отскакивал от стен, люди на тротуаре иногда оборачивались на него,

но быстро теряли интерес. Вскоре и сам Дарвин устал, присел на бетонный пандус, утирая со лба пот, несколько минут не мог отдышаться.

Холод пришёл вскоре после того, как Дарвин остановился. Он запыхался и глубоко дышал через широко открытый рот, сердце готово было покинуть грудную клетку: оно уже стучалось изнутри. Маленькие крошечные иголки, казалось, впиваются под кожу и вкалывают ему жидкий азот. Время узнать он не мог – телефона нет, по внутренним ощущениям, Яна не было уже больше часа. Короткий взрыв энтузиазма закончился, теперь Дарвин снова хотел домой, несмотря ни на что. Он не человек улицы, почему Ян не может этого понять? Нет на свете более приспособленного к комфорту индивидуума, чем Дарвин, и, наверное, никогда не существовало.

Холод и голод действовали на него не столько физически, сколько психологически. В три года его забрали из дома, в котором отключили отопление за неуплату, он не ел несколько дней, одежда на нём представляла собой старые изношенные лохмотья, ставшие слишком короткими для его быстро растущего тела. Оказавшись в новом, богатом доме, он первым делом начал одеваться в самую дорогую и приятную на ощупь одежду, ел больше, чем нужно, и остановиться было невозможно.

Сколько бы Дарвин ни ждал, Ян не возвращался. Стало совсем темно, и ему пришлось прыгать на месте, чтобы не замёрзнуть. Он лично развеял миф о том, что жир защищает от холода. Взгляни он чуть раньше в сторону ломбарда, заметил бы серый фургон, из которого выбежало шесть человек в камуфляже. Они забежали в здание, в руках у каждого была наготове дубинка. Когда они вышли, тащили Яна под руки с окровавленной головой – сам он идти не мог. Они скрылись внутри кузова фургона, который всё ещё продолжал стоять. Вероятно, люди в форме с помощью телефона отследили Яна с Дарвином сразу же, как только те вышли из канализации.

Не в силах больше терпеть, Дарвин направился к ломбарду посмотреть, что там делает Ян. Дарвину начинало казаться, что тот продал телефон, а деньги забрал себе. На углу дома, перед тем как Дарвин успел перейти дорогу, ему встретился бездомный. Тот сидел на куске пенопласта, а рука, словно намагниченная, метнулась в его сторону.

– Подай старику, мальчик, – произнёс он.

– У меня нет денег, – ответил Дарвин.

– Ты похож на того, у кого есть деньги. – Старик поднял голову, из-под старого грязного капюшона на него уставилось худое небритое лицо, светящееся под уличными фонарями. – Наверняка у тебя в заднем кармане лежит сотня-другая, верно?

– Нет, у меня вообще ничего нет.

– Я тебе не верю, малыш. Готов поставить мои последние ботинки, что у тебя в кармане кое-что да есть.

– Если тебе это надо, забирай, – ответил Дарвин и вывернул карманы: в них не оказалось ничего, кроме смятой этикетки от «сникерса». – Видишь?

– Удивительно, и вправду ничего.

– Я же говорил.

– Значит, ты носишь деньги в сумке на груди? – спросил бездомный.

– Нет у меня никакой сумки.

– По твоему лицу видно, что есть. Ты ведь умный мальчик, значит, прячешь деньги там, где их не достанут карманники.

В ответ Дарвин приподнял майку и показал, что под ней ничего нет.

– Неужели ты спрятал их там? – спросил бездомный, сделав акцент на последнем слове, голос у него был мягкий, как ручей. – Я уже видел людей, которые носят деньги в трусах. Ты ведь там их и прячешь, да?

– Вовсе нет.

– Ты ведь умный мальчик, я это сразу понял. Такие, как ты, всегда хорошо прячут деньги, чтобы их не ограбили в этом безумном городе.

– Трусы я снимать не буду, – ответил Дарвин. – И вообще сейчас я позову своего папу, и он навалает тебе.

– Это того, которого держат в той машине и бьют второй час?

С удивлением Дарвин посмотрел в сторону ломбарда и заметил серый фургон точно напротив выхода. На его борту была эмблема красного питбуля в восьмиугольнике. Фургон периодически покачивался из стороны в сторону, словно внутри кто-то танцевал. Если там бьют Яна и пытаются узнать, где он оставил Дарвина, то он им пока ничего не сказал.

– Пойдём в переулок, – ответил бродяга, вставая. Он достал из внутреннего кармана засаленной военной куртки недопитую бутылку скотча и сделал глубокий глоток. – Проверим, правду ли ты говоришь.

– Никуда я не пойду, – ответил Дарвин, однако не сделал и попытки уйти. Его ноги онемели, этот старик будто загнипнотизировал его.

– Не заставляй меня применять моего друга-переговорщика. – Бездомный похлопал себя по груди, где под зелёной тканью было что-то спрятано. Там мог лежать как нож, так и перцовый баллончик или электрошокер.

Не в силах ответить, Дарвин подчинился. Бродяга положил руку ему на плечо и повёл перед собой в тот самый переулок, где полчаса назад Дарвин играл в одиночный футбол с пластиковым стаканчиком. Одним залпом старик допил бутылку и бросил её в кирпичную стену жилого дома, она разлетелась на куски стекла и мелкие капельки алкоголя, от запаха которого Дарвина затошнило.

– Снимай шорты, пацан, – приказал бездомный. Он стоял в трёх шагах, уперев руки в бока, сквозь дырявые ботинки проглядывали грязные пальцы ног. Бродяга слегка покачивался в такт алкоголю в голове.

Через всё тело Дарвина струилась слабость. Он даже не нашёл в себе сил ответить, лишь отрицательно помотал головой.

– Представь, что ты на приёме у школьного врача.

На этот раз у Дарвина не хватило сил даже на движение головой. Перед глазами всё плыло, желудок вырывался наружу. Гравитация, судя по его ощущениям, усилилась в два раза.

– Можешь стоять здесь хоть всю ночь, но пока не сделаешь, что я скажу, никуда не уйдёшь.

– Я уйду, – ответил Дарвин, но не сдвинулся с места.

– Нет, не уходишь. Ты будешь послушным мальчиком или увидишь, что лежит у меня в кармане. Поверь, ты не хочешь знать, что там.

– Я уйду, – повторил Дарвин и начал медленно разворачиваться, как трактор на гусеницах.

Лицо бездомного исказилось, на нём появился бешеный оскал. В руке сверкнуло что-то блестящее. Холодная сталь ножа прислонилась плашмя к его щеке, кончиком указывая на глаз. Он наклонился совсем низко, так, что вонь из его рта способна была ослепить Дарвина.

– Ты останешься здесь, маленькая жирная свинья! Ты сделаешь всё, что я скажу. Теперь я твой повелитель, твой отец, твой бог. Снимай штаны, живо!

При упоминании отца Дарвина передёрнуло, он стал злиться. Если этот бродяга, этот старик, это ничтожество, этот безымянный алкоголик думал, что может сравниться с Эдуардом, то он определённо сошёл с ума.

– Ты не мой отец, – прошипел Дарвин. – Мой отец умер, его больше нет.

Со всего размаху Дарвин ударил бездомного между ног и побежал. Ему вслед сыпались проклятия и угрозы, но он не обращал внимания. Дарвин бежал и плакал, утирал слёзы, но не останавливался. Бежал до тех пор, пока не готов был упасть в обморок от усталости. Дарвин

добежал до неприметного переулочка, где никого не было, кроме безликих небоскрёбов. Стояла глубокая ночь. Он залез в картонную коробку возле мусорного бака и заснул. Ему снилось мороженое.

Казино. Любитель боевиков

Телохранитель Лилии был настолько крупным, что передвигался медленно. Его выносливости позавидовала бы даже лошадь, но мощная комплекция вкупе с неудобной одеждой не давала развивать большую скорость. Их группа, состоящая из Лизы, Лилии, двух телохранителей и уборщика Кармакса, отделилась от остальных, когда на их пути появились военные. Они нырнули в боковой проход и шли, пока Лиза не устала окончательно. Её поддерживали двое человек, но тем не менее для неё это было большим испытанием.

– Я знаю одного человека, он нам поможет, – говорила она. – Это мой старинный друг.

Вспоминая, Лиза закатывала глаза и погружалась в далёкие, сладкие видения прошлого. Она описывала этого человека как решение всех возможных проблем. Клайд Ирвинг, один из боссов преступного мира, вырос вместе с ней в элитном городке рядом с Лондоном, и с тех пор они поддерживали связь. Клайд отправил ей восемьдесят поздравительных открыток на день рождения, начиная с шести лет, и к каждой вкладывал какой-нибудь цветок, которого она раньше не видела.

Эти рассказы Лилия слушала без энтузиазма. Её выгнали из собственного дома, и ничто не могло поднять ей настроение. Все её братья остались где-то в канализации, сестра потерялась. Она готова была расплакаться, но держалась, чтобы поддерживать мать. То, что они идут к какому-то криминальному боссу, совсем её не утешало. Необходимость воспользоваться помощью преступника, а не полиции, уже говорила о том, что дела у них хуже некуда.

– Когда мы уже придём? – спросила Лилия в сотый раз. Ей надоела канализация, надоели крысы, убегающие при свете фонарика, их мерзкие лысые хвосты тоже надоели.

– Мы сейчас под Пэлл-Мэлл-стрит. Дойдём до Дисней-роуд – выйдем на поверхность.

Все улицы Гибралтара носили названия известных брендов, компаний или студий, и чем ближе к центру они находились, тем более известными брендами назывались. Ни одна из улиц или проспектов не называлась Транстек, в честь самой большой корпорации, зато были названия дочерних компаний: Гермес-стрит, в честь Службы такси, морских рейсов и авиаперелётов, или Гестия-роуд, получившая название от самого большого мирового застройщика, соорудившего в том числе и Гибралтар. А также Гефест-парк в честь «Гефест инк» – горнодобывающей и нефтегазовой компании. Все эти корпорации теперь принадлежали Лилии и её братьям – людям, бегущим из дома через канализацию.

От душного воздуха кружилась голова, но ей всё же было намного легче, чем Лизе. Её мать, хоть и вели под руки, дышала так часто, словно пробежала марафон.

Больше всего Лилия скучала по Ане. Куда она подевалась? Они бежали бок о бок, когда слышались выстрелы. Что было дальше, происходило как во сне, и лишь половина отложилась в памяти. Какое-то внутреннее существо будто завладело её телом и помчалось прочь, и ей повезло, что мама направилась в ту же сторону, иначе Лилия осталась бы с одним лишь уборщиком и телохранителем. Она иногда жалела, что была такой слабой. Вот Андрес – пример ответственного, сильного человека. Он знает, как выбраться из любой ситуации, его ничто не может сломить. Хотела бы она быть такой же сильной и чтобы невзгоды отскакивали от неё рикошетом.

Ей хотелось заснуть и спать до тех пор, пока все проблемы не решатся. Направиться в какое-нибудь безопасное место и отключить свой разум от повседневных дел, может быть, заняться чтением. Она бы многое отдала, чтобы вернуться в прошлое и просто пойти на шопинг. Внутренний голос говорил, что она достаточно взрослая, чтобы решить все проблемы, свалившиеся на них. А другой внутренний голос возражал первому, говорил: «Не стоит тратить усилий, всё как-нибудь решится без тебя».

Дисней-роуд оказался совсем не таким, каким Лилия его представляла. Вместо узкой улицы с жилыми домами ей предстал яркий проспект с броскими вывесками кинотеатров, ресторанов и модных бутиков. Кое-где были разбиты стёкла, повсюду разрисованы граффити, почти всё сверкало яркими цветами. Лишь едва перевалило за полдень, а народу здесь было полно, словно вот-вот должен начаться концерт всемирно известного рок-исполнителя. Они выбрались через люк в переулке, и первое, что предстало посреди всего этого, – сверкающее здание казино и отеля «Люмьер де Парис».

В высоту оно достигало пятидесяти этажей, но выглядело коротышкой рядом с ближайшими небоскрёбами, зато в плане расцветки побеждало всех. Каждый сантиметр этого здания, если это не стекло, был выкрашен в красный или золотой цвет. Наверняка ночью оно светилося и привлекало внимание в три раза сильнее. Такие здания Лилия уже встречала в других городах, но не ожидала увидеть что-то подобное здесь. Город Гибралтар с балкона её комнаты представлялся как нечто-то скучное, куда ездят ночевать работники их дома. В её воображении была картина города, где ничего интересного не происходит, где все люди похожи друг на друга, а машины ездят с одинаковой скоростью.

– Несмотря на название, казино держат не французы, – сказала Лиза. – Оно лишь когда-то принадлежало им. Сейчас казино владеет Клайд, а он наполовину грек, наполовину испанец.

– Я бы сюда не ходил, здесь плохие люди сидят, – обратился к ней Кармакс. Его голос при высоком звучании имел детские интонации, и это сбивало с толку тех, кто слушал его впервые. – Не ходите туда, пожалуйста. Меня однажды там поколотили и выкинули на улицу.

При звуке его голоса Лиза словно впервые вспомнила, что их уборщик по-прежнему идёт с ними. Стоило ей от него отвернуться, она тут же про него забывала. Наверное, из Кармакса получился бы отличный шпион. С помощью чипа на тыльной стороне ладони Лиза хотела перечислить ему денег как благодарность за беспокойство, но вспомнила, что их в этом случае быстро отследят. Им нельзя пользоваться деньгами некоторое время. Вместо этого она крепко пожала ему руку:

– Спасибо, милый. Спасибо, что был с нами. Ты очень хороший работник.

– Я хороший работник? – удивился Кармакс. Глаза его засияли от похвалы, он будто стал выше ростом от распираемой гордости.

– Да, хороший. Ты всегда просыпался раньше всех и целый день следил за чистотой. Не думай, что мы этого не ценим.

– Да, я всегда следил, чтобы чисто было.

– Ты молодец, и удачи тебе. Желаю тебе найти хорошую работу.

– Я могу идти домой? – спросил Кармакс с надеждой. Кажется, он не понимал, что его работа на семью Келвин подошла к концу. Он воспринимал этот день как возможность пораньше уйти домой.

– Да, иди, купи себе молочный коктейль.

С небывалым выражением счастья на лице Кармакс отправился вниз по улице. Лиза надеялась, что его не ограбят по пути.

– Бедный мальчик, – сказала она, хотя их уборщику было сорок девять лет. Она не догадывалась, что на следующее утро Кармакс проснётся и без единой дурной мысли поедет в их дом и продолжит там убираться. А Тауэры, расположившиеся в нём, даже не вспомнят, что вчера этот уборщик сбежал с остальными, и он продолжит мыть полы и протирать мебель как все пять лет до этого.

Дисней-роуд располагался не в центре города, но дорога здесь была оживлённая: десять полос, и все их занимали мчащиеся на огромных скоростях грузовые дроны. Изначально дороги были узкими – всего шесть полос, но тогда город не был настолько велик. Когда возник посёлок, город построили небольшой – всего лишь место, где будут располагаться офисы компаний и дома для obsługi. Когда же стало известно, что здесь появилась работа, сюда напра-

вились безработные со всех концов света, отдавая последние деньги на авиабилеты и прививки от местных болезней. Чем больше становился город, тем больше расширяли дороги и улицы. В итоге в нём стало так тесно, что город мгновенно превратился в муравейник. Работу здесь получала лишь половина населения, а другая либо воровала, либо трудилась на пользу общества за еду.

Среди прохожих была заметна огромная разница в уровне дохода. Из ста человек, прошедших перед Лилией за то время, пока она стояла в переулке и глядела на здание казино, двадцать носили костюмы – обязательный атрибут работы в офисе крупной компании. Двадцать ходили в повседневной одежде, иногда похожей на рабочие комбинезоны. Остальные шестьдесят были одеты в обноски разной степени потёртости.

Некоторое время Лилия искала пешеходный переход, а потом поняла, что светофоров здесь нет – в Гибралтаре существовали только подземные и надземные переходы. По проезжей части люди не ходили.

На входе в казино путь им преградили два охранника: один пожилой и лысый, со скучающим взглядом, а другой молодой и бородатый. Оба были одеты в одинаковые серые брюки, белые рубашки с бабочками и серые жилетки.

– Сколько лет? – спросил бородач у Лилии, перегородив ей дорогу. – Детям вход запрещён.

– Мне двадцать один.

– Предоставь «айди». Вам я бы не советовал заходить, – продолжил он, обращаясь к Лизе.

– Почему это? – удивилась она. Елизавета не была похожа на оборванку, которые ходят по улице. На ней была простая домашняя одежда, выглядящая прилично в любой обстановке.

– Сегодня вы потратите все ваши сбережения, а завтра придёт ваш сын разбираться, куда его мать дела все деньги. Никому это не надо.

– Вообще-то... – начала Лилия, собираясь рассказать, что денег у них столько, что не смогут потратить в этом казино и за тысячу лет. Лиза прервала её, положив руку на локоть.

– Я хотела бы увидеть главного, – сказала она. – Мы с ним старинные приятели. Господина Ирвинга.

– Владельца казино? Он принимает только по предварительной записи, – возразил бородач, лицо его стало холодным, отстранённым, уголки губ опустились. Лилия тут же назвала это антиулыбкой. Лысый закатил глаза. Кажется, оба охранника были не в восторге от своего руководства.

– Он будет рад меня увидеть.

Охранники и по совместительству швейцары переглянулись. Более старый произнёс в пустоту, словно увидел перед собой воображаемого друга:

– Два человека пришли на приём к боссу.

Что ему отвечал воображаемый собеседник, они не слышали, но, судя по ответам, вопросы было легко угадать:

– По личному делу, говорят, давно его знают.

«Как они выглядят?» – в голове представляла вопрос Лилия.

– Женщина и девушка. Да, как в той песне. И какой-то здоровяк с ними.

Что ждало их впереди, Лилия не представляла. Она лишь надеялась, что в казино им дадут поесть в кредит. Наличными они уже давно не пользовались, а чипы не работали. Неприятное чувство в желудке начинало напоминать о себе.

– Проходите, – сказал бородач и открыл перед ними дверь.

– Спасибо, – ответила Лиза и мягко толкнула дочь вперёд.

Войдя внутрь, Лилия зажмурилась – в глазах зарябило от обилия золотых и красных оттенков. Наверное, это должно было вызывать чувство роскоши у простых людей, но Лилии это казалось весьма странным интерьерным решением. В любом ресторане любого уровня

было красивее. Светило множество люстр, и при этом не было ни одного окна, отчего создавалось впечатление, что казино находится в собственной, отдельной реальности, где время идёт иначе. От входа к барной стойке тянулась широкая красная ковровая дорожка, по обе стороны от которой находились ряды столов с сотнями игроков. Всё светилось огнями, отчего начинала болеть голова. Создавалось ощущение, что её хотят загипнотизировать.

Сотни голосов сливались в единый неразборчивый гул, из динамиков вокруг лился ненавязчивый джаз. Чуть ниже уровнем, судя по указателям, располагался зал с игровыми автоматами, ещё ниже залы с рулеткой, а в самом низу – закрытый зал, хотя Лилия даже не представляла, что там может быть.

Некоторые люди в помещении смеялись и разговаривали, другие молча смотрели в экраны с блек-джеком, где играли против виртуальной китайки в красном платье. Здесь, в казино, люди надеялись на удачу, хотели разбогатеть и при этом хорошо провести время. Стояла атмосфера волшебства, казалось, в этом месте сбываются мечты. Эта мысль, завладевшая присутствующими, передавалась и ей.

В центре зала располагалась круговая платформа, где кассиры меняли деньги на фишки и наоборот, причём больше давали фишек, чем возвращали денег. По всему залу также стояли автоматы для самостоятельного ввода и вывода. Выход из казино располагался с другой стороны, чтобы входившие не видели выражения лиц проигравших, но в целом недовольных здесь не было. Проигрывали или выигрывали в основном небольшие суммы.

У одной из стен стояла бронзовая лошадь на постаменте. Аня пришла бы в восторг – скульптор выполнил её в стиле постмодерна: статуэтка состояла из сотен тонких лент, складывающихся в один силуэт. Казалось, статую не отлили в форме, а создали из огромного бронзового листа, который складывали до тех пор, пока не получилось невероятно сложное origami. На такой лошади мог кататься только вымышленный персонаж, вырвавшийся с полотен художников и невозможный в реальном мире.

У ближайшего покерного стола, за которым сидело пять человек, крупная женщина в чёрных джинсах и кожаной куртке встала со своего стула с победным выражением, подняв руки вверх.

– Бум, – произнесла она прокуренным голосом. – Вот это я понимаю игра. Господа, сумку!

Долговязый мужчина в красном жилете начал складывать её фишки, выигранные за столом. Огромная гора, украшавшая стол, теперь покоилась на дне коричневого мешка для денег. Женщина отказалась от помощи и сама понесла мешок на кассу; вес был слишком тяжёлый для неё, но она радовалась каждому грамму, тянущему её руку вниз.

К ним подошёл администратор в сером костюме с золотым бейджем, на котором было указано имя: Готье Лоран. Вид у мужчины был весьма пугающий, хотя одет он был более чем прилично. Его глаза навывкате без малейшего намёка на улыбку совершенно не сочетались с нижней частью лица, где губы принимали доброжелательное выражение.

– Прошу, следуйте за мной, – сказал Готье и развернулся. Затылок у него начинал лысеть, но Лоран тщательно это скрывал.

– Идём, – сказала Лиза, и они двинулись по мягкому красному ковру в сторону лифта.

Пока они шли, какой-то парень в рубашке с закатанными рукавами осел на пол рядом с рулеткой, закрыл лицо руками и заплакал. Крупье лишь сочувственно похлопал его по плечу и предложил бесплатный напиток в баре.

– В следующий раз повезёт, приятель, – сказал крупье.

Кажется, эта сцена подняла настроение администратору, потому что он начал насвистывать и пританцовывать при ходьбе. У Лилии же внутри что-то оборвалось при виде слёз, катящихся по щекам. Что проиграл этот парень? Зарплату? Машину? Дом? Как вообще можно пускать сюда человека с серьёзной игровой зависимостью?

– Часто здесь такое происходит? – спросила Лиза.

– Чаще, чем хотелось бы, – ответил Готье. – Мы не любим оставлять людей без гроша. Пусть лучше они ходят к нам каждую неделю и тратят немного, чем придут один раз, потратят всё и больше не вернуться.

– Вы сами играете?

– Работникам казино запрещено играть. И не только в нашем, в любом другом тоже.

– Почему? – удивилась Лилия.

– Работник должен любить место, где он работает. Если же он потратит все свои деньги и заложит имущество, то не сможет работать с должным энтузиазмом.

– А вы любите свою работу? – спросила Лиза.

– Обожаю, – ответил администратор, впервые одарив их радостным выражением лица.

У лифта он поднял ладонь и приложил тыльную её часть к считывателю удостоверений, дверь сразу открылась. Внутри играла музыка, пахло чем-то неуловимым. На стене рядом с кнопками висел плакат как напоминание работникам казино: безупречно выглядящий крупье в скромной позе с руками, сцепленными на уровне паха. Снизу была приписка: «Поможем заработать тому, кто заслужил, позволим потратить тому, кто не умеет».

На сорок пятом этаже двери открылись, и перед ними появился пентхаус владельца казино. Номер был довольно тесный: в пять раз меньше первого этажа их дома, но, безусловно, красивый. Все стены были стеклянными, благодаря чему открывался широкий вид на коридоры из небоскрёбов. Интерьер был выполнен в белом цвете: стены, колонны, кресла, лестницы, только ковёр по центру был красным.

– Ведите их сюда, – послышался голос откуда-то сбоку.

Администратор указал им на соседнюю комнату, где за столом сидел мужчина лет тридцати пяти с сигаретой, зажатой в зубах. В пепельнице перед ним лежало ещё штук сорок окурков, некоторые из них до сих пор дымились. Лилия хотела поднять футболку и натянуть её на нос, чтобы не чувствовать этот смрад, способный убить любое мелкое животное за несколько секунд, но подумала, что это будет слишком неприлично. Краем глаза она заметила, что мама тоже морщится от дыма в комнате.

Это совершенно очевидно был не восьмидесятилетний знакомый Лизы. Этот был голым по пояс, на волосатой груди висел золотой крест на цепочке: такого большого нательного распятия Лилия никогда не встречала. Вместо брюк на нём была то ли пижама, то ли спортивные штаны. Он что-то печатал на клавиатуре маленького и очень тонкого ноутбука, усеянного пеплом, и без перерыва водил глазами от клавиатуры к экрану и обратно.

– Зачем пожаловали? – спросил он, удостоив их всего одним мимолётным взглядом.

– Мы ищем вашего начальника, – ответила Лиза.

– Мне начальник только Господь, и отчитываться я перед ним буду ещё не скоро.

– Я имею в виду земного начальника.

– Какого такого земного начальника? – переспросил мужчина, посмотрев на них так, словно перед ним стояли дети, не способные выражаться по-человечески.

– Я старый друг Клайда Ирвинга, – сказала Лиза. – Нам бы хотелось с ним повидаться.

– Однажды повидаетесь, но не сегодня. Клайда больше нет, почил два месяца назад. Умер во сне, не страдал и так далее. Теперь я здесь главный – Реджинальд Ирвинг, сокращённо Редж, внук Клайда. Если решите, что моё имя может сокращаться как Рон, вылетите отсюда быстрее пушечного ядра.

Всё это он говорил, не прерывая процесс печатания на клавиатуре. Лилия не могла понять, как он это делает. У неё не хватало сил, чтобы говорить и одновременно что-нибудь рассматривать. Не то что говорить и писать. Ей стало интересно, что может печатать криминальный босс всего Гибралтара, неужели какой-то отчёт? Она пыталась рассмотреть, что там на экране, но тот был повернут к ней боком, и ничего невозможно было увидеть.

На главу преступной группы этот человек совсем не был похож, скорее на журналиста подпольных новостей. На его лице не было холодной отстранённости, какое должно было быть у гангстера, по мнению Лилии. Он был похож на Бакстера Эндрюса, комика и актёра многочисленных комедий. У него был такой же пронзительный взгляд голубых глаз и ехидный вид. А ещё он был блондином, что совсем не вязалось в голове Лилии с образом бандита.

– Если хотели повидаться со старым другом, не получится. Клайд ушёл, детка.

– Теперь Реджинальд здесь главный, – произнёс за их спинами Готье.

– Да, теперь я здесь главный, – подтвердил Редж. – Ещё какие-нибудь вопросы остались?

– Не знаю, – засомневалась Лиза. Она не знала, можно ли доверять внуку Клайда. – Как вы относитесь к жителям посёлка?

– Терпеть их не могу, суки. Из-за этого финансового кризиса у нас дела катятся вниз, люди на улицах беднеют, и мы вместе с ними. Будь моя воля, я бы утопил их в собственном дерьме. А почему спрашиваете? Кто-то из них вас обидел? Обесчестили вашу внучку, а суд ничего не сделал? – Редж смерил Лилию оценивающим взглядом. – Что ж, бывает. Расценки на кровную расплату Готье вам предоставит. Обставим всё как несчастный случай, гарантия качества.

– Нет, конечно, никто меня не бесчестил, – резко возразила Лилия. Она была в негодовании от такого предположения. – Я сама кого угодно обещаю!

– Тогда какого чёрта вы вообще сюда припёрлись? – спросил Редж и впервые посмотрел на них долгим взглядом. Сигарета в его зубах превратилась в окурок.

Чем дольше он на них смотрел, тем шире становились его глаза. Окурок вывалился из его губ и упал на штаны, он машинально стряхнул его на пол.

– Не может быть, – сказал Редж, глядя на Лилию, и затем повторил: – Не может быть. Я тебя знаю. Тебя ещё называют лучшим продуктом корпорации «Транстек», ты Лилия Келвин. А это Елизавета Келвин. – Редж перевёл взгляд на пожилую женщину. В глазах у него появилось обожание, он тут же забыл про Лилию. – Всегда хотел с вами познакомиться, я дважды прочёл вашу книгу про управление бизнесом.

Некоторое время он смотрел на неё удивлённо, а потом в глазах его появилось озарение: он понял, зачем они сюда пришли. Мгновенно лицо его стало сначала испуганным, а затем злым.

– Пришли сюда, чтобы купить моё казино? – спросил он. – Со мной это не пройдёт. Проваливайте отсюда и скажите, что следующему, кто придёт сюда с документами о покупке, я засуну их в задницу.

– Редж, – вмешался Готье, – вчера их дом захватили наёмники из частной армии, но им каким-то образом удалось сбежать. Гости об этом всё утро шепчутся.

Информация долго доходила до Реджа, пришлось даже повторить, потому что он будто завис. Его мозг не мог переварить такую информацию. Наверное, он скорее бы поверил, что Луна сдулась, как воздушный шарик, и улетела куда-то в космос.

– Вы сбежали из собственного дома? – повторил он так, словно спрашивал о чём-то фантастическом.

– Да, пришлось, – подтвердила Лиза.

– А кто на вас напал?

– Другие тхари, – ответил за них Готье.

– Вот это да, никогда бы не подумал, что такое может произойти, – прокомментировал Редж и засмеялся: – Подумать только, самых богатых людей в мире выгнали из дома!

Не в силах сдерживаться, Редж смеялся и не мог остановиться.

– Самые богатых людей выгнали из дома! – повторил он и продолжил смеяться. – Ты слышал, Готье? Их выгнали из дома! Уму непостижимо! Как вы сбежали? Только не говорите, что ползком через кусты.

– Подойди поближе и узнаешь, – ответил Готье.

Не понимая, зачем это нужно, Редж подошёл к ним в упор, подозревая, что сейчас что-то разглядит на их одежде, а затем внезапно его лицо стало кислым, словно он прожевал лимон.

– Ясно, – ответил он и направился обратно к столу.

– Отмой их и найди новую одежду. И замаскируй как-нибудь – такие лица слишком легко опознать, – приказал он администратору, а затем обратился к Лизе: – Приходите позже, подумаем, что с вами делать. И будьте уверены: если в этом городе и есть кто-то, кто даст по заднице вашим обидчикам, то это мы.

После этого Готье проводил их в лифт и нажал на кнопку подвала.

– Душ примете в прачечной, – сказал он. – Там вас никто не увидит.

– Как вы сможете нам помочь? – спросила Лиза. – Наши враги – Тауэры, Монтесы и Уэбстеры, три самые богатые семьи, не считая нашей. Они владеют половиной мира и управляют целыми странами. Они наняли армию для охоты за нами.

– Не волнуйтесь, не будет никаких перестрелок и битв лоб в лоб. У них много денег и оружия, зато мы повсюду, во всех сферах жизни. Добраться до любого человека не проблема, только нужно время.

– Что такое он печатал на компьютере? – спросила Лилия. Её мучил этот вопрос во время всего их диалога. Готье закатил глаза, словно Редж занимался самой глупой вещью на свете.

– Писал очередной боевик.

– Боевик? – не поверила Лилия.

– Называется «Одиночка». Таких тупых боевиков, как у него, ещё мир не видывал. Его герои все как один мускулистые верзилы, скручивающие шеи одной рукой. Он выдаёт такие боевики по штуке раз в месяц. Как будто ему в реальной жизни насилия не хватает. А ещё он ходит в кино на все фильмы, где есть взрывы и перестрелки. Однажды мы с ним и его дочерью пошли на «Смертельную битву», так там смертельная битва началась прямо в кинотеатре.

– Хотелось бы взглянуть на его книгу.

– Только приготовь заранее похвалы в его адрес. Если не скажешь про неё чего-нибудь хорошего, он обидится.

Лифт спускался всё ниже, и Лилию одолевали смешанные эмоции. С одной стороны, она была рада, что кто-то пообещал ей помочь, с другой – она совсем не хотела спускаться в подвал. Даже на минутку. Очень не хотела.

Красный квартал. Аттракцион в мусорном баке

Телохранитель Ани умел быть незаметным. Его никогда не было рядом, когда она его искала, и появлялся он тогда, когда Аня его не ожидала. В этот раз он превзошёл самого себя – его вообще нигде не было.

Одежда провоняла отходами, сандалии размокли, люди удивлялись, когда проходили мимо неё и оглядывались, чтобы узнать, от кого так смердит. Она выбралась из канализации через водосток на окраине города и теперь была похожа на болотное чудище. Домашние штаны пропитались зловонной жижей и липли к ногам, майка вся была в пятнах, волосы превратились в грязную мочалку. Слезы катились по её чумазому лицу, она ободрала ладони и колени.

Вокруг будто происходил апокалипсис. Люди мчались мимо неё, шумели автомобили. Облако дронов издавало столько шума, что невозможно было услышать ничего дальше сотни метров. Десятки голограмм пытались завести с ней разговор.

В таком виде она шла по улице, хотя сама не знала, куда идёт. Она лишь помнила, как Дарвин с Яном побежали в боковой проход, а она за ними не успела.

Рядом не было никого, кто мог бы её поддержать. Ни Лилии, с её ласковыми объятиями, ни Андреса, с его ручищами и колкими замечаниями. Рядом вообще никого не было. Её усыновили так рано, что она не помнила своей прежней жизни. Все её ранние воспоминания начинаются со слуг, которые угождали каждому её желанию. Она ела то, что любит, развлекалась так, как хочет, её утешали, когда ей было грустно. Няня Финес – единственная, кто мог ударить её по заднице, но даже она всегда поддерживала Аню. Единственным источником отрицательных эмоций была она сама.

Сейчас же беда пришла извне, и она не знала, как на это реагировать. Некому было решить её проблемы. Слезы текли по лицу, она плакала, и это всё, что она могла сделать в этот момент.

«Надо идти в полицию», – повторяла она себе раз за разом и решила, что пойдёт в участок, как только найдёт его.

Светило яркое марокканское солнце, неизменно появляющееся на небе каждый день в году. Без головного убора ей становилось слишком жарко, поэтому Аня держалась в тени домов.

Через дорогу на ступеньках сидела группа школьников чуть старше неё. Они заметили Аню и стали указывать пальцами, при этом хохоча и явно подшучивая. Их, наверное, забавлял её внешний вид и слёзы, катящиеся из глаз у всех на виду. Самый крупный и, кажется, самый главный в их стае поднялся и направился к ней, самодовольно улыбаясь. Его коричневый цвет кожи наверняка изначально был белым: благодаря загару его издали можно было принять за индуса. К сорока годам этот парень, возможно, будет выглядеть на шестьдесят. Его волосы выгорели на солнце, как и вся одежда. На руке была татуировка черепа.

– Куда идёшь, чучело? – спросил он. В руках парень держал сигарету и жевал жвачку, одновременно выдыхая дым.

– Никуда, – ответила Аня и снова заплакала.

– Бездомная, что ли? Мы здесь не любим бездомных, ты это знаешь?

– Я не бездомная, – возразила Аня. – У меня есть родители. А также трое братьев и сестра.

– Ничего себе, – удивился череп. – Некоторые люди рожают, как из автомата для подачи теннисных мячиков. Где же твой дом?

Никто из проходящих людей не замечал их диалога: слишком часто на улицах дети занимались своими делами, чтобы обращать на них внимание. Пока никто из них не поднимает шум, их не замечают. Парень перегородил ей дорогу, сделал глубокую затяжку и выдохнул ей

в лицо струю отвратительного дыма. У Ани дома курили более приятные виды табака. Ей это запрещали, но она иногда чувствовала запах, идущий от окружающих. Андрес иногда покурил марихуану, которая была разрешена в Гибралтаре, но имела слишком большую цену для обычных безработных обывателей.

– Ты плохо слышишь, чучело? Я спросил, где твой дом.

Остальные школьники заметили растущее напряжение и подтянулись к ним. Всего их было пятеро, среди которых были две девочки. Кто-то стал у неё за спиной, остальные смотрели ей в лицо и ухмылялись.

– Смотрите, какая заколка, – удивилась девочка позади неё. Тут же она выхватила у неё из волос блестящую серебряную заколку в виде лепестков с голубыми топазами и рубинами. Это был подарок Дарвина на одиннадцать лет. Он несколько часов ходил по магазинам, чтобы выбрать нечто красивое, и Аня очень ценила этот подарок, потому что знала, как Дарвин не любит показываться на людях.

– Это не нержавейка, – удивился беспалый паренёк, стоящий справа от неё. – Это же серебро!

– Так ты из этих, да? – спросил парень с черепом. – У тебя, наверное, огромный дом в посёлке? Куча слуг, собственный помощник, который тебе зад подтирает?

– Нет у меня никаких помощников, – возразила Аня. – Только телохранитель.

– И где же он?

– Нет у неё никакого телохранителя, – ответил за неё беспалый.

– Есть, – ответила Аня. – Вон он, – и указала на мужчину, сидящего на лавке неподалёку от них. Она не знала, кто это, но надеялась, что мальчишки ей поверят и отстанут. Настоящий телохранитель где-то потерялся. Кажется, его не было даже в канализации.

– Никакой это не телохранитель, это Пит из мясной лавки, – засмеялся «череп» и махнул указанному мужчине рукой, тот помахал в ответ. – Так ты ещё и врушка? Тебе говорили, что нехорошо обманывать друзей?

– Вы мне не друзья, – со страхом ответила Аня.

– Слышали, ребята? Она сказала, что мы ей не друзья. По-моему, она хотела сказать, что мы ей не нравимся.

– Да, именно это и хотела, – подтвердил беспалый.

– Есть у тебя ещё украшения? – спросила девочка позади.

– А если мы ей не друзья, то кто? – продолжал череп. – Не знаю, как вам, а мне такое отношение не нравится. Давайте сделаем ей ИВМБ, чтобы знала.

Двое мальчишек потащили её за руки через дорогу. Они не стали идти к ближайшему подземному переходу, а подождали, пока проедут машины, и перешли посреди улицы. Ближайшая девочка достала у Ани из кармана последний «Уан Зед Икс» и присвистнула:

– Вот это улов! Есть у кого-нибудь пластиковая карточка? Надо аккумулятор достать.

Перейдя на другую сторону улицы, группа повела её в сторону одного из жилых домов.

– Сейчас тебя искупают в мусорном баке, принцесса, – сказал беспалый, и впятером с остальными они закинули её внутрь пластикового контейнера, с внешней стороны облитого мочой и блевотиной, а внутри – прогнившей едой и растворителем. Кто-то из них закрыл крышку и сразу же сел сверху.

Что-то поранило её ногу – судя по ощущениям, кусок битого стекла. Вонь внутри стояла даже сильнее, чем в канализации. Половина контейнера была занята чёрными мешками с пищевыми отходами. Из открытой бутылки на неё вылились остатки прокисшего кефира. Несколько раз хулиганы повертели бак вокруг своей оси, отчего у Ани закружилась голова. Вновь захотелось плакать, но не от обиды, а от собственной беспомощности. Аня поняла, как мало она значит в этом мире.

Хотелось сбежать далеко от этого места, чтобы никто из здешних жителей её не достал. Улететь на Луну, поселиться на Марсе и жить среди тех, кто ещё не погряз в наркотиках и безработице.

– Не спеши вылезать, – слышался снаружи приглушённый голос «черепа». – Насладись уникальными ощущениями, которые ты не испытаешь больше нигде.

Гогот и удары ногами по внешней стороне бака прекратились. Аня услышала чей-то далёкий голос, призывающий перестать хулиганить.

– Прости, – ответил ему «череп» и слез с мусорного бака. – Мы так со всеми делаем. И со мной тоже так делали. Это у нас развлечение такое.

Вдруг крышка над головой Ани открылась, и несколько рук помогли ей выбраться наружу. Они поставили её ровно, «череп» стряхнул с неё остатки мусора, снял с головы кусок картофельной очистки.

– Обряд инициации пройден, – произнёс он, разворачиваясь, чтобы уйти. – С этого момента ты одна из нас. А теперь катись отсюда.

Рядом с ними стояли двое взрослых: плотный рыжий мужчина в берцах и с походным рюкзаком за спиной и рыжая женщина с полными пакетами всякой электроники. Сначала Аня подумала, что это брат и сестра, но они были абсолютно не похожи внешне, кроме волос: у мужчины широкое лицо с плоским носом, а у женщины худое и вытянутое, поэтому она решила, что это муж и жена.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила женщина с лёгким акцентом – всеобщий английский для неё был не родной, как для Ани и любых детей, выросших в Гибралтаре. У женщины был действительно озабоченный вид. – Мы здесь каждый день ходим и часто видим, как эти ребята забрасывают кого-нибудь в мусорный бак. А если нет никого, они забрасывают туда сами себя.

– Я им ничего не сделала, – пожаловалась Аня. – Просто шла мимо.

– Да, мы знаем. Ты тут живёшь? Где твои родители?

– Нет у меня дома, – ответила Аня и сама удивилась, насколько близко к правде это оказалось. – Теперь я живу где придётся.

Однажды всё решится, она сможет вернуться домой, это было совершенно точно. Не могла её семья просто так остаться без дома – они были слишком богатыми и слишком известными, чтобы потерять всё из-за нескольких головорезов с оружием. Надо только подождать немного.

– У тебя кровь, – заметила женщина. – Ты поранилась?

– Стеклом, – ответила Аня.

– Надо обработать рану, мало ли какая зараза водится в этих баках.

– Не надо, честно, это только царапина.

– Из-за царапины ты можешь лишиться ноги, – сказала женщина. – Говорю не как доктор, но как специалист в области физиологии. У нас дома есть аптечка, пойдём.

– Берит, подожди, – начал мужчина. – Ты же не хочешь вести её к нам?

– Если мы не обработаем рану, она не найдёт аптечку сама. У неё нет дома.

Мужчина наклонился к ней очень близко и произнёс тихо, но Аня всё равно услышала:

– Она может оказаться воровкой. Украдёт что-нибудь из дома, и не найдёшь.

– Хочешь оставить её? – спросила женщина так же тихо. – Позволить царапине пройти самой? Сам же знаешь, что из этого может случиться.

С недовольным видом мужчина протянул ей руку и произнёс: «Идём». Он был похож на военного, у него была идеально ровная осанка, короткая, ухоженная стрижка и безупречно чистая, выглаженная зелёная одежда. Он был чуть ниже жены, но при этом очень крепок. Андрес называл таких «кубометр».

Краем глаза Аня видела, что хулиганы возвращаются к ступенькам, на которых сидели изначально. Это был подъём к магазину, витрина которого была выбита, а внутри всё сожжено. Ещё целая вывеска названия гласила, что это был «Игнасиос», принадлежавший крупнейшему пищевому конгломерату. Этот магазин ничем не отличался от других продуктовых в этом районе, только владельцем. Им владел Херман Монтес.

Мужчина и женщина повели её вниз по Астрит-стрит и повернули на Хилтон-роуд. Они говорили на незнакомом ей языке, точнее, говорила только женщина, а мужчина с недовольным видом молчал и лишь изредка отвечал односложными фразами. Аня чувствовала неловкость от того, что её присутствие приносит ему неудобство, несколько раз хотела сказать, что справится сама, только её удерживало необъяснимое убеждение женщины, что рану нужно обязательно обработать. Некоторые их слова она могла разобрать. Они упоминали медь, алюминий, стекло. «Они собирают металлолом, – поняла Аня. – Набрали полные пакеты и идут в пункт приёма».

В отличие от мужа, шедшего с упорством танка, не оглядываясь, женщина постоянно оборачивалась и одаривала её тёплыми улыбками. У неё было совершенно обычное телосложение, но на фоне мужа она казалась худой и слишком высокой. Им обоим было около пятидесяти, но из-за неестественно бледной для этих мест кожи и контраста с тусклыми рыжими волосами точный возраст определить было невозможно. Наверняка им было больше сорока и меньше шестидесяти. Там, откуда они приехали, солнце, должно быть, светит совсем слабо.

В очередной раз повернув за угол, Аня увидела два красных небоскрёба, стоящих друг напротив друга, – это были медицинские центры «Тилайф». Две башни, предлагающие новейшие медицинские услуги: от измерения артериального давления до трансплантации позвонков. Такие здания были по всему миру, куда бы Аня ни приезжала, и везде они были красными. Всеми ими владеет Чарльз Тауэр. Корпорация, которую он выстроил после того, как его выгнали из «Транстека».

Весь район вокруг башен называли красным кварталом из-за красных крыш. Именно в ту сторону вели её мужчина и женщина, однако сами здания медицинского центра они обошли и направились к жилым домам сразу за ними.

В этот момент мимо них проехала колонна бронетранспортёров с эмблемами рычащего питбуля в восьмиугольнике. Возможно, «бешеные псы» ездят по городу и ищут её. В таком потрёпанном виде они бы её не узнали даже в упор.

– Как вас зовут? – спросила Аня.

– Меня – Берит, – ответила женщина. – А моего мужа Арне.

– Арне-дварне, – пробурчал мужчина.

– Я Анетта.

– Приятно познакомиться, Анетта, – ответила Берит. – Давно ты потеряла родителей?

От такого вопроса у Ани глаза на лоб полезли. Они подумали, будто она бездомная сирота. Разубедить их она не стала: не придётся отвечать на неудобные вопросы.

– Два месяца назад в авиакатастрофе, – соврала Аня и почувствовала лёгкие уколы адреналина по спине. Она никогда раньше не врала о крупных вещах и теперь чувствовала физический отклик на свои слова.

– Их самолёт рухнул? – удивилась Берит.

– Да, в Средней Азии. Это была ракета боевиков.

– Ничего себе, бедняжка.

В голосе Берит было столько горечи и сочувствия, что Аня почувствовала стыд за своё враньё. У неё засосало под ложечкой, но остановиться она уже не могла:

– Они летели в командировку в Пакистан, делали крюк через Дели и пролетали над самой границей. Там сидели отряды армии освобождения. Они их и сбили.

– Извини, что напомнили об этом.

– Ничего, я уже смирилась, – ответила Аня. – Мой отец был алкоголиком и бил маму, а она била меня. Так что даже хорошо, что они разбились.

Вместо ответа Берит и Арне переглянулись. Во взгляде мужчины читалось: «Бедная девочка». Женщина лишь задумчиво и печально смотрела вдаль.

Здания в этом районе были невысокие – в основном пять этажей. Дом семейной пары был на углу Амади и Вебекс, прямо напротив одной из башен «Тилайфа». Ночью, должно быть, этот небоскрёб светил жильцам в окна и не оставлял в темноте ни на минуту. Они поднялись по отполированным тысячами ног ступеням на второй этаж и вошли в тесную квартиру, больше похожую на склад.

В нос дохнуло затхлостью. Аня не представляла, как здесь можно жить – этот дом был ничуть не лучше их подвала, а квартира – хуже помещения уборщика, где тот хранит швабры и моющие средства. Несмотря на то что полы на лестнице были вымыты, Ане казалось, она видит грязь. Несколько секунд Аня всерьёз раздумывала, чем такая тесная и некрасивая квартира лучше улицы.

Изначально Аня подумала, что Арне и Берит – серийные убийцы и привели её сюда, чтобы разрезать на несколько аккуратных частей. Повсюду висели руки, ноги, в углу стоял манекен, собранный из конечностей разных размеров. У каждой стены стояли стеллажи со множеством полок. Через несколько долгих секунд Аня поняла – это части человеческих тел, но все они электронные. Здесь изготавливали протезы на заказ, и многие из них были настолько красивы, что выглядели лучше любой живой руки.

У окна стоял большой верстак с многочисленными инструментами, в основном ей незнакомыми.

Приходилось подавлять в себе желание сфотографировать эту комнату. Телефон у неё отобрали, и теперь Аня страдала от синдрома его отсутствия. Правая рука то и дело касалась кармана, не нащупывая там нужной выпуклости, и включалась секундная паника под названием «Куда подевался телефон», затем она вспоминала, что его нет, и успокаивалась.

– Принеси аптечку, она на кухне, – попросила Берит, и её муж удалился. – Не стой, присаживайся на диван.

В доме было столько искусственных частей тел, что Аня не сразу заметила сидевшего на диване парня лет тридцати. Он держал в руках геймпад от игровой консоли и неотрывно смотрел в телевизор. На экране красный «Форд Мустанг» мчался по шоссе, обгоняя других гонщиков и иногда выезжая на встречную. У парня не было обеих ног – вместо них были протезы из чёрного пластика и титана.

– Это Лукас, наш сын, не пугайся, – сказала ей женщина. Парень на это никак не отреагировал, для него в доме не существовало ничего, кроме телевизора.

– Он умственно отсталый? – спросила Аня.

– Чего-о? – протянул Лукас и повернулся к ней. Нет, он не был умственно отсталым, привычка держать рот открытым и смотреть исподлобья создавала такое впечатление для тех, кто видел его впервые. – Я не умственно отсталый.

– Прости.

Через секунду Лукас вернулся к гонке, а Аня рассматривала его ноги. Её мучило любопытство, она хотела спросить, как он потерял их, но это было бы слишком нетактично – всё равно что спрашивать человека с шестью пальцами, насколько сильное у него рукопожатие. Наконец любопытство взяло верх, и она спросила:

– Как ты лишился ног? – тихо сказала она, чтобы Берит не услышала.

– Крокодил откусил.

Это была неправда, даже Аня смогла это понять, хотя распознавать ложь не было её талантом. Видимо, Лукаса часто об этом спрашивали, и он отвечал первое, что придёт в голову.

– Но это же неправда, – сказала она.

– Верно. Меня поезд переехал.

– Это тоже неправда.

– Откуда ты такая умная взялась? – спросил он.

– Ты никаких подробностей не говоришь. Если бы ты говорил правду, это не было бы в двух словах.

– Я катался на сноуборде, когда на меня напал медведь. Это было начало весны, он только выбрался из спячки и очень хотел есть. Он сбил меня и жевал мои ноги, пока они не стали как тряпка. Но самое обидное, что он их так и не съел, а просто покусал. Ради чего тогда стоило нападать?

– Это правда?

– Может быть. Если никто не знает верного ответа, то правдой может быть что угодно.

С кухни вернулся Арне, и дальнейшие расспросы прекратились. Спрашивать, как сын лишился ног, в присутствии родителей было бы вдвойне нетактично.

Аптечка оказалась маленькой – всего лишь сумочка, умещающаяся в одной руке. В доме Келвинов няня Финес заведовала целой медицинской комнатой, что неудивительно. В каждый момент времени в доме находилось более пятидесяти человек охраны и obsługi, и им часто приходилось оказывать медицинскую помощь.

Порез Арне обработал раствором перекиси водорода, а края раны смочил йодом.

– Ну вот, – сказал он. – Теперь будешь цела и здорова. Ещё не помешало бы сходить в душ – в том мусорном баке ты подобрала не самый приятный аромат. Но это уже не так обязательно.

В зале стояла тишина: Лукас выключил телевизор и теперь лежал на диване. Он смотрел в телефон и изредка что-то печатал. Арне подвёл Аню к двери и спросил:

– Сама спуститься можешь? Тут второй этаж, так что не заблудишься.

На это Аня кивнула и собралась уходить.

– Может, останешься на ужин? – спросила Берит из-за плеча мужа.

В этот момент Аня вспомнила, что ела в последний раз только утром, несколько часов назад, и с тех пор чувство голода всё нарастало. Она не обращала на него внимания из-за сотни других чувств: горя, переживания, жалости, злобы. Всё это сливалось в один большой эмоциональный фон, за которым терялись слабые стоны желудка. Теперь же она поняла, насколько голодна: голова слегка кружилась и руки тряслись. Никогда в жизни Аня не делала таких больших перерывов между едой, даже когда ездили на экскурсию в храм Эль-Хазне в Иордании. Стоило съесть тот суп, который няня подавала ей утром.

Будучи воспитанной, она сделала вид, что размышляет, лишь затем согласилась. Жители Гибралтара питались в основном сухими порошками. Это были смеси разных цветов, содержащие все необходимые питательные вещества и витамины. Это был самый низ пищевого сектора. Чуть выше стояли генно-модифицированные продукты. Они были дороже и вкуснее, но никто не мог гарантировать их безопасность, потому что существовало бесконечное количество видов. На самом верху находились натуральные продукты. Всю жизнь Аня ела именно последние.

Раньше она не обращала внимания на столовый этикет: её сестра и братья в течение дня могли питаться в разное время, но ужинали всегда вместе. И все соблюдали этикет, которому их научила Финес. Кроме Артура – он всегда вежливо просил разрешения набить полный рот. Эдуард часто встречался с лидерами стран, заключал договоры за обедом и укреплял отношения с будущими партнёрами. Он превосходно разбирался в тонкостях этикета и правилах поведения за столом и этого же ждал от своих детей.

На столе ещё не было еды, но Ане указали на стул. Она села, выпрямилась, поискала вокруг салфетку, которую хотела положить на колени, но не нашла. В это время Лукас сел рядом, телефон положил на стол перед собой, за что Аня, несомненно, получила бы осужда-

ющий взгляд няни. Арне принёс с кухни горячий чайник и несколько пакетиков чая. Берит принесла кувшин воды и несколько пачек порошков с разными вкусами.

Лукас тут же налил в стакан холодной воды и сверху насыпал несколько ложек растворимой жёлтой смеси со вкусом курицы. Получившийся коктейль был вязким, и Аня сомневалась, что сможет такой выпить: на вид он был совершенно неаппетитным. Получившуюся жидкость Лукас выпил за один раз и тут же откинулся на спинку стула. Его обед закончился быстрее, чем родители успели сесть за стол.

Эта семья, очевидно, была небогатой, раз не могла позволить себе генно-модифицированную пищу. Арне отодвинул стул и позволил жене сесть первой. Та пошутила на незнакомом Ане языке, и оба засмеялись. Казалось, они не обращали никакого внимания на совершенно дешёвую пищу перед ними. Если бы Ане довелось питаться такой едой каждый день, у неё началась бы депрессия.

– Приятного аппетита, – произнесла она, когда Арне и Берит сели за стол. Аня налила себе в стакан кипятка и добавила несколько ложек порошка со вкусом клубники.

Весь мир перестал для неё существовать. Это была не самая вкусная еда в её жизни – коктейль был всего лишь приятным на вкус, – но определённо самая долгожданная. Хотелось выпить весь стакан залпом, только чувство этикета останавливало её. Она делала глоток, отсчитывала несколько секунд, а затем делала второй.

Все, кроме неё, положили локти на стол. Арне вообще сидел полубоком, подперев щеку кулаком, он смотрел на жену, будто собирался задать вопрос, но не задавал.

– Чем вы занимаетесь? – спросила Аня. Её давно интересовали протезы и электроника, лежащие по всей квартире, она лишь ждала подходящего момента для вопроса.

– Я специалист по киберпротезированию, – ответила Берит. – Конструирую новые детали, тестирую программный код, который нахожу в интернете. Если получается сделать что-то новое, продаю.

– А тестирует их на мне, – подтвердил Лукас.

– Но не только с внешними протезами. Сейчас мы с командой работаем над чипами, которые вживляются в мозг.

– Так ведь есть уже, – заметила Аня.

– Да, есть чипы, возвращающие зрение и слух, но нет таких, которые позволяли бы звонить другим людям с чипами.

– Вы хотите, чтобы один человек позвонил другому без телефона?

– Телефон всё равно нужен будет, но для этого его не нужно будет доставать из кармана. Просто подумал, кому хочешь позвонить, и звонок идёт.

– Так это же беспроводной наушник, разве нет? – спросила Аня.

– Нет, с наушником тебе надо разговаривать голосом, а с моим чипом сможешь говорить мысленно. Просто подумай о фразе, которую хочешь сказать, чип уловит её, переделает в текст, а синтезатор голоса на телефоне передаст её другому человеку. Если у другого человека тоже будет чип, он услышит фразу твоим голосом, с твоими интонациями.

– Так это же телепатия.

– Технологическая телепатия, – поправила Берит. – Не с помощью магии, а с помощью электроники.

– Скоро будет готово?

– Через лет триста, – ответила Берит и засмеялась. – А может, и через тысячу триста. Слишком медленно идёт разработка. Сама я это не закончу, зато будущие инженеры смогут взять мои наработки и, возможно, упомянут как соавтора.

Во время всего разговора Арне сидел лицом к жене и спиной к Ане. Он не говорил ничего, только ел и смотрел в окно на близлежащее здание медицинского центра.

– А вы чем занимаетесь? – спросила Аня, чтобы растопить его молчаливую вражду.

– Ничем, – ответил Арне очень тихо, словно самому себе.

– Совсем ничем?

– Совсем ничем.

– Он преувеличивает, – ответила вместо него Берит. – В данный момент он безработный, но он ищет и каждый день ходит на общественные работы. Там дают талоны в столовую.

– У вас есть образование? – спросила Аня.

– Для того, чем я занимался всю жизнь, не нужно было образование, – ответил Арне, и в его словах чувствовалась давно угасшая злость. – В армии мне платили хорошо, а теперь армию сократили, и я обычный безработный.

– На войне в Индии мой Арне был капитаном, командиром стрелкового полка, – ответила Берит. – А в подчинении у него были Лукас, и...

– Да, он мне спуска не давал, – подтвердил Лукас.

– ...потом война закончилась, и армию сократили. Лукас теперь всю жизнь будет получать неплохую пенсию за своё ранение, а мужу не повезло – его не задела ни одна пуля, ни один осколок гранаты не угодил в тело, и даже москит не заразил его малярией. Ему дали лишь фиксированную компенсацию – тридцать тысяч долларов, которые уже закончились.

Много раз Аня слышала, что война в Индии нанесла огромный вред мировой экономике. Каждый из тхари потерял часть своего состояния, лишь один человек заработал на той войне – Эдуард Келвин. Он поддерживал генерала Сераджа, а тот, хоть и проиграл её, принёс «Транстеку» выгоду.

С тех пор экономика перестала справляться с расходами на содержание армии, и её бюджет сократили. Сотни тысяч людей остались без работы. Вместо них в армиях всё больше стало появляться дронов, и это многим не нравилось.

Совершенно не к месту у Ани возникла мысль, что компенсация военному примерно равна стоимости супа, который вчера съел Артур. Раньше ей не приходило в голову, что вещи, которые она покупала в магазинах, настолько дорогие. Одна лишь заколка, которую у неё сегодня отобрали хулиганы, могла обеспечить едой эту семью на целый год.

– Теперь понимаешь, почему я не хотел приводить тебя сюда? – спросил Арне, впервые посмотрев на Ане в глаза. – Каждый лишний желудок сильно влияет на наш бюджет. Даже такой маленький, как у тебя.

– Не преувеличивай, – возразила Берит. – Накормить мы всегда можем кого угодно.

– Ну да, – произнёс Арне очень тихо. – Поэтому я работаю за талоны в столовую.

– Где ты обычно ночуешь? – спросила Берит у Ани.

«На кровати из ясеня, каштана и вишни, инкрустированной золотом и изумрудами, имеющей в основании шесть тысяч пружин», – хотела бы ответить Аня, но это была очень неудачная шутка.

– Где придётся, – ответила она, придерживаясь своей легенды. – Где тепло и тихо.

– Тогда тебе повезло, – сказала Берит. – У нас есть ещё одна кровать, и в ней как раз тепло и тихо. Оставим её?

– Конечно, оставим, – подтвердил Арне с неохотой. Это был не тот вопрос, на который можно было ответить по-другому.

Опять Аня почувствовала укол вежливости. Она понимала, что стесняет этих людей, но идти ночевать на улицу совсем не хотела.

Квартира состояла из двух комнат. В зале стоял раскладной диван, на котором спали родители Лукаса, а сам он ночевал в спальне на одной из двух широких кроватей. У Ани даже не возникло вопроса, почему кроватей две.

– У нас здесь такие правила, – обратился к ней Лукас. – Я сплю у дальней стены. Такие малявки, как ты, меня не интересуют, так что я переодеваюсь прямо здесь в любое удобное время, а ты, если стесняешься, иди переодеваться в ванную. Я уходить из комнаты не буду.

Второе – никакого храпа, я сплю очень чутко, так что, если будешь мешать спать, накрою твою голову подушкой и придушу. Всё понятно?

– Да, а если будешь храпеть ты, то придушу тебя я.

– По рукам!

Лукас быстро забрался под одеяло и отвернулся к стенке. Аня отправилась в ванную, там, у зеркала, стоял Арне и срезал бритвой дневную щетину.

– Я вас не обременяю? – спросила она, хотя сама понимала, что этот вопрос глупый.

– Полотенце – вот, мыло – вот, – ответил он, когда закончил, и удалился.

Настолько страшную ванную она видела впервые. Плитка было старой, пожелтевшей, маленькая лампа под потолком давала совсем немного жёлтого света. В узких помещениях у неё появлялась клаустрофобия. Хотя она и понимала, что квартира для среднего класса самая обычная, но не могла заставить себя к чему-нибудь прикоснуться. Ане казалось, что, дотронувшись до занавески или ручки крана, она подхватит неведомую болезнь, заразится и сама станет как эти люди, живущие в таких ужасных условиях и даже не замечающие этого. У неё дома двенадцать ванных комнат, три из которых для obsługi, и площадь каждой – не менее двадцати метров, с широкими окнами и целым набором гигиенических и ароматических средств.

Душ, однако, оказался приятным, несмотря на окружающую обстановку. А вот мыло неожиданно едким. Оно сушило кожу, но очищало до самых костей. Казалось, оно должно смывать даже человеческие грехи. Она нежилась под горячей водой ровно столько, чтобы почувствовать себя чистой и одновременно не дать Арне и Берит повода думать, что она потратила слишком много воды.

Аня надела старую одежду, оставленную для неё на стиральной машине, и вернулась в комнату, где Лукас уже посапывал. Она подошла к окну и долго смотрела вниз, в очередной раз задумавшись о том, как такое могло случиться.

На улице уже стемнело, и количество машин сократилось в несколько раз. Остатки людей либо бесцельно бродили, либо выпивали на лавках и автобусных остановках. На её глазах один пьяница с собакой на поводке упал на газон и прямо на нём заснул, а собака присела рядом, видимо, привыкшая к такой сцене.

– Почему ты не отстёгиваешь протезы перед сном? – спросила Аня, забыв, что Лукас спит.

– Они не съёмные, – ответил Лукас, слишком громко для такой тишины. – У меня был выбор: либо съёмные и неуклюжие, либо ловкие и пристёгнутые навечно. Я выбрал вторые.

– Как ты себя в них чувствуешь?

– словно мои конечности накачали обезболивающим. Я их вижу, управляю, но ничего не чувствую. В первое время было очень странно. Меня даже стошнило, когда впервые попробовал двигать ими, мозг отказывался воспринимать их как новые части тела. Уже лучше. А теперь спи и не вздумай храпеть. Спокойной ночи.

– Спокойной, – ответила Аня и забралась на кровать.

Перед сном она вспоминала о братьях. Больше всего о Дарвине, он был самым большим любителем комфорта среди них. Где он прямо сейчас? За Андреса и Артура можно было не волноваться, они сильные – со всем справятся. Лилия тоже не промах. Но Дарвин... Как бы она хотела сейчас обнять этого толстяка.

«Скоро всё закончится, – повторяла Аня себе. – Поживу здесь, пока всё не успокоится, а потом вернусь домой и куплю этим людям целый дворец». Эта мысль успокоила её, и она уснула.

Через несколько часов к группе школьников, что бросили Аню в мусорный бак, подойдут два солдата из отряда «бешеных псов», покажут фотографию Ани и спросят, не видели ли они эту девочку. Загорелый парень с татуировкой черепа ответит, что впервые её видит. А затем плюнет им вслед и скажет друзьям: «Ненавижу военных!»

Тюрьма. Вид с горы

Солдаты схватили Андреса и Хи через несколько минут после побега. Их выволокли из канализации, положили на асфальт, надели наручники и придавили так, что Андрес на миг потерял зрение и ориентацию. Он ходил на бокс и на борьбу, поэтому умел принимать удары, но это было выше его порога приемлемой боли.

Рядом с ним стояло шесть чёрных фургонов и два бронетранспортёра. Военные разошлись в разные стороны и обыскивали окрестности, заглядывали в кусты и за заборы. Человек двадцать спустились в канализацию, чтобы начать преследование остальных убегающих. Андрес сомневался, что они кого-то найдут – слишком широкая сеть тоннелей была развёрнута под посёлком.

Никогда до этого Андрес не встречался со смертью напрямую. Его отец погиб, но это случилось далеко, и он не видел подробностей, не почувствовал того, что произошло сегодня. Когда шальная пуля отскочила от железной трубы, угодив Артуру в голову, и тот мгновенно упал, Андрес даже не поверил, что всё может случиться так быстро. Секунду назад перед ним стоял человек, личность, брат, а мгновение спустя – лишь безжизненная груда плоти в узнаваемой человеческой форме.

Это был худший день в жизни Андреса. Артура усыновили всего три месяца назад, но Андрес успел к нему привязаться. В памяти всплывали моменты, где они катаются по закрытому треку на спортивной «Ламборгини Гувер», разгоняясь до двухсот километров в час на ровных участках. Артур сидел за рулём и по-детски восторгался салоном автомобиля, его скоростью, отзывчивостью. Он водил рукой по кожаным сиденьям и никак не мог поверить, что ему это дозволено. До этого он пару раз ездил на разбитом «Форде» пятьдесят шестого года, который принадлежал отцу, и ощущения от вождения этих автомобилей очень сильно отличались. Когда же Андрес предложил купить эту «Ламборгини» в подарок для Артура, тот даже не поверил, что такое возможно.

Врождённая скромность не позволяла ему принимать дорогие подарки, даже когда ему объясняли, что для Келвинов эти подарки вовсе не дорогие. Артур всё равно отказывался от всего. Чем-то он напоминал щенка, взятого из приюта, голодного и недоверчивого, которому дают еду, а он ожидает подвоха.

Теперь этот парень, которого Андрес медленно раскрепощал, вытаскивал из защитного кокона, лежит без жизни на холодной койке. Безвольное тело Артура подняли наверх и тут же загрузили в подоспевшую карету «Скорой помощи». Андрес не видел, как Артура подключили к пульсметру, показавшему стабильный сердечный ритм, а врач поднёс зеркало ко рту. «Жить будет», – ответил врач одному из военных, и тот повторил фразу по рации своему командиру. Андрес даже не догадывался, что Артур остался жив, поэтому продолжал лежать на земле, избитый, уставший, погружённый в мрачные мысли.

– Где остальные сбежавшие? – спросил мужчина без маски, с уродливым розовым шрамом через всю голову.

В ответ на это Андрес лишь хмыкнул. Не мог же этот военный, этот урод, этот «пёс» всерьёз думать, что он выдаст свою семью. Даже если бы Андрес точно знал, где его семья сейчас находится, то предпочёл бы ещё одно избиение дубинками.

– Где тот, кто застрелил предыдущего командира? – продолжил военный.

– Убежал по канализации, – ответил Хи. – Артур упал, и его телохранитель решил, что настало время спасаться самому.

– И правильно сделал, – ответил Андрес. – Он ещё успеет застрелить нескольких из вас.

– Ты слишком смелый для того, кто лежит связанным перед целым отрядом военных, – сказал мужчина и приказал другим посадить пленников в бронетранспортёр.

– Мне кажется, это вы слишком смелые. Вы хоть понимаете, к кому в дом вы пришли? Думаете, этой короткой победы достаточно? Прямо сейчас моя мама и сестра Лилия собирают союзников, уже через несколько дней все, кто участвовал в разбое, будут гнить за решёткой. Ты, твои солдаты и даже твои наниматели. А я буду попивать сок на Гавайях.

Из рации на груди военного доносился голос Чарльза Тауэра, без конца спрашивающий: «Вы их поймали?» Затем ждал немного и продолжал: «Если поймаете – сообщите». В голосе Тауэра слышалась боль, кажется, его неплохо задело пулей во время перестрелки. Командир даже не думал отвечать: ему надоело давать ежеминутные отчёты.

– Может быть, так и будет, – подтвердил он. – Но не сейчас.

После этого он щёлкнул пальцами, и несколько рук повели Адреса и Хи к бронетранспортеру. Колонна из восьми машин уже стояла, готовая к перевозке. Адреса и Хи посадили друг напротив друга в середине салона. По форме сиденья здесь напоминали детские, только большого размера. Их пристегнули ремнями безопасности, ещё шесть человек в форме сели рядом, машина тронулась.

Внутри было темно: лишь открытый люк на крыше освещал салон. Лица военных в чёрных масках казались безглазыми из-за падающих теней. Пахло потом и резиной. Настроение у Адреса опустилось до самого минимального уровня, его тошнило, укачивало, и ужасно болела голова. Он чувствовал на себе ответственность за братьев и сестёр. Именно он должен был поставить Тауэров на место, но попался самым первым. Ещё в канализации у него в голове крутились мысли о том, как вернуть дом, наказать всех, кто причастен к этим событиям, и не допустить такого в дальнейшем.

Выход был только один – нанять собственную армию, вдвое больше и втрое профессиональнее, тогда армия Чарльза разбежится. По-другому сделать не получится: полиция не расследует такие дела, это не их уровень. Даже на Международный суд и ООН можно не рассчитывать, их полномочия распространяются на слои общества от низов до президента. Они не помогут, потому что уровень тхари выше президентского.

У них своя собственная социальная страта, на которой нет никаких законов, лишь чистая анархия. Чарльз Тауэр это подтвердил, когда нанял армию и пришёл к ним в дом. Даже если весь мир будет знать, что совершил Тауэр, ему ничего не сделают. Ни один президент, король или канцлер не отдаст приказ заморозить его счета, потому что в этот момент потеряет поддержку других тхари, а следом и власть.

Чарльзу Тауэру необходимо было заставить Келвинов подписать бумаги. Семью Келвин поддерживает огромное количество людей. Среди простого народа ходила поговорка «Эдди поможет», что являлось выводом из слогана «Транстека»: «Взаимопомощь, доверие, уверенность». Она появилась после создания Эдуардом программы помощи своим работникам. Однажды он услышал выступление маленького гаражного бэнда, состоящего из грузчиков его филиала в Бразилии. Ему так понравилась их музыка, что он организовал им широкую рекламу и мировое турне. Группа быстро стала популярной, и один из их хитов назывался «Эдди поможет!». Это была заразительная композиция, которая долго не могла выйти из головы. С тех пор тысячи работников, кому помогла программа Эдуарда, создавали посты в социальных сетях с этой поговоркой, и она плотно вошла в обиход. Её использовали даже те, кто не работал в «Транстеке». Когда возникала ситуация, которую невозможно было решить, часто говорили: «Эдди поможет».

Корпорация «Транстек» – самый крупный работодатель в мире. Один из последних, поэтому Чарльз Тауэр не мог в открытую напасть на них. Если бы он пришёл к ним в дом, отобрал всё имущество и все права, развалил компанию, тогда миллионы человек остались бы без работы. Поднялся бы бунт, какого ещё свет не видывал. Настроения в массах и так бурлили через край, а уровень голодающих повысился до критического предела.

– Подпишите бумаги, так будет лучше для всех, – произнёс военный и закрыл за ними дверь.

На корпусе послышался двойной удар ладонью, и машина тронулась. Андрес пытался понять, куда их везут. Воображение рисовало сырой подвал, в котором его прикуют к железному столу и будут бить плетью. От такой картины его затошнило, он даже почувствовал затхлый воздух такого помещения. Через люк в потолке он видел, как они движутся через город. Сначала там мелькали небоскрёбы – центр, затем пошли красные верхушки пятиэтажных домов – окраина. Чем дальше они двигались, тем меньше в небе становилось дронов. Вскоре их вывезли за черту города, и дроны полностью исчезли.

– Неужели нас оставят в пустыне? – спросил Андрес у своего телохранителя.

– Они хотят сломать твой дух, чтобы ты сдался и выполнил любой их приказ. Им нужно место, которое будет давить на тебя и физически, и психологически. Пустыня под это не подходит – она прикончит нас слишком быстро.

– Тогда куда?

– Я гадаю точно так же, как и ты, – ответил Хи.

Куда бы их ни везли, это место находилось далеко от Гибралтара. Бронетранспортёр двигался с максимальной для своей массы скоростью, и счёт шёл уже на часы.

– Куда нас везут? – спрашивал Андрес у военных, но те, видимо, и сами не понимали. Никто, кроме водителя, не знал даже направления маршрута.

Судя по извилистой дороге, они пересекали Атласские горы, окружающие Марокко со всех сторон. Наконец машина остановилась, был уже вечер, и жара уступила место холоду. Их высадили на самой высокой точке Атласских гор в этой части страны. Солдаты открыли заднюю дверь, и перед Андресом раскинулся захватывающий вид: с одной стороны виднелись зелёные поля Марокко, а с другой – бескрайние пески Сахары, тянущиеся на три тысячи километров на восток. Ещё чуть-чуть, и они достигли бы уровня облаков, а страна осталась бы где-то далеко внизу.

Глядя с этого ракурса, Андрес удивлялся тому, как много здесь оказалось заселённых мест. Гибралтар он всегда покидал на самолёте и чаще летал на север, чем на восток или запад, поэтому не видел пейзажа Марокко сверху. Это не была безлюдная страна, как ему казалось изначально: здесь были сотни километров фермерских угодий и десятки небольших поселений. Прямо у подножия горы расположился городок с населением около двухсот тысяч человек. По дорогам с обеих сторон горного хребта мчались тысячи машин, легковых и огромных, грузовых. С удивлением Андрес подумал, что все эти машины принадлежат ему. От этой мысли ему сделалось смешно. У него слёзы потекли из глаз. Ему принадлежат почти все машины, находящиеся в корпоративной собственности. Дальнобойные грузовики, как муравьи ползающие внизу, все до единого принадлежат ему, а он смотрит на это с наручниками на запястьях.

Чуть выше на горе стояло три здания: одно совсем маленькое, в два этажа; второе побольше, в три; а третье огромное – пять этажей и четыре корпуса, отходящих во все стороны. С высоты большое здание должно было походить на клевер. Вокруг этого участка тянулась высокая каменная стена, а затем ещё один ряд металлического забора под напряжением, с колючей проволокой наверху.

– Я знаю это место, – прокомментировал Хи.

– Знаешь? – переспросил Андрес.

– Это «Филь Абуд», тюрьма, сюда получают билет в один конец, на пожизненное заключение.

– Откуда ты это знаешь?

– Здесь отбывал срок мой сослуживец. Мерзкий тип.

– Как долго нас будут здесь держать?

– Ты и сам догадываешься, – усмехнулся Хи.

Солдаты толкнули их к металлическим воротам, где их уже ждали открытая дверь и четыре охранника. Вместо брюк на них были шорты, а рубашки с короткими рукавами украшали золотые нашивки с эмблемой тюрьмы. Трое из охранников были в синей униформе и один в зелёной. Последний был самым высоким и самым крупным, на его лице застыло выражение безграничного удовольствия. Этот надзиратель радовался новым заключённым, словно они теперь переходили в его собственность. С таким лицом Дарвин встречал на пороге доставку тортов из выпечки «Джо и Кет».

С каждой стороны от ворот стояли два волкоподобных стража, они повернули металлические головы и смотрели на Андреса, не отрываясь. Под этими неживыми взглядами ему стало беспокойно, особенно когда он представил, что тяжёлый пулемёт такого стража сделал с его отцом. После хакерской атаки группы «Гелеарте» доверие к таким роботам упало, и множество арендаторов отказались от их услуг, однако не здесь. В этой тюрьме территорию охраняли не только волки с пулемётами, но и автоматические турели на стенах, и даже металлические гончие: худые четвероногие роботы, созданные для быстрого перемещения на любой местности, с челюстями, способными перекусить металлическую трубу, и огнестрельным оружием в спине. Несколько таких штук патрулировали внешний периметр.

По сравнению со стильными, красивыми, хоть и пугающими, роботами тюрьма выглядела лишь едва лучше деревенского сарая: кирпичи истёрлись, штукатурка на них осталась лишь в некоторых местах. Деревянные ограждения на них сгнили, металлическая ограда заржавела. Наверняка её построили ещё в позапрошлом веке. Если бы заключённые разогнались и одновременно ударили плечами в стену, она рухнула бы, как старый покосившийся забор.

Ноги отказывались идти в нужную сторону. Если бы Андреса не подталкивали в спину, он не смог бы сделать и шага. Сердце стучало, а в желудке возникло что-то тяжёлое, Андресу стало трудно дышать. Разум подсказывал ему войти в это заведение, подняв голову, а ноги говорили, что способны унести его отсюда за тысячу километров и никто их не догонит. Ему очень не хотелось здесь находиться. Невероятным усилием Андрес заставил себя двигаться гордо, как и подобает старшему сыну Эдуарда Келвина.

– Так-так, – поприветствовал гигант в зелёной форме. – Свежие цветы для нашего сада.

Ммуо – так звали надзирателя, что радовался их появлению. Его рост составлял больше двух метров, он возвышался над ними, как скала, и чувствовал своё физическое превосходство. Это доставляло ему огромное удовольствие. У него было невероятно широкое лицо, с крупными чертами, болезненно-жёлтые глаза, узкий лоб и брови, сходящиеся у переносицы в вечно злобной гримасе. Его отличительной чертой было полное отсутствие губ, из-за чего на его лице застыл жуткий оскал. При взгляде на такого человека становилось ясно: он рос с убеждением, что миром правит устрашение и физическая сила.

Чтобы показать разницу в росте, Ммуо наклонился к Андресу, рост которого составлял сто девяносто один, сделал глубокий вдох широкими ноздрями и ухмыльнулся:

– Свежий аромат. Посадим тебя в четвёртый павильон к бальзаминам. Будешь расти и благоухать.

От такого наглого вторжения в личное пространство Андрес разозлился окончательно. Его избивали в его доме, избивали на улице. Его чаша терпения наполнилась с каждым ударом и вылилась в неконтролируемое бешенство. Ярость ударила в голову, и Хи не успел его остановить. Лоб Андреса угодил прямо в челюсть Ммуо, тот от неожиданности покачнулся и сел на землю. У него из дёсен сочилась кровь, а два передних зуба были неестественно вогнуты внутрь. Кроме того, его нос оказался сломан, и надзиратель хватал воздух ртом.

В следующее мгновение шестеро конвоиров и трое оставшихся надзирателей схватили Андреса и потащили в сторону тюрьмы. Его никто не ударил, и это показалось дурным знаком.

Андреса пронесли через двое ворот, и он очутился во внутреннем дворе. Двор был очень большой и делился на две части, их хватило бы на несколько футбольных полей. Здесь было

сотни две заключённых, и все одеты в обноски, произведённые десятки лет назад. Ни у кого не было красивой униформы. Здесь каждый был одет в собственную одежду.

Охрана же делилась на две части: меньшая была в синей униформе, они носили на поясе пистолеты, дубинки, рацию и газовые баллончики; большая часть – в зелёной униформе, они при себе имели только дубинку и свисток.

Некоторые из заключённых были голые по пояс и носили сложенные майки в руках. Находящиеся в центре двора сидели в тени и играли в карты, лежали на голой земле, подтягивались на турниках. Остальные бесцельно бродили по территории. При появлении Андреса и Хи в сопровождении охраны все бросили свои дела и отправились посмотреть на прибывших. Узкий коридор между центральными воротами и зданием администрации с обеих сторон огораживала металлическая сетка, вдоль которой выстроились толпы заключённых в виде почётного караула. Они матерились, показывали на Андреса пальцами, смеялись, угрожали, делали неприличные жесты, смысл которых он не мог понять.

– Тебе крышка, парень, – слышались английские слова в арабском гомоне. – Тебе конец.

– Отпустите его! – кричал Хи позади надзирателей, он не прикасался к людям в униформе, пытался договориться словами, а не кулаками. – Он не знает, как себя вести – кровь горячая, что с него взять.

Здание администрации представляло собой очень старую постройку. Краска внутри облезла, половина ламп не горела, железные двери покрывал сплошной слой ржавчины. Андреса положили грудью на холодный пол, один из надзирателей наступил ему на спину. Другой принёс бухту десятимиллиметровой верёвки, которой надзиратели связали Андреса по рукам и ногам.

Хи в этот момент рядом не было – он остался позади, – никто не мог его сейчас защитить.

– Вертолёт, – произнёс Ммуо.

– Будешь командовать – получишь по зубам ещё раз, – ответил ему низкий надзиратель в синем, с животом, свисающим над ремнём.

Несколько рук подняли Андреса ногами кверху и повесили на крюк под потолком. Кровь прилила к голове, каждый синяк на его теле отзывался болью. Андреса начали крутить вокруг своей оси, пока у него не закружилась голова и он не потерял пространственную ориентацию. Ему казалось, что он находится в невесомости, улетел далеко от Земли и сейчас находится в далёком межзвёздном вакууме. А затем его начали избивать.

Дубинки надзирателей хлестали по нему со всех сторон, силы они не жалели. Удары попадали по всем частям тела, кроме головы. Один из ударов попал ему в пах, и эта боль затмила всё, что происходило с ним прежде. Казалось, что его разрывают на части. Его стошнило, и рвота разлетелась вокруг, запачкав ботинки всем, кто стоял рядом с ним. Это заставило их бить ещё сильнее. Когда они закончили и опустили его на пол, Андрес ничего не видел: кровь залила ему глаза, а тело превратилось в один багровый синяк.

Несколько минут он лежал на полу. Ему хотелось протереть лицо, но руки были связаны. По полу в коридоре застучали каблук тяжёлых ботинок. Именно этого человека ждали сейчас надзиратели – начальника тюрьмы. Невидимый человек остановился у порога и посмотрел издали на лежащее на полу тело.

– Если он умер, то вашими головами я украшу свой задний двор, – произнёс голос тихо, почти неслышно.

– Он меня ударил, – ответил ему Ммуо. – Сломал мне нос, выбил два зуба.

– Будь у меня плохое настроение, я бы прямо сейчас приказал врачу вырвать тебе все оставшиеся. Пошли вон!

Все надзиратели вышли, и Андрес остался в комнате наедине с начальником тюрьмы. Тот вышагивал вокруг него и что-то читал на планшете, наверняка досье, составленное коали-

цией. Полная инструкция по пыткам, которые должны применяться к нему, чтобы заставить подписать развал «Транстека». Молчание затянулось надолго. Здесь, на вершине Атласских гор, время текло иначе. Люди здесь не спешили.

– Сколько они вам заплатили? – спросил Андрес, не выдержав тягучей тишины. – Я могу удвоить плату. Могу заплатить в десять раз больше.

В ответ на это предложение начальник тюрьмы наклонился к нему, достал из кармана белый платок и протёр глаза Андресу, чтобы тот смог его увидеть. Это был старый марокканец, с круглой головой и густой бородой. Его уставшие глаза смотрели на Андреса без любопытства. Так мастер смотрит на деревянную заготовку, миллионную в его жизни. То, что Андрес обладал богатствами, нисколько его не интересовало.

– Посмотри на это лицо, – сказал он. – Что ты видишь?

– Старика, – предположил Андрес.

– Нет, что ты видишь?

– Мужчину, темнокожего.

– Я не чёрный, у марокканцев бронзовый цвет кожи. Ты видишь перед собой человека, которому ничего не нужно. Меня зовут Зафар Алики, я директор этого заведения, – сказал он. – Мне наплевать на всех, кто находится на моей территории, на тебя, на стражу, на заключённых. Плевать, держат ли здесь невиновных. Плевать на ужасное, разваливающееся состояние стен. Плевать на того идиота, который привёз тебя сюда. Через полгода я уйду на пенсию и поеду плести корзины на ферме моей дочери. Весь отрезок времени между этим моментом и сегодняшним днём можешь считать, что здесь находится лишь моё тело, не мой разум. Ты не сможешь договориться с тем, кого нет.

– Неужели вам вообще ничего не нужно?

– Есть кое-что. Если бы ты оказался знахарем и вылечил мою простату, чтобы я мог нормально помочиться, я бы тут же выпустил тебя. Но у тебя нет с собой ни волшебных трав, ни бубна для ритуальных танцев, поэтому замолкни. У тебя ничего нет.

С неподдельным равнодушием директор выпрямился и продолжил ходить вокруг Андреса с бумагами в руках. Несколько раз он останавливался, поднимал взгляд к потолку и мечтательно смотрел вверх. В каждом его движении виднелась вселенская неторопливость. Если и был на свете более медлительный человек, то он находился здесь же, в этой отделённой от времени тюрьме.

Из здания администрации Андреса вывезли на строительной тележке, потому что его ноги подкашивались, когда он выпрямлялся. Избитого и окровавленного, его отвезли на внутренний двор и выгрузили на землю, как кучу песка. Вокруг него образовалось полукольцо заключённых. Они смотрели на него со злобой, любопытством и удивлением. Почти все они были чёрные или бронзовые, как назвал себя директор.

Рядом с ним стоял Хи, успевший переодеться в обноски, майки на нём не было, и на всеобщее обозрение представала сетка его худых мышц, которых было в несколько раз меньше, чем у Андреса.

– Это Андрес Келвин, – послышался голос из толпы – говорил один из темнокожих заключённых, ростом лишь едва уступающий Ммуо. – Сын свиньи Эдварда Келвина, поддерживавшего революционеров в Индии. Из-за него погиб мой брат, служивший в регулярных войсках миротворцев.

– А я Хи Дун, – ответил Хи. – Личный телохранитель генерала Сераджа Гаджара, предотвративший июньское покушение в восемьдесят девятом. Если бы не я, война закончилась бы на четыре месяца раньше и твой брат наверняка остался бы жив.

– Слышали, что он сказал? – завопил темнокожий бугай. Он накапливал в себе ярость, как огромный конденсатор. – Этот мелкий ханзир виновен в смертях наших близких!

– Вы выбрали не ту сторону, чтобы сражаться, – спокойно ответил ему Хи. Он стоял перед Андресом, отгораживая его от разъярённой толпы и отвлекая всё внимание на себя. Несмотря на бурлившую перед ним массу негодования, Хи оставался спокоен.

В приступе ярости великан потянул руку за спину и вытянул оружие – тонкую отвёртку, заточенную на месте крестовины. Он сжимал её в кулаке так сильно, что побелели костяшки пальцев.

– Ты неправильно держишь оружие, приятель, – сказал ему Хи. – В такой позе ты даже не пробьёшь грудную клетку, а удар в живот заблокируется одной рукой.

– Сейчас ты увидишь мой удар! – крикнул тот, размахнулся и направил острие в живот Хи.

Что дальше произошло, Андрес не смог даже понять. Рука бугая будто сама собой ушла в сторону, Хи даже не делал ничего, он лишь выставил руку наперерез движению. Парень понял, что промахнулся и теперь стоит в уязвимой позе, его огромные лошадиные глаза уставились на своего соперника. Медленно, чтобы все увидели его движение, Хи поднял свободную левую ладонь и с криком «Уф!» опустил её на шею неудачливого убийцы. Тот подкосился и упал на землю, его глаза вращались во все стороны.

– Живой? – удивился Хи, посмотрев на лежащего соперника. – Как неожиданно. Это потому, что у тебя шея как у быка: мышц больше, чем мозгов. Но ты не радуйся, я отчётливо слышал хруст, значит, ты останешься парализованным до конца своих дней.

Парень был в сознании и слышал всё сказанное. Андрес даже представить не мог, каково это лежать на земле и слышать, что с сегодняшнего дня руки и ноги тебе не принадлежат. Однако это была заслуженная плата за попытку убийства.

Тут же Хи вырвал из руки великана отвёртку и посмотрел на толпу перед ним. Он чувствовал себя уверенно, несмотря на то что людей вокруг него были десятки, а он один. Андрес не читал на их лицах вражду, это были обыкновенные любопытные зеваки, лишь маленькая горстка желала над ними расправы.

– Я не хотел его бить, это была самооборона. Я знаю, что вы ненавидите и меня, и моего друга. Ваше право. Но не вздумайте тронуть нас.

Собравшись с силами, Андрес встал на ноги. Его покачивало. Казалось, он стоит на огромной карусели и земля пытается сбросить его с себя.

– Смотрите, живой, – раздалось из толпы. Это говорил худощавый марокканец в шортах. – Паренёк ударил надзирателя и остался жив. Это достижение.

– Меня отделали как лангет, – ответил Андрес.

– Разве это избиение? У нас москиты кусают сильнее.

– Покажите мне мою камеру. Я хочу поспать.

– Твою камеру? – усмехнулся марокканец. – Ребята, он хочет, чтобы мы показали ему его камеру.

Эту же фразу он повторил на арабском, и по толпе поползли неловкие смешки.

– Сколько тебе лет? – спросил тот. – Выглядишь крепко.

– Двадцать четыре, – ответил Андрес.

– Такой молодой и такой огромный. Сколько ты вешишь? Килограммов сто? Не переживай, через год скинешь до шестидесяти.

Под руку Хи отвёл Андреса в лазарет, где к его ранам отнесли так же, как и в тюремном дворе. Старый и почти слепой врач, явно из заключённых, перевязывал его с таким видом, будто тратит бинты на порез бумагой.

Во дворе к ним не приближались, хотя Андрес видел много недружелюбных взглядов, направленных на него. Он был не обычным заключённым – директор запретил его сильно избивать, лишь слегка, и многим это не нравилось. Однажды они решат на него напасть, Андрес знал это точно, но не сегодня. В этот день он мог быть спокоен. Только одно его тревожило –

Ммуо. Огромный надзиратель пересёкся с ним на выходе из лазарета и окинул Андреса таким взглядом, словно обещал: «Ты запомнишь меня на всю свою жизнь. На всю свою короткую жизнь».

– Зря ты его ударил, – сказал ему Хи, когда они подходили к лавке, расположенной на холме. – Здесь, в этой тюрьме, работают двенадцать человек – директор и одиннадцать охранников в синем. Те, что ходят в зелёном, – это не охрана, а такие же заключённые, как и мы, только им дали дубинки и полномочия следить за остальными. Они чувствуют свою власть и ведут себя ещё хуже, чем настоящие охранники. Остальные заключённые их ненавидят и называют Кхайнон – предатели. Их надо злить в последнюю очередь.

– Я не буду вести себя подобострастно, – ответил Андрес. – Пусть лучше меня десять раз избыют, чем я покажу свою слабость.

– Пожалуйста, не делай ничего необдуманного, – попросил Хи. – Я не могу защитить тебя здесь. Если на тебя будут нападать заключённые, это не проблема, но надзиратели – самые презренные и мстительные люди. Лучше проглотить гордость и склонить голову, чем получить по шее дубинкой.

Весь оставшийся день они сидели на этой лавке и смотрели на горизонт. Местные называли это место трибуной. Она располагалась выше уровня стены, и с неё можно было обозревать окрестности. Видимо, это было сделано специально, чтобы заключённые видели, какие красивые места располагаются вокруг. Красивые и недоступные.

В который раз Андрес думал о том, когда же его испытания закончатся. У его семьи есть множество влиятельных союзников, и они обязательно вытащат его из тюрьмы, если узнают, где он находится. Мама, его братья и сёстры наверняка уже собирают вокруг себя силы, чтобы дать отпор Тауэру. Если посчастливится и ему удастся подкупить охрану, сбежать из этой тюрьмы, он наймёт самую дорогую антитеррористическую частную армию – ПиВотч Элтиди. Две тысячи элитных военных в самом современном обмундировании. Они участвовали в каждой крупной и мелкой войнах за последние двадцать лет. При взгляде на них наёмники Тауэра исчезнут быстрее, чем стервятники перед львами. Быстрее, чем огонь перед дождём. Быстрее, чем сливочное пирожное на столе перед Дарвином.

Надо только сбежать. Андрес надеялся, что это произойдёт в ближайшее время, а не через двадцать лет. Такой срок он не выдержит.

Больница. Сладкоежка

Артур очнулся в больнице, голова раскалывалась, но это было не самой большой его проблемой. Он не помнил ни кто он, ни какого возраста. Он даже перестал понимать речь, забыл и русский, и английский языки, которыми до этого владел. Его мозг восстановился ровно настолько, чтобы слова окружающих людей звучали знакомо, но все равно бессмысленно. Ему было семнадцать, но чувствовал он себя как новорожденный.

По загадочной случайности он оказался лежащим на больничной койке с привязанными руками и ногами. Ремни с мягкой подкладкой не давали свести руки, а ногам оставляли ещё меньше места. Ужасно чесалась голова. Он не помнил, как здесь оказался, впрочем, его интересовало только одно – шоколадка. Она лежала на тумбочке рядом с часами. Даже сквозь упаковку он чувствовал сводящий с ума аромат.

На улице было темно, в палате горел свет. Воздух вокруг был настолько сухой, что губы потрескаются, если улыбнуться. И постоянный шум за дверью.

Что там происходит, Артур не знал, может быть, какой-то праздник, по какой ещё причине люди могут собраться вместе в одном здании? Этот шум не давал ему уснуть, поэтому приходилось ворочаться всю ночь, чтобы не лежать в одной позе. Наутро он чувствовал себя раздавленным и невероятно уставшим.

Ремни были настолько короткими, что давали рукам совсем чуть-чуть свободы: Артур мог сделать только лёгкую разминку, почесать затылок не получалось. Спуститься ниже по кровати и почесать голову тоже было невозможно: через грудь у него был переброшен ещё один ремень.

Намучавшись достаточно, Артур решил любым способом завладеть шоколадкой, не руками, так хитростью. Он проверил, что у него есть под рукой. Единственным предметом в подчинении оказалось одеяло. С помощью ног и доступной свободы у рук он сложил его в два слоя и набросил на тумбочку, а затем резко дёрнул на себя. Шоколадка вместе с тарелкой, на которой лежала, приземлилась на кровать. Артур быстро вернул одеяло в нормальное положение, чтобы никто не увидел под ним честно добытое сокровище.

Разорвать упаковку оказалось сложнее, чем он думал. Имея в наличии лишь пальцы одной руки, это действие превратилось в настоящее испытание. Наконец упаковка поддалась, и он бросил шоколадку к голове. Там он изогнулся и стал откусывать её, пачкая простыню и подушку.

Это оказалась самая вкусная шоколадка из всех, которые он когда-либо ел. Но не успел он как следует насладиться ею, как в палату вошла любопытная пара: толстый мужчина с затуманенными глазами и стройная женщина, стоящая на нетвёрдых ногах. Одета она была слишком пёстро для больницы. Обоим было около пятидесяти. Это был Чарльз Тауэр с женой, но Артур их не узнал и решил, что они хотят забрать его шоколадку.

– В колодец не поместится слон, – сказал мужчина и улыбнулся недоброй улыбкой: – Телевизоры бывают разные.

Слова для Артура звучали приятно, они были как музыка для его ушей, но смысл он не улавливал. Каждое отдельное слово было для него знакомым, но при сложении вместе предложение получалось бессмысленным. Он не понимал собеседника и не мог ответить. Мужчина присел на край кровати. Артур решил, что у него вот-вот отберут сладость, и злобно зашипел.

– Ботинки опережают подошвы, – продолжал мужчина, глядя Артуру в глаза.

Видя, что Артур его не понимает, Чарльз наклонился к нему вплотную, словно это могло помочь.

– Ботинки опережают подошвы, – повторил мужчина мягким голосом. – Грузить стулья вверх ногами трудно.

В глазах Артура Тауэр заметил полную потерю человеческого разума, лишь голые животные инстинкты, и это его разочаровало. Чарльз надеялся на диалог, а получил семнадцатилетнего болвана. Перед тем как уйти, мужчина низко наклонился и приложил руку ко лбу Артура: температуры не было. Несколько минут пара разговаривала с доктором за стеклянной дверью. Все трое попеременно смотрели на Артура, и чем дольше длился разговор, тем мрачнее у них были взгляды. Тауэр хотел получить Артура в подчинение, с помощью убеждения перетащить его на свою сторону и получить таким образом одну из пяти подписей. Но этому не суждено было свершиться: Артур превратился в пустую оболочку, безмолвную и безвольную.

Шоколадка закончилась очень быстро, и начался период скуки. Изредка заходила женщина в белом халате и неизменно спрашивала одно и то же:

– Велосипед быстрее облака?

Медсестра была приятной женщиной: много говорила, смеялась. И она всегда приносила с собой банку пюре, которым кормила его с ложки. Её приход означал короткий перерыв в скучной лежачей жизни. Артур не понимал, что она говорит, но это и не нужно было, её звучный голос сам по себе приносил радость. Именно она принесла ему говорящую коробку с динамиком, из которой звучали бесконечные разговоры незнакомых людей.

В один из дней произошло странное событие: сначала пришла медсестра, и Артур подумал, что сейчас будет есть пюре из банки, но вместо этого в палату вкатили койку с другим парнем. У него тоже была забинтована голова, но тело оставалось свободным от повязок и наручников. Лица соседа не было видно, и Артур представлял, что может оказаться у того под повязками. Вдруг у этого парня нет кожи на голове, глаза шевелятся в открытых глазницах, а нос представляет собой две вертикальные дырки, как у змеи.

– Не могу курить алюминий, – говорил незнакомец. – Воскресенье перенесено на день тлеющего самосвала.

У него был неприятный голос, совсем противный. Он говорил импульсивно, с резкими нотками, и порой казалось, что делает он это не ртом, а грудью. Артуру это не нравилось.

– Личность – Артур, – представила их друг другу медсестра, и последнее слово показалось Артуру очень знакомым, хотя он не понимал почему. – Газ восток ледник к несчастью.

Предполагалось, что он и его новый сосед станут друзьями, однако позже произошёл случай, заставивший Артура возненавидеть парня на противоположной кровати: после обеда Артур слушал говорящую коробку, была кульминация разговора, невидимые мужчина и женщина о чём-то спорили, вот-вот их разговор должен был закончиться, когда сосед со словами «кот снаружи» встал с кровати, подошёл к нему и выключил говорящую коробку. С этого момента новый сосед стал для Артура кровным врагом. Теперь один из них не сможет жить и спать, пока живёт и спит другой.

Той же ночью, желая ему отомстить, Артур дождался, пока сосед заснёт, а потом закричал во всю силу своих обгорелых лёгких. Сосед вскочил и тут же бросился на пол, наверное, решил, что сейчас потолок рухнет ему на голову. У него был крайне недовольный вид, когда понял, что над ним подшутили и он зря проснулся. Артур долго смеялся и не мог остановиться.

На следующее утро он проснулся в больничной койке, привязанный к ней за руки и ноги. Он не помнил, как тут оказался, но это явно не было нормальным. На тумбочке лежало радио – неизвестная ему чёрная квадратная вещь с динамиком – и кусок бумаги с фольгой, а напротив него спал кто-то незнакомый. Наверняка это его друг, раз они оба оказались в одинаковом положении. У того тоже была перебинтована голова. А под повязками... вдруг у него там голова не человеческая, а зелёная, как у ящерицы, с чешуёй и раздвоенным языком.

У его друга на тумбочке не было чёрной коробки, зато там стояло несколько упаковок сока, печенье, вафли со сгущёнкой, зефир, мешок карамельных конфет и несколько булочек с корицей. А также фрукты, которые Артура совсем не интересовали.

– Килограмм тяжелее мыслей? – спросил его друг, пристально глядя ему в глаза. Наверное, предлагает угоститься чем-то из его сладостей. Артур утвердительно кивнул, но вместо этого друг повторил вопрос громче: – Килограмм тяжелее мыслей?

В ответ Артур кивнул ещё сильнее. Да, он бы отведал того, что находится на столе. Они ведь друзья, а с друзьями надо делиться. Друг, глядя на него, лишь закатил глаза и разочарованно возвёл руки к небу.

Наверное, он имел в виду не сладости, понял Артур, возможно, спрашивал о самочувствии. Надо отблагодарить его, ответить вежливостью на вежливость.

– Снежинка, – сказал Артур, глядя на друга. – Кипяток.

– Карета кланяется пингвину? – спросил друг с озабоченным видом. – Дерево кажется мотоциклом только издали, но стоит открыть рот, как оно убегает.

Слова соседа были приятны Артуру, хоть голос у того и противный. Он любил разговоры, даже когда не понимал их. Ему казалось, что он и сам участвует в них. Артур хотел, чтобы его друг говорил вечно.

Ближе к середине дня пришли двое мужчин в халатах, взяли его друга под мышки, перенесли на каталку и повезли по коридору. Это было странно, ведь его друг умеет ходить, Артур сам это видел. Через минуту пришла медсестра.

– Муравьед? – спросила она таким приятным голосом, что мгновенно стала лучшей подругой Артура.

В руках она держала блюдце, на котором рядом с банкой детского пюре лежала чайная ложка. Она накормила его и на прощание оставила подарок – лазерную указку. Когда Артур нажимал на кнопку, появлялась красная точка, которая всегда стояла там, куда он указывал. Пропадала только тогда, когда он светил в окно.

После обеда к нему в палату прикатили нового соседа: парня примерно того же возраста. Его койку расположили напротив, но привязывать ремнями не стали, а ещё у него был целый мешок конфет и прочих сладостей. Самое главное, что интересовало Артура, – это повязки на голове соседа. Что под ними скрывается? Может, там вообще ничего нет, пусто, как под повязками человека-невидимки?

Не дожидаясь, пока сосед сам предложит ему угоститься, Артур взял лазерную указку и посветил на мешок. Сосед заметил скользящую по его кровати красную точку, проследил за ней и вопросительно указал на неё большим пальцем.

– Логика по воскресеньям даёт сбой? – спросил он.

Артур утвердительно кивнул и ещё раз указал на желанное лакомство. Сосед достал из мешка одну конфету и бросил через палату, она приземлилась точно на одеяло Артура. Движения рук были ограничены, пришлось вскрывать обёртку одной рукой. Это оказалась вафля со сгущённым молоком, очень вкусная, но слишком сладкая: сразу же захотелось запить водой.

Не тратя времени понапрасну, Артур снова указал лазером на мешок с конфетами. Сосед отправил ему следующую посылку: круглый миндаль в шоколаде, оказавшийся более вкусным, чем можно было бы предположить.

Так продолжалось пятнадцать минут, пока Артур не наелся настолько, что готов был исторгнуть всё съеденное. Мешок конфет опустел наполовину, но его соседа это не беспокоило: он не был сладкоежкой, его больше интересовали бананы и апельсины. Далее Артур направил указку на тумбочку своего лучшего друга. Тот с вопросительным видом посмотрел в указанном направлении. Медленно, словно играет с хищником, сосед одним пальцем приоткрыл дверь и показал, что находится внутри. Артур без раздумий указал на вишнёвый сок в пятилитровой канистре, стоящей на нижней полке.

– Купаться в одежде бесполезно? – спросил друг.

В ответ Артур кивнул. Движения друга были медленными, может быть, он хотел, чтобы Артур отказался пить его сок, может, он сам по себе был нетороплив. Он взял полупустую

канистру, налил сок в чашку, поставил чашку на блюдце, надел тапочки и медленно, словно под водой, направился к кровати Артура.

Как оказалось, свободы рук было достаточно, чтобы закинуть конфету в рот, но недостаточно, чтобы держать чашку и пить из неё. Друг целую минуту стоял возле его кровати и наблюдал, как Артур тянется губами, но не достаёт, он пытался сползти вниз по кровати, но это было так неудобно, что он лишь ёрзал в стороны. Друга забавляла эта ситуация, он улыбался.

Наконец он сдался и согласился держать чашку, пока Артур будет пить. Он сделал всё неловко: в итоге лишь половина сока оказалось в животе, а половина – на кровати.

– Штопор, дырку можно сделать только им, – сказал друг и отправился назад к своей кровати походкой солдата, идущего по минному полю. Ещё Артур заметил, что его друг никогда не поворачивает голову вбок, всегда держит её прямо, как жук.

Желая узнать, что с ним не так, Артур взял лазерную указку и направил на голову друга. Языка сосед не поймёт, но, быть может, тот объяснит на пальцах? Не особо следя за тем, куда движется лазерный луч, Артур указал на голову друга и прошёл красной точкой ему по глазам. В этот момент друг откинулся на подушку и начал трястись всем телом, у него изо рта пошла пена. Он съехал на пол и начал биться в припадке головой о твёрдую больничную плитку.

Не зная, как ему помочь, Артур закричал и сам испугался своего нечеловеческого первобытного страха, появившегося в голосе. Одновременно с этим он начал светить лазером на стену в коридоре, в надежде, что его если не услышат, то увидят. Медсестра не появилась, вместо неё показали больные из соседних палат: парни и девушки всех возрастов, от тех, кто только начал ходить, до учеников старшей школы. Без малого два десятка удивлённых лиц смотрело на них сквозь стекло. Их тихий шёпот сливался в одно неразборчивое шипение.

Из толпы вышел самый отважный паренёк в очках, худой, как и большинство подростков его возраста. Он подошёл и, взяв подушку с кровати, положил под голову быющего в конвульсиях друга. Паренёк сидел рядом и держал его руки. При этом сам он сидел с закрытыми глазами, словно боялся, что источник пульсирующего света, подействовавший на соседа, затронет и его.

Неужели это лазерная указка сотворила такое? Артур отказывался винить себя в произошедшем, он не задумывал ничего плохого, значит, и вина лежит на обстоятельствах.

Через некоторое время приступ прекратился, толпа разошлась по палатам, а спаситель, не задав ни единого вопроса, исчез вместе со всеми. Другу хоть и полегчало, он не собирался вставать с пола, сел на подушку и минут десять собирался с силами, как только что очнувшийся от очень долгого сна. Приступ забрал все силы, превратил его затылок под бинтами в один сплошной синяк. Сосед вернулся на свою кровать, залез под одеяло и лёг лицом вниз.

Вечером настало время посещений, к Артуру пришла стройная женщина лет пятидесяти, жена Чарльза Тауэра – Марси. Артур видел её впервые. Женщина, помедлив, села к нему на кровать. Её глаза были красными, изо рта пахло алкоголем, но, несмотря на это, у неё был очень дружелюбный вид.

– Шлемы нужны даже черепахам, – сказала женщина ласковым голосом и стиснула руку Артура.

Тем временем к соседу пришла медсестра с подносом, на котором лежало полотенце и две баночки с мазью. Она поставила поднос и стала аккуратно снимать повязки с друга. Сначала с шеи – шея оказалась человеческой, – потом с подбородка, с губ. В этот момент Артур заподозрил, что его сосед вовсе не парень, уж слишком утонченными были черты его нижней половины лица. Когда открылся нос и глаза, всё внутри Артура словно завело хоровод – это была девушка! Это была первая молодая девушка, которую Артур видел в своей жизни, и он мгновенно понял: если она скажет ему что-либо сделать, он исполнит это мгновенно – не сможет противиться.

Другие не обращали на неё совершенно никакого внимания. Кто бы ни проходил по коридору, их взгляды скользили по ней и не останавливались. На Артура же её обаяние влияло с нечеловеческой силой. Она заметила его оживление, но не поняла, что оно означает. Казалось, она впервые столкнулась с таким сильным воздыхателем.

Если она прямо сейчас прикажет ему выпить воду из унитаза, он это сделает. Если попросит отдать ей свой обед, он отдаст, а потом пойдёт по больнице отбирать обеды у других и принесёт всё ей. Если она захочет прокатиться на велосипеде, он пойдёт в город, камнем разобьёт окно магазина, украдёт велосипед и прикатит его. А наградой ему будет возможность ещё раз взглянуть на неё.

Марси Тауэр возле него что-то говорила – это была длинная история, по всей видимости, очень интересная. Артур автоматически кивал на её слова, но интересовала его лишь девушка напротив. Медсестра продолжила снимать повязки и выше, над левым глазом девушки показалось то, из-за чего она оказалась в больнице: ещё не заживший рубец, тянущийся от брови вверх к макушке и продолжающийся на затылке вплоть до шеи. Кожа вокруг рубца была обожжена.

Девушка перехватила взгляд Артура, и его внутренние органы заплясали от счастья. Они некоторое время смотрели друг на друга, а затем девушка что-то спросила у медсестры. Женщина в белом халате посмотрела на Артура, обернулась и что-то ответила, сопровождая речь жестами. Постучала пальцем по затылку, сделала жест, будто разбивает яйцо, а потом показала, как у него в голове всё крутится-крутится, а потом улетает.

«Вот старая карга, – думал Артур, – сплетничать о ком-то, кто находится в комнате, только потому, что тот не понимает твоего языка... Когда она придёт к нему снимать повязки, он завернёт её в одеяло, как рулет, и положит под кровать набираться ума».

– Зачастую зубы преувеличивают значение слов, – сказала Артуру жена Чарльза Тауэра и оставила у него на тумбочке мешок конфет. Он не понимал её слов, но это ей и не нужно было. Она пришла сюда по чужому поручению, но использовала эту возможность, чтобы выговориться. – Не бывает облаков из глины.

Перед уходом женщина снова сжала его руку. Артур инстинктивно вытер это место рукавом пижамы: ему не хотелось оставлять на себе чьих-либо следов. Кроме, конечно, девушки с соседней кровати: если бы она поцеловала его в лоб, он бы не мыл голову до конца своей жизни. Но это неосуществимо, это слишком прекрасно звучит, чтобы могло оказаться правдой.

Через несколько минут медсестра закончила с повязками девушки и подошла к Артуру.

– Время танцевать наступает не у всех, – сказала она и начала снимать с него ремни. Отстегнула сначала ноги, затем руки, последним сняла ремень на груди. – Бриллиант ярче лампочки.

Вместе с медсестрой вышла и женщина, навещавшая Артура. Он взял из мешка две пригоршни конфет, положил их в карманы и слез с койки. Стоять получалось с трудом: ноги тряслись, в лёгких болело, он словно повелевал своим телом издалека, через пульт дистанционного управления. Медленно, вдоль стены он отправился вокруг палаты, опираясь на спинки коек, пустые тумбочки, подоконники, вешалки для одежды, пока наконец не добрался до койки девушки. Она смотрела на его поход с любопытством, вопросов не задавала – знала, что они не поймут друг друга. Проходя мимо окна, Артур заметил, что находится высоко, примерно на уровне двадцатого этажа, в здании красного цвета, а напротив стоял точно такой же красный небоскрёб.

Под конец маршрута Артур чуть не рухнул, все силы уходили на то, чтобы поддерживать себя в вертикальном положении. На каждой части тела приходилось сосредотачиваться отдельно. Он влез на её койку и забрался под одеяло, потеснив её в сторону.

– Некоторые шорты длиннее штанов, – сказал он.

– В душе спрятано сокровище, но ты его не увидишь, – ответила она с непонимающим видом.

Артур достал из кармана нугу в шоколаде с золотой обёрткой – его любимая конфета – и протянул ей. Она отодвинула его руку обратно.

– Скотчем не склеить материки, – ответила она.

«Может, не любит нугу?» – подумал он, порылся ещё и вытащил желатин в карамели, круглый шарик в блестящей зелёной фольге. Она снова убрала его руку. «Неужели и желатин тоже не любит? Что тогда вообще можно любить, если не нугу и желатин? Очень странные вкусы у этой девушки».

Следующей конфетой, которую он вытащил, оказался орех в глазури. Он протянул сладость соседке, и на этот раз она приняла её, но есть не стала. Вместо этого она взяла конфету, не разворачивая, большим и указательным пальцами, как нечто очень противное, и сделала вид, будто забрасывает её в рот, а на самом деле зажала в кулаке. Через секунду она сделала вид, словно задыхается, схватила за горло и начала шевелить губами, пытаясь что-то сказать. Такой метод общения понравился Артуру больше, чем тот, которым общаются все вокруг. Она не может есть конфеты, у неё непереносимость. А если бы она решила рассказать об этом, получилась бы непонятная мешанина.

Насколько же скучна должна быть жизнь без конфет. Благодаря им одним он находит силы не сойти с ума от скуки, ради чего ещё жить, если не ради них.

«Что же ты любишь есть, если не конфеты?» – спросил он единственным способом, который был бы понятен обоим, – жестами.

«Бананы», – ответила она, изобразив, как снимает кожуру с невидимого предмета, а затем откусывает и жуёт.

«Я принесу тебе бананы!» – оживился Артур и на короткий миг увидел на лице девушки улыбку, как первый луч солнца после полярной ночи, как горящая спичка в мире, где не существует огня. Они лежали под одеялом на одной кровати, её лицо было совсем рядом с его. Она имела над ним власть, которую сама не осознавала. Будто впервые в жизни столкнулась с тем, кому настолько нравится. Артур принесёт ей бананы, чего бы ему это ни стоило. Если понадобится, он посадит под окном банановое дерево и будет греть его теплом своего тела, пока оно не даст первые плоды.

Нетвёрдой рукой он снял с себя одеяло и пошёл босиком по холодному полу к выходу из палаты. Его качало как на ветру, шаги получались кривыми, один раз он не удержался и опрокинулся на спину. Путь до двери, который обычный человек преодолел бы за пять секунд, он шёл две минуты, то и дело останавливаясь возле опоры, чтобы восстановить равновесие. Его тело напоминало пружину, которая начинала раскачиваться с каждым разом сильнее, когда он пытался стоять прямо.

Мимо палаты часто ходили дети, и он видел, как малыши гораздо младше его с уверенностью держатся на ногах. Почему он не может так же? Наверное, дело в слабых ногах.

Через две минуты путь был пройден: перед ним оказалась дверь, которая не хотела открываться ни вперёд, ни назад. Перед другими людьми она распахивалась, едва те к ней прикасались. Для Артура же она была загадкой: раскрой секрет запорного механизма – и сможешь выйти наружу. Не отгадаешь – и останешься здесь до конца времён.

Позади послышались звуки ударов железной кружки о деревянную поверхность тумбочки. Артур обернулся и увидел, как девушка машет ему рукой:

– Через микроскоп не увидеть мужество.

– Зубной щёткой тоже можно пораниться, если сильно постараться, – заверил он.

Дверная ручка оказалась очень простой: она подавалась вниз, и дверь сама собой открывалась. Вокруг жужжали флуоресцентные лампы, стены, как и в палате, были выкрашены в голубой с жёлтым. Прямо напротив его палаты находилась небольшая площадка с креслом-мешком

и журнальным столиком, под потолком висел телевизор. На двух диванах, стоящих под углом друг к другу, сидели шесть военных в серой униформе. При появлении Артура они отложили свои дела и стали неотрывно следить за ним.

В конце коридора слева сидела медсестра за стойкой, за ней в ряд – три торговых автомата, ещё дальше лифт. Его палата номер один находилась в самом начале коридора. По правую руку – другие палаты.

Ноги начали неметь от напряжения – мышцы не хотели держать его вес. Артур заглянул в палату номер два и увидел шестерых парней: двое лежали под одеялом, накрытые по шею, старшему было четырнадцать или пятнадцать, младшему около четыррёх.

– Система перегрелась, капитан отдал приказ закапывать яму, облако упало на землю и расплавилось, – рассказывал один из пациентов палаты номер два с увлечением и большими паузами между предложениями, словно придумывал историю на ходу, другие слушали его, открыв рты.

На тумбочках у них лежало самое настоящее счастье: печенье, батончики, мармелад, пирожные, вафли, желе, зефир, ирис, суфле, халва, цукаты, пряники. Даже противные леденцы нашли своего хозяина. Если бы он мог, то взял бы тележку, сложил на неё всё добро и отвёз к себе, где ел бы всё до тех пор, пока зубы не отвалятся. Но это ему, конечно же, сделать не дадут. У нескольких парней лежали яблоки и апельсины, бананов не было ни у кого.

В палате номер три лежали ребята тех же возрастов. У окна сидел усатый мужчина на стуле и читал красочную книжку, все его слушали. Малыш, вероятно его сын, уже давно уснул и пускал слюни из открытого рта, но мужчина продолжал читать для тех, кто ещё не спит. Здесь еды оказалось гораздо меньше: скорее всего, хозяева попрятали её внутри тумбочек, оставив на видном месте только кружки и бутылки с соками. Ничего интересного.

В четвёртой палате Артур нашёл то, что искал: у крепкого парня, что лежал на койке в позе морской звезды, на тумбочке стоял пакет с фруктами, и среди них обнаружилась связка бананов – пять или шесть штук. Помимо парня, в палате лежали ещё двое тяжеловесов: эти бугаи, казалось, пришли сюда за протеиновой диетой, а не за лечением. У всех троих были перебинтованы разные части тел.

В то время, когда Артур зашёл к ним в палату, один из них, темнокожий парень, с носом, выгнутым в трёх направлениях, что-то рассказывал, заложив руки за голову, двое других, на вид уроженцев Крайнего Севера, увлечённо слушали.

– Главная цель любой черепахи отказаться от сахара. Особенно если она сделана из гранита.

– Может быть, стоит погасить факел?

– Только если стоишь на краю пропасти, иначе нельзя.

Люди в палатах принадлежали к разным национальностям, но все они говорили на одном языке, который Артур не понимал. Ему были знакомы слова, которые они используют, но смысл их терялся до того, как они до него доходили, и он воспринимал только их пустую оболочку. То же происходило и с тем, что он говорил. Когда какая-то мысль зарождалась у него в голове, казалось, что он сможет её выразить, но стоило открыть рот – получалась мешанина, словно между его мыслями и ртом сидит пьяный телеграфист и играет в испорченный телефон.

Бананы лежали на видном месте между двумя парнями у левой стены, украсть их не получится, отобрать силой тоже: любой из них поднимет его в воздух одной левой, а правой при этом продолжит пить чай, не отвлекаясь. Оставался единственный выход – договориться.

– На мосту можно встретить свою точную копию, – произнёс Артур с порога. Все трое посмотрели на него, он привлёк внимание. – Однако нужно будет сказать пароль.

Они смотрели на него с тем же выражением лица, с каким обычно всматриваются вдаль или читают очень мелкий текст: брови сдвинуты к переносице, глаза прищурены, и непонятно, они ждут продолжения или обдумывают его слова.

– В степях не водятся дельфины, – ответил один из них медленно и громко. – Слишком много травы.

– Толпа, состоящая из одного человека, – не толпа, одежда чёрного цвета не станет белой сама по себе. А если захотеть увидеть радугу, недостаточно раздеться и плясать под музыку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.